

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, политологии и права
Кафедра истории и теории
исторической науки

**БУДУЩЕЕ НАШЕГО ПРОШЛОГО-5:
ИСТОРИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЕКТ**

Материалы
международной научной конференции

14 ноября 2019 г.

Москва 2019

УДК 94(100)(08)
ББК 63.3(0)
Б90

Редакционная коллегия

Е.В. Барышева (ответственный редактор)

С.С. Новосельский (ответственный секретарь)

К.А. Медведев

Будущее нашего прошлого-5: История как коммуникативный проект: Материалы международной научной конференции. 14 ноября 2019 г. М.: РГГУ, 2019. 337 с.

ISBN 978-5-7281-2545-7

УДК 94(100)(08)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-7281-2545-7

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	8
Доклады	
<i>Алипов П.А.</i> Свой среди чужих, чужой среди своих: иконографический метод Н.П. Кондакова в коммуникативном пространстве отечественной гуманитаристики	11
<i>Антонова И.Б.</i> О влиянии лингвистического поворота на процесс интерпретирования исторического текста.....	19
<i>Бароне В.А.</i> «Английская Нормандия» первой половины XV в. как объект коммуникаций в зарубежной и отечественной историографии.....	29
<i>Барышева Е.В.</i> Современные интерпретации дискурса советских государственных праздников 1920–1930-х гг.	40
<i>Бахтурина А.Ю.</i> Политика царского правительства в отношении прибалтийских немцев 1914 г.: историографические стереотипы и исторические источники.....	47
<i>Беспятова Е.Б.</i> Тернистый путь научного дискурса: востребованные и невостребованные идеи Л.Н. Юровского.....	58
<i>Богатырев А.В.</i> Об использовании почты русским резидентом в Речи Посполитой В.М. Тяпкиным.....	68
<i>Браун Е.Д.</i> Новые подходы к изучению Войн Роз (конец XX – начало XXI в.).....	77
<i>Булычева Е.В.</i> Междисциплинарный подход в изучении проблемы распоряжения священными землями Аттики (IV в. до н. э.).....	85
<i>Буранок А.О.</i> Коммуникативный аспект Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии).....	93

<i>Веревкина И.Н.</i> Эволюция «авторитетного дискурса» как пример коммуникативной практики в мемуарах С.Ю. Витте.....	106
<i>Галдилов Г.Д.</i> Историография в поисках случая: подходы Р. Козеллека.....	114
<i>Гузельбаева И.А.</i> Информационно-коммуникативные ресурсы истории в культурном пространстве периода перестройки (1985–1991 гг.).....	123
<i>Давыдова О.Г.</i> Гендерные исследования и категория гендера: трудности актуализации в системах академического дискурса и обыденного знания.....	134
<i>Иллерицкая Н.В.</i> Историография как коммуникативный проект.....	147
<i>Медведев К.А.</i> Современные тенденции исторического знания в деятельности военно-исторических музеев.....	159
<i>Морозов Д.В.</i> Интеллектуальная биография в отечественной историографии: проблемы научной коммуникации.....	167
<i>Москалевич А.С.</i> Современные подходы к изучению социальной стратификации советского общества (1917–1930-е гг.).....	177
<i>Нисковская М.И.</i> Коммуникативное взаимодействие с читателем в историческом нарративе Ф.А. Эмина.....	184
<i>Оксамитная Д.А.</i> Императорский двор Екатерины II: историографический анализ.....	194
<i>Петрова С.Г.</i> Роль школы «Сомнения в древности» в развитии исторического знания в Китае.....	205
<i>Савосткина Р.</i> Новый быт 1920-х гг. как коммуникативный проект: между утопией и реальностью.....	213
<i>Ступанская Е.С.</i> Особенности формирования историографии о Первой Мировой войне в России и на Западе.....	223
<i>Судзуки Юри</i> Тенденции изучения истории России в Новое время в Японии.....	231

<i>Тихонов П.П.</i> Государственная Дума Российской империи и межпарламентская дипломатия в 1906–1914 гг. (по материалам прессы).....	240
<i>Тумаков Д.В.</i> Коммуникации советских региональных элит в борьбе с девиантным поведением граждан в период позднего социализма (по материалам Ярославской области).....	250
<i>Уланов Ф.И.</i> 5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года как пример коммуникативных практик в истории России.....	260
<i>Усачев А.С.</i> Маршруты писцов в Московской Руси XVI века.....	271
<i>Филимонов В.А., Иванов Ф.Н., Лейман И.И.</i> Семейная история как контент для социально-значимого проекта: исследовательские стратегии и коммуникативные практики (на примере «Книги Памяти Республики Коми»).....	278

Круглый стол «Республиканская идея в России с древнейших времен до конца XX в.»

<i>Юсим М.А.</i> Парадоксы республиканской идеи.....	290
<i>Соловьев К.А.</i> Поздние славянофилы и res publica: В поисках новой политики.....	299
<i>Новосельский С.С.</i> Земский собор в России в 1905 г. и республиканская идея.....	315
<i>Ростиславлева Н.В.</i> Макс Вебер: от монархического принципа к республиканизму.....	325
<i>Медушевский А.Н.</i> Проект всемирной Республики Советов: идея, воплощение в СССР, современные оценки.....	329

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник, представленный вниманию читателей, содержит материалы Международной научной конференции «Будущее нашего прошлого-5: История как коммуникативный проект», которая состоялась в Российском государственном гуманитарном университете 14 ноября 2019 г. Научный форум, организатором которого, по традиции, выступила кафедра истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, был посвящен проблемам коммуникации в истории и историографии России и зарубежных стран.

Безусловная актуальность проблематики определила широкий круг участников и слушателей конференции. В ее работе приняли участие исследователи из Москвы, Казани, Сыктывкара, Перми, Самары, Тольятти, Ярославля, а также Эстонии и Японии. Программа конференции оказалась насыщенной. Она включала в себя работу пленарного и трех секционных заседаний.

В ходе пленарного заседания прозвучали доклады, посвященные современным коммуникативным практикам в исторической науке, истории возникновения новых научных методов и подходов в пространстве отечественного гуманитарного знания, проблемам становления и профессиональной коммуникации советского научного сообщества 1920-х гг. и в годы Перестройки. Особый интерес вызвали выступления, посвященные различным аспектам репрезентации исторического знания в социальных медиа. Докладчики не обошли

стороной сюжеты, связанные с историей коммуникативных практик. Так, специальный доклад был посвящен маршрутам переездов писцов в Московской Руси в XVI столетии.

Работа секции «Историческая коммуникация: современные проблемы и подходы» включала в себя выступления, посвященные коммуникативным аспектам исследования многообразных сюжетов. Прозвучали доклады об изучении истории Античности и европейского Средневековья, особенностях дипломатической коммуникации между Московской Русью и Речью Посполитой в XVII в., истории российской исторической мысли XVIII в., конкретно-исторических и историографических аспектах изучения истории Российской империи в начале XX в., коммуникативным практикам в советском обществе и профессиональном историческом сообществе на различных этапах существования СССР.

Особый интерес вызвала работа секции молодых ученых. Преподаватели, аспиранты, магистранты и соискатели РГГУ, ПГНИУ и Института стран Востока обсудили вопросы становления научных школ и формирования коммуникативных практик в изучении истории России и Китая. Часть докладов была посвящена методологическим аспектам научной коммуникации: феномену интеллектуальной биографии в исторической науке, gender studies и современным тенденциям развития исторического знания в музейном пространстве.

В ходе конференции также состоялся круглый стол «Республиканская идея в России с древнейших времен до XX в.», организованный в рамках исследовательского проекта № 19-48-04-112 «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.», реализуемого при поддержке Российского научного фонда (РНФ). В центре внимания участников дискуссии находились проблемы зарождения и трансформации идей республиканизма в российской и

зарубежной общественно-политической мысли, а также проекты их воплощения, принадлежавшие перу различных авторов: от древнеримских мыслителей и философов эпохи Возрождения до государственных и общественных деятелей Российской империи и Советской России.

*Ответственный секретарь редакционной коллегии
С.С. Новосельский (кафедра истории и теории
исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ)*

ДОКЛАДЫ

П.А. Алипов¹

**Свой среди чужих, чужой среди своих:
иконографический метод Н.П. Кондакова
в коммуникативном пространстве отечественной гуманитаристики**

Проблема междисциплинарности гуманитарного знания давно перестала быть сюжетом, вызывающим ожесточенные споры в области теории исторической науки. В целом эта идея, активно продвигавшаяся еще основателями школы «Анналов» Люсьеном Февром и Марком Блоком, не воспринимается сегодня как революционная. Большинство исследователей-историков с удовольствием экспериментируют, включая методы смежных гуманитарных наук в свой рабочий инструментарий.

Однако ситуация, сложившаяся вокруг рецепции иконографического метода, разработанного на рубеже XIX–XX столетий выдающимся отечественным ученым Н.П. Кондаковым (1844–1925), на этом фоне выглядит уникальной и даже в какой-то степени парадоксальной. Борьба между представителями исторической науки и искусствоведами за признание этого метода «своим» вылилась в споры о приемлемости его использования в условиях современной, стремительно развивающейся гуманитаристики. Эта чисто научная дискуссия оказалась вплетена в политический контекст 1920-х годов, способствовавший резкому размежеванию представителей дореволюционной российской науки, оказавшихся в большинстве своем в вынужденной эмиграции, и зарождавшейся советской научной элиты.

¹ Алипов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

Сам по себе иконографический метод сложился в трудах Н.П. Кондакова, посвященных анализу древнерусского и византийского искусства. В основных чертах он был сформулирован ученым на страницах программного доклада «О научных задачах истории древнерусского искусства»¹, предложенного участникам заседания Общества любителей древней письменности и искусства 13 ноября 1898 г. и опубликованного годом позже. В своем выступлении, произведшем своего рода сенсацию², Н.П. Кондаков не только впервые обозначил значимость искусства древней Руси как уникального и самобытного элемента искусства мирового, но и обрисовал те методологические подходы, которые позволяют его изучать. Не вдаваясь в подробности, укажем основные принципы иконографического метода.

1. Толкование тех или иных сюжетов изобразительного искусства невозможно выполнить корректно без их максимально подробного описания. Оно, в свою очередь, дает возможность выявить те порой мельчайшие изменения в иконографических типах, которые позволяют проследить направления векторов различных культурных влияний в изучаемом регионе.

2. Исследование эволюции искусства требует колоссальной эрудиции, владения серьезным фактографическим багажом. Только имея соответствующие знания, а отсюда и возможность сопоставлять памятники, разбросанные в географически удаленных на многие километры друг от друга областях, специалист может определить изначальный оригинал того или иного иконографического типа и его последующие редакции, расположив их на хронологической шкале в строгом порядке, что и позволяет достичь указанной цели.

¹ Кондаков Н.П. О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1899. Вып. 132. С. 1–47.

² См.: Клейн Л.С. История российской археологии: Учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 554–555.

3. Работая с изобразительным материалом (живописью, архитектурой, скульптурой и т. д.), крайне желательно отыскать литературный источник, образами и символами которого вдохновлялись древние мастера, создававшие тот или иной памятник искусства.

Необходимо отметить, что изложенные выше постулаты применимы исключительно к искусству так называемого канонического, или ритуализированного, типа. Его предметы обладают качеством «условной стабильности», поскольку связаны с определенным, практически неизменным каноном¹. Естественно, памятники христианского искусства Византии и древней Руси абсолютно органично вписываются в это определение, и именно на них оттачивал Н.П. Кондаков свой метод.

Однако уже его ученики сумели выйти за рамки указанного предметного поля. Наиболее выдающийся из них – всемирно известный антиковед М.И. Ростовцев распространил метод своего учителя на памятники античной древности. Используя иконографический метод Н.П. Кондакова, он проанализировал фрески погибших при извержении Везувия Помпеев², сохранившиеся на тот момент живописные фрагменты из античных погребений юга России³, а затем и многочисленные находки в римско-парфянской крепости Дура-Европос на Евфрате⁴. В своих воспоминаниях он не раз подчеркивал решающее значение общения с Никодимом Павловичем в процессе своего профессионального становления и овладения научным инструментарием.

Наиболее убедительно это удалось сделать М.И. Ростовцеву на страницах сборника, изданного в Праге к восьмидесятилетию

¹ См.: *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. С. 6.

² См.: *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1896. Т. 8. Вып. 3–4. С. 307–393.

³ См.: *Он же.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. СПб., 1914.

⁴ См.: *Rostovtseff M.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938.

Н.П. Кондакова¹. Целый ряд крупных ученых выразили здесь восхищение различными сторонами научного творчества своего выдающегося коллеги, однако именно Михаил Иванович посчитал нужным сделать умышленный акцент на теоретико-методологической стороне его многогранной деятельности. Рассмотрим этот текст подробнее.

Коснувшись вопроса о так называемом кружке «фактопоклонников», сформировавшемся в 90-е гг. XIX в. в Музее древностей Петербургского университета из учеников Н.П. Кондакова², М.И. Ростовцев поясняет, что речь на его заседаниях шла в первую очередь о недопустимости бесплодного, ни на чем не основанного теоретизирования: «Это была здоровая реакция против смутных и малообоснованных обобщений, к которым так склонны русские люди»³. За этими словами кроется предельно строгая методологическая позиция, не допускающая априорных философских предпочтений (ни в виде процветавшего в ту пору позитивизма, ни в форме поднимавшего голову марксизма) в противовес эмпирической базе исследования.

Если же говорить о конкретной источниковой базе, которой отдавал предпочтение Н.П. Кондаков, то здесь на первое место выходит как раз визуальный материал. М.И. Ростовцев подчеркивает, что Никодим Павлович намеренно выделял его по сравнению с памятниками письменности. Вспоминая об одной из своих ранних командировок, он говорит и об общении с Н.П. Кондаковым и его ближайшими учениками в Испании. «Я просто ездил и смотрел, лучше сказать учился смотреть и видеть. Мало кто знает, как это трудно. Этому трудному делу я научился

¹ См.: Никодим Павлович Кондаков: 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924; переиздано: *Кондаков Н.П. Воспоминания и думы* / сост. И.Л. Кызласовой. М., 2002. С. 197–227.

² См.: *Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман* / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 53.

³ *Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы...* С. 212.

от Н.П. [Кондакова] и Я.И. [Смирнова], хотя они никогда меня этому не учили, а только смотрели сами и делились со мной тем, что они увидели. Одних глаз для этого мало. Нужно иметь и царя в голове»¹. Приоритетное внимание к визуальным источникам – росписям, фрескам, мозаикам, произведениям станковой живописи – превратилось в отличительную черту научного творчества абсолютного большинства учеников Н.П. Кондакова.

И вот тут М.И. Ростовцев переходит к самому главному аспекту в рецепции методологического инструментария своего учителя. Источниковая база любого исследования требует к себе синтетического подхода. Именно он отличает историка от искусствоведа или филолога-классика. «Чистым археологом² я не сделался, как не сделался и классическим филологом. Но я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которого основано и зиждется на археологии и классической филологии»³. Умение сопрягать свидетельства разных видов и типов, таким образом, выступает коренным основанием специфического научного аппарата, развивавшегося последователями Никодима Павловича.

Обозначив научные принципы, которыми руководствовались сам Н.П. Кондаков и его эпигоны в своей профессиональной деятельности, М.И. Ростовцев утверждает: «По этому же пути идут и наши ученики»⁴. Тем самым подчеркивается факт прямой преемственности между специалистами как минимум трех поколений, что неоспоримо свидетельствует о складывании особой школы. Однако в ее основание ученый кладет не объект исследования (ведь он коренным образом

¹ Там же. С. 214.

² Под археологией в конце XIX – начале XX в. разумелось изучение любого рода вещественных артефактов: не только собственно археологических, но и архитектурных, живописных и т.д.

³ *Ростовцев М.И.* Указ. соч. С. 213.

⁴ Там же.

различается хотя бы у самих Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева), а метод и теоретическую базу с особым педалированием их «историчности» в противовес чистым археологии и искусствоведению.

Но, может быть, М.И. Ростовцев заблуждался, выдавая желаемое за действительное в стремлении подчеркнуть свое научное происхождение именно из школы всеми признанного классика? Обратившись к строкам упомянутого выше ключевого доклада Н.П. Кондакова, можно с легкостью убедиться, что именно историком видел себя и сам ученый. Именно «к частному *историческому* (курсив мой – П.А.) анализу стилей»¹ призывал он своих сторонников. Более того, подвергая тщательному разбору конкретный материал – прилепы Дмитриевского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, свои умозаключения Н.П. Кондаков строил во многом исходя из понимания социально-экономического контекста бытования памятников, а вовсе не имплицитных процессов в развитии древнерусского искусства. Таким образом, искусство интересовало его не само по себе, а лишь как часть гораздо более широкого и интересного феномена той или иной национальной культуры.

Однако именно из стана искусствоведов, причем уже советских, раздались возгласы вежливой, но очень настойчивой критики в адрес иконографического метода Н.П. Кондакова. Первым шагом на пути сбрасывания ученого «с корабля современности» следует считать статью В.Н. Лазарева, опубликованную в год смерти Никодима Павловича². Основную вину ученого видный искусствовед видит в недооценке им эстетического критерия при анализе памятников искусства: «...Иконографический тип (центральное понятие, введенное

¹ Кондаков Н.П. О научных задачах истории древнерусского искусства... С. 44.

² См.: Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) // Византийская живопись. М., 1971. С. 7–19. (Впервые весь очерк был опубликован отдельной брошюрой в 1925 г.)

Н.П. Кондаковым – П.А.) индифферентен по отношению к проблеме эстетического качества. Для ученого, занимающегося одной лишь иконографией, все изображения одинаково хороши, особенно если они заполняют брешь в изучаемой им эволюции какого-либо типа»¹. В.Н. Лазарева категорически не устраивает «чисто исторический уклон его научных интересов»². Ученый склонен объяснить подобную «отсталость» методологии Н.П. Кондакова тем фактом, что новая наука (искусствоведение) в то время «недостаточно еще обособилась в отношении общего своего метода от чистой истории»³. Таким образом, внешне доброжелательный очерк-некролог В.Н. Лазарева, рисуя в целом образ выдающегося специалиста, на самом деле выводил Н.П. Кондакова за рамки современной науки, рассматривая его наработки исключительно в качестве историографического факта, не имевшего ничего общего с актуальными проблемами, стоявшими на повестке дня искусствоведческой отрасли.

Сейчас трудно говорить об истинных причинах подобного разворота советской науки в отношении творческого наследия Н.П. Кондакова. Не исключено, что формирующаяся академическая элита, к которой, без сомнения, принадлежал В.Н. Лазарев, стремилась побыстрее отмежеваться от авторитетной, но политически чуждой фигуры ученого-эмигранта и тем самым занять освободившийся пьедестал⁴. Так или иначе, но подобный взгляд быстро стал каноничным в СССР. Об этом свидетельствует тот факт, что спустя шесть десятилетий после выхода в свет работы В.Н. Лазарева крупный исследователь творчества

¹ Там же. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Эта мысль была мне любезно подсказана М.Ю. Сорокиной в ходе дискуссии по моему докладу в рамках Международной научной конференции «Научные миры русского зарубежья», которая состоялась 7–8 октября 2019 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве.

Н.Н. Кондакова И.Л. Кызласова совершенно уверенно, как о чем-то всем хорошо известном, заявляла об «исторической ограниченности иконографического метода»¹.

Парадоксальность ситуации, впрочем, заключается в том, что ученого, всю свою жизнь осознававшего себя историком и разработавшего уникальный метод работы с визуальными источниками для постижения исторических феноменов и процессов, без его на то воли объявили искусствоведом, и при том искусствоведом отсталым. Этот казус сам по себе является красноречивым свидетельством весьма специфического развития отечественного гуманитарного знания в советскую эпоху. Однако утешает другое: многочисленные ученики и последователи Н.П. Кондакова, а также их эпигоны с успехом продолжали и продолжают использовать созданный им иконографический метод в своих собственных исследованиях, свидетельствуя о его жизненности и неувядающей актуальности в интеллектуальном пространстве современной гуманитаристики.

¹ *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России... С. 157.

О влиянии лингвистического поворота на процесс интерпретирования исторического текста

История не существует вне текста.

Что такое исторический текст? Профессиональный интерес автора статьи лежит в области исследования *текста*, его восприятия, интерпретирования и понимания. Определение, данное тексту М.П. Бахтиным – «текст есть первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» – позволяет предположить, что история – как объективный и реальный процесс – не существует вне текстовой реальности, а значит изучение истории необходимо проводить средствами дискретной, а значит текстовой, практики. Именно такой подход к истории инициировали представители лингвистического поворота (Дж. Пококк, Р. Козеллек, Р. Барт, Х. Уайт, П. Рикер, Ф. Анкерсмит), ассоциируя последний с аналитической категорией, используемой для описания роли языка в работе историков. Критика текстового подхода неоклассиками представляла собой отрицание внетекстовой реальности, которая может привести в историческую науку кризис идентичности. Между концептуализацией истории рамками текста, с одной стороны, и полным отрицанием возможности ее рассмотрения как текстовой реальности, с другой, имеет место и так называемый *взвешенный (срединный)* подход, который предполагает

¹ Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков ФМОиЗР ИАИ РГГУ.

взгляд на историю как на *исторический текст*, который, тем не менее, продуцируется внетекстовой реальностью.

В переводе с английского понятие *исторический текст* имеет двойное значение: *historic text* (т. е. текст как социальный феномен, аккумулирующий в себе информацию о прошлом) и *historical text* (текст, обладающий исторической (и не только!) значимостью).

Существует еще одно понятие, которое вызывает исследовательский интерес методистов, но которое не предполагает его «вхождения» в терминологический аппарат историка. Речь идет о понятии *устаревший текст* (outdated text). С этим понятием была связана знаковая история, случившаяся со мной на конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Линкольна. Выступая с докладом на тему «Инаугурационная риторика А. Линкольна: ритуальность и реформаторство» и подробно характеризуя жанровые новшества 16-го президента США, я, в частности, сказала, что обе его инаугурационные речи стали предметом риторического анализа на моих занятиях по английскому языку со студентами старших курсов. По окончании доклада один из американских коллег (преподаватель по образованию) высказал мнение о нецелесообразности включения в программы по ИЯ текстов из XVIII–XIX вв., «поскольку и лексика, и даже грамматика (!) подобных «следов прошлого», увы, безнадежно устарели, а значит не могут служить предметом обучения современному английскому языку». Этот случай заставил меня задуматься о том, что междисциплинарный подход применительно к историческому тексту далеко не всегда возможен в связи с разностью его восприятия лингвистом и историком: для лингвиста, а тем более практикующего методиста, речь, написанная 2–3 столетия назад, – вышедший из употребления (outdated) материал, потерявший свою актуальность по причине устаревшей языковой формы. Для историка эта же речь – и исторический (historic) текст, вобравший в

себя информацию о прошедшей социальной реальности, и важнейшее свидетельство (historical text) истории, выступающее своеобразным навигатором и задающее вектор в социальном пространстве современности.

В отличие от языка (который в данном конкретном случае мы понимаем как набор подвластных времени, а значит устаревающих, языковых средств) ни сама риторика, ни тем более жанр инаугурационной речи не могут устареть по определению, поскольку первая (риторика), так или иначе до сих пор организует публичное коммуникативное пространство, а второй (жанр) до сих пор оформляет это пространство сюжетно и/или стилистически. Потенциальная способность методиста увидеть речь Линкольна глазами историка позволила бы максимально и перспективно обогатить тезаурус учебных материалов за счет исторических текстов, снабдив последние такой системой заданий, результатом выполнения которых стало бы *выявление* жанровых и риторических характеристик, уже имеющихся в тексте, а затем *интерпретирование* этих характеристик средствами современного языка.

Исторический текст: достоверность или правдоподобие? XIX век – это период сциентизации истории, вследствие которой исторические исследования теряют тысячелетние связи с литературой и риторикой. При этом исторический текст, по мнению Хейдена Уайта, все равно остается и риторическим, и литературным: «Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого останутся литературными – «поэтическими» и «риторическими» – отличными от того, что считается специфически «научным» дискурсом»¹.

¹ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. Под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург, 2002. С. 7.

В качестве примера риторичности и литературности исторического текста Уайт приводит описание Марксом французской буржуазии и рабочего класса в ходе волнений 1848 г. в Париже, характеризуя данное описание как «последовательность модальную, но не логическую»¹. Модальность, определяемая лингвистами как отношение говорящего к предмету говорения, в историческом тексте принимает форму дискурсивной последовательности, «в которой различные уровни репрезентации связаны друг с другом аналогически», что в значительной степени отличает данную последовательность от последовательности логической, при которой одно событие самым объективным образом выводится из другого. Логикам аналогическая репрезентация может напомнить индуктивный способ рассуждения: для обеих характерна такая связь посылок и заключения, которая «опирается не на закон логики, а на некоторые фактические и психологические основания, не имеющие чисто формального характера», а это значит, что аналогическая репрезентация «не вытекает логически из посылок и может содержать информацию, отсутствующую в них»². Продолжая логику рассуждения автора цитаты, добавим, что «информация, отсутствующая в них» представляет собой не что иное как интерпретацию описываемых исторических событий, которая опосредована наличием именно такой, а не иной связанностью между ними. Свобода выбора связей в аналогичной репрезентации предполагает разную интерпретацию одних и тех же исторических событий, что делает исторический текст вероятным, правдоподобным, но не стопроцентно достоверным.

Что же должно явиться предметом исследования для ученого-историка – исторические события или сцепления между ними? Российский историк А.И. Бродский выбирает второе, аргументируя свой

¹ Там же. С. 9.

² *Ивин А.А.* Риторика: искусство убеждать. Учебное пособие. М., 2003. С. 58.

выбор тем, что реальное описание событий без привнесения в него «идеологии сцеплений» делает историю человечества совершенно абсурдной и бессмысленной:

«Никакой внутренней связи между историческими фактами, скорее всего, нет. Реальные исторические события весьма слабо влияют на последующие события, возможно – вообще не влияют. Влияние оказывает тот идеологический и мифологический образ событий, который сложился в принятых описаниях. Например, есть все основания сомневаться, что ...принятию христианства на Руси действительно предшествовала беседа князя Владимира с мусульманином, иудеем и христианином, как об этом рассказывается в «Повести временных лет». Но вся последующая русская история определялась именно этими рассказами. А не тем, что было на самом деле. И связь между фактами образуется только тогда, когда эти факты становятся сюжетом некоего повествования. Только в этом случае факты становятся коллективной судьбой, т.е. внутренне связанной последовательностью событий, обладающей определенной *телеологией*»¹.

Ключевой, требующей интерпретирования, является в этой цитате фраза об оказании влияния мифологического образа событий. Оказание влияния (т.е. признание исторического текста достоверным), по Бродскому, достигается не столько наличием связанности, сколько посредством создания *образа событий*, изначально сложившегося в тексте-источнике, а точнее – сложенного автором текста-источника. Более того, первоначальной формой сохранения и передачи исторических знаний был не письменный исторический, а устный мифологический текст, который чудесным образом сочетал в себе «несказочность», «коммуникативность» и «образность».

¹ Обретение смысла: чтение и письмо как философская проблема / под ред. А.И. Бродского и А.С. Троицкого. СПб., 2014. С. 14.

О таких понятиях как *образ* и *образность* применительно к историографии начали говорить задолго до лингвистического поворота (начало XX в.) представители самых разных отраслей знаний. Приоритет в дебатах принадлежал философам. Последние требовали от историков определиться со статусом самой науки: история научная или история литературная (где создание образа – обязательная часть творческого процесса). Далее (60-е гг. XX в.) последовало разделение на нарративистов и сторонников модели охватывающего закона, инспирированное разными подходами к выбору методов написания истории. Основанием для различения был сам характер исторического текста, воспринимаемый сторонниками модели охватывающего закона как достоверное описание исторических фактов, а нарративистами – как игра фактами посредством воображения историка. На основании того, что факт уступает место воображению историка, а исторические события сами собой растворяются в его имагинативных интенциях, Уайт создал свой «эстетический историзм», который, тем не менее, не помешал ему сочувствовать «научной» истории и настаивать на необходимости создания достоверного исторического нарратива. Возникает вопрос: почему не текста?

Что делает исторический текст нарративом? В «Метаистории» Уайт намеренно избегает понятия *исторический текст*, заменяя его *историческим дискурсом* или *нарративом*, репрезентируя то и другое как сюжет, имеющий смысл лишь при наличии *связей*. Другими словами, нарратив (дискурс, сюжет) предполагает в качестве своей имманентной характеристики *связанность*, которая предотвращает атомарность и беспорядочность исторических событий. Эта мысль Уайта подтверждается рядом западных философов – последователей лингвистического поворота (Р. Барт, П. Рикер, Ф. Анкерсмит), которые

акцентируют внимание на проблеме приоритета *идеологии сцеплений* над самой мыслью, идеей или событием.

Высока вероятность того, что понятие идеологии сцеплений было впервые использовано представителями «альтернативной истории». Отрицая внетекстовую реальность, они утверждали, что образ прошлого продиктован законами, которым подчиняется исторический текст, а не законами, которым подчиняется сама реальность. При этом исторический текст из хроники, жития или учебника истории альтернативщики считали фикцией, поскольку и то, и другое, и третье изображает реальность с позиции той идеологии, которая продиктована властью.

В отличие от представителей альтернативной истории, ограничивающих исторический текст рамками политической идеологии, Уайт (еще до своего присоединения к нарративистам) поддерживал конструктивизм, призывая историков не столько «обнаруживать», сколько «конструировать» исторические факты (а за ними и исторические события). По мнению Уайта, историк, оперирующий фактами и событиями, как отдельными элементами конструкции, соединяющий их в свободные композиции и использующий для этого множественные комбинации связей, не может не прийти к выводу, что не существует единственно правильного взгляда на один предмет исследования. Экстраполируя эту точку зрения Уайта на отношение к репрезентации истории, нельзя не заметить плавного *перехода*, который совершает ученый, от *конструирования* исторических фактов в рамках исторического текста по принципу «начало, середина, конец» к *организации исторического сюжета, нарратива*, ключевое место в котором отдано тропологии. Как истинный представитель лингвистического поворота, Уайт предлагает освобождение языка исторического текста за счет использования в нем языка метафор и троп. Такой язык не столько добавляет достоверности историческому тексту,

сколько приближает его к сюжетному повествованию, выстроенному по законам жанра литературного произведения.

В чем причина несовершенства языка исторического текста?
Использование языка, которым написан исторический текст, вряд ли, можно считать оптимальным способом, с помощью которого достигается его достоверность. В процессе коммуникации по типу «историк – исторический текст» язык текста выступает чем-то вроде эпифеномена, сопровождающего процесс чтения и интерпретирования. В результате сама коммуникация такого рода может предполагать восприятие исторического текста и как достоверного, и как правдоподобного. Неоднозначность интерпретации в данном случае выступает чуть ли не имманентным свойством чтения исторического текста по причине неоднозначности самого языка.

Язык исторического текста в форме нарратива, для которого с большой долей вероятности характерна дискурсивная связанность, образность и конструктивизм, далеко не оптимален для снятия неоднозначностей, в этом тексте присутствующих. Причина неоднозначности языка исторического текста кроется в неоднозначности языка вообще, ибо последний лишен критериев, позволяющих различить буквальное от фигуративного, коннотативное от денотативного, убеждающее от манипулятивного, достоверное от правдоподобного. На основании приведенных характеристик можно сделать вывод либо о слишком высоком уровне сложности языка (что доказывает его высокое развитие), либо, наоборот, о его несовершенстве. Именно такими вопросами задавался выдающийся американский лингвист, философ и общественный деятель Ноам Хомский: «Возможно ли, чтобы система языка сама по себе имела некое оптимальное устройство, иными словами – совершенен ли язык? ... А другой вопрос: есть ли такой смысл, при котором устройство является оптимальным? Не является ли оно

наилучшим решением для некоторого набора условий, которым оно должно удовлетворять?»¹. Исходя из приведенных здесь рассуждений Хомского (которые впоследствии легли в основу его Минималистской программы), исторический текст, как и любой текст, содержит не наилучший набор средств для выполнения своей цели, а именно – удовлетворения законам достоверности. Но поскольку язык не совершенен и вообще, и в частности (применительно к использованию в историческом тексте), то и набор языковых средств, – далеко не лучший, то все-таки оптимальный для того набора условий, которым он должен удовлетворить.

Каково влияние лингвистического поворота на прочтение исторического текста? Очевидно, что разные методы прочтения текста открывают его новые интерпретативные возможности. Каковы методы прочтения исторического текста, совпадают ли они с методами прочтения художественного или политического текстов? И возможна ли аппликация? Вопросы могут показаться некорректными с учетом обязательного подразделения всех исторических текстов на *исторические источники* (комплекс документов, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события) и источники *историографические* (тексты, несущие научное знание, добытое исследователем в результате определенных научных операций). Сторонниками лингвистического поворота утверждается возможность неоднозначного прочтения и тех, и других, ибо каждый из их создателей волен иметь свой собственный взгляд на историю, в них представленную.

¹ Хомский Н. О природе и языке. М., 2017. С. 142.

Вместо заключения.

Безжалостны истории страницы.
Писать на них – удел не слабаков.
За каждой строчкой – чьи-то судьбы, лица,
Рев пламени, лязг стали, стук подков.
Но время – добрый друг и враг заклятый –
Неумолимо увлечет их в тень,
И станет для потомков просто «датой»
Кому-то жизнь перевернувший день.
...И знали бы невольные герои,
Борясь, спасая, веря и любя,
Что заполняя летописи кровью,
Ни капли не оставят для себя.

«Историзм» этих строк достигается не столько наличием характерной для такого типа текста лексикой (история, время, дата, потомки, летопись), сколько настоящей необходимостью множественного толкования поэтики истории (термин Уайта), обладающей более чем богатым интерпретативным ресурсом.

«Английская Нормандия» первой половины XV в. как объект коммуникаций в зарубежной и отечественной историографии

История «английской Нормандии», ее возникновения и длительного – в течение нескольких десятилетий – существования на севере Французского королевства, связана с событиями Столетней войны (1337–1453). Нормандия была завоевана английским королем Генрихом V Ланкастером в начале XV в. Герцогство покрывается сетью постоянных английских гарнизонов. Англичане взяли на себя функции управления Нормандией и учредили в провинции свою, автономную от остальной Франции, администрацию. Генрих V и его преемники проводили в Нормандии политику земельных конфискаций. Вернуть герцогство в состав домена французской короны удалось лишь в 1449–1450 гг. Данные обстоятельства позволили исследователям говорить о феномене «английской Нормандии» первой половины XV в.

Рассматриваемая тема относится к числу наиболее дискуссионных в историографии. Термин «английская Нормандия» был введен в оборот отечественными авторами (Н.И. Басовская, С.К. Цатурова). Во французской исторической литературе, начиная с работ Г. Лефевра-Понтали (конец XIX в.) применительно к Нормандии периода иностранного завоевания употреблялось выражение «английская Франция» (Ш. Пти-Дютайи, Э. Перруа, А. Легуа, С. Льюс, Ф. Контамин, Е. Бурассен). В современных английских исследованиях доминирует

¹ Бароне Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ.

сочетание «Ланкастерская Нормандия» (А. Гудмен, Р. Гриффитс, Д. Сьюард, Р. Ярмен, К. Алманд, Э. Керри).

Проблема «английской Нормандии» первой половины XV в. анализировалась в науке преимущественно в контексте Столетней войны. Изучение вопросов, связанных с данной тематикой, проводилось, как правило, в рамках политической или военной истории этого периода. Тем не менее, уже французской либерально-позитивистской историографией второй половины XIX – начала XX в. в этой области были достигнуты серьезные результаты. А. Ковилль одним из первых затронул вопрос о противоречии феодального права тенденциям к образованию национальных государств¹. Утверждением Ш. Пти-Дютайи о том, что в 1422 г. половина Французского королевства признавала монархом Карла VII², была заложена необходимая методологическая платформа для будущих исследований по «английской Нормандии». Главными объектами изучения англоязычных авторов первой трети XX в. стали военно-политические события в герцогстве, экспедиции Ланкастеров на континент в 1415 и 1417 гг., административная структура в Нормандии, ее финансовые и другие институты при Плантагенетах и Капетингах³.

Французская историография 40–50-х гг. XX в. связана с именем Э. Перруа. Согласно его взглядам, в начале XV столетия Буржскому королевству противостояла не одна «другая Франция», но две, три и даже четыре совокупности территорий, каждая из которых подчинялась разным

¹ См.: *Coville A. Les premières Valois et la Guerre de Cent Ans (1328–1422) // Histoire de France depuis les origines jusqu'à la revolution / Ed. E.Lavisse. T. IV. P., 1902.*

² См.: *Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422–1492) // Histoire de France depuis les origines jusqu'à la revolution / Ed. E.Lavisse. T. IV. P., 1902.*

³ См.: *Wylie J.H., Waugh W.T. The Reign of Henry the Fifth. 3 vol. Cambridge, 1914–1929; Newhall R.A. War Finances of Henry V and the Duke of Bedford // EHR–1921. V. 36. P. 172–198; Item. The English Conquest of Normandy 1416–1424. L., 1929; Haskins Ch.H. Norman institutions. Cambridge, 1925; Trevelyan G.M. History of England. L., 1925; Strayer J.R. The Administration of Normandy under Saint Louis. Cambridge, Massachusetts, 1932.*

режимам, защищала собственные интересы и имела, по выражению автора, свое «лицо»¹. Вслед за Перруа мысль о существовании сразу нескольких Франций наряду с «английской» и «буржской» частями королевства стала общим местом в зарубежной исторической науке (П. Бонанфан, К. Фаулер, А. Легуа, К. Армстронг). В английской историографии 50-х гг. наметились тенденции, связанные с переоценкой традиционного подхода либеральных историков к проблемам конфликта с французами. Видное место в этой ревизии занял вопрос о его характере. В работах Д. Темплемена, М. МакКизака, Дж. Ле Патуреля и др.² проводилась мысль об оборонительной со стороны Англии войне – тенденция, которая получила широкое распространение в английских исследованиях на рубеже 60–70-х гг.³ Главными последствиями Столетней войны авторы называли рождение «крепкого национального чувства» в Англии, тогда как Нормандия, по их убеждению, еще не ощущала себя неотъемлемой частью Франции⁴.

В 70–80-е гг. XX столетия на фоне практического отсутствия специальных работ по вопросам «английской Нормандии» первой половины XV в. английская историческая наука в трудах по более широким темам продолжила развивать взгляды своих предшественников. Преимущественное внимание было уделено правовым аспектам английской власти в Нормандии, соглашению в Труа и создаваемому на

¹ *Perroy E.* La guerre de Cent Ans. P., 1945.

² См.: *Templemen G.* Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War // TRHS. 1952. V. 2. P. 70–81; *McKisack M.* Edward III and the Historians // History. 1960. V. XIV. P. 78–102; *Le Patourel J.* Edward III and the Kingdom of France // History. 1958. V. XLIII. №149. P. 173–189; *Item.* The Plantagenet Dominions // History. 1965. V. 50. № 170. P. 289–308.

³ См.: *Le Patourel J.* The Origins of the War // The Hundred Years War / Ed. K.Fowler. L., N.-Y., 1971. P. 31–45; *Item.* The Norman Empire. Oxford, 1976; *Item.* Feudal Empires: Norman and Plantagenet. L., 1985; *Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy, 1328 – 1498). L., 1967.

⁴ См.: *Burne A.H.* The Agincourt War. A military history of the latter part of the Hundrer Years War from 1369 to 1453. L., 1956, reprint Wesport, 1976.

его основе англо-французскому королевству. А. Гудмэн, Д. Сьюард, Р. Ярмэн и Р. Гриффитс¹ подчеркивали юридическую обоснованность прав Генриха V, законный характер правления Ланкастеров в Нормандии и созидательные задачи английской монархии во Франции. Позитивное отношение к попытке союза двух корон проскальзывало в отдельных работах представителей консервативного направления и раньше². Однако лишь в 70-х гг. идея прогрессивного характера «двуединой монархии» заняла в английской историографии ведущее место. Этим взглядам противостоит концепция французского ученого Е. Бурассена³ об «оккупации» Нормандии англичанами. Нереальность договора в Труа он объяснял историческими причинами и влиянием формировавшегося веками национального характера англичан и французов на события Столетней войной. С процессом образования централизованного государства во Франции связал невозможность объединения двух королевств Ф. Контамин⁴.

В английской историографии 80–90-х гг. XX в. выделяются работы К. Алманда, К. Армстронга и Э. Керри⁵, в которых приводится иной, чем у их предшественников, взгляд на «английскую Нормандию» первой половины XV столетия. Критикуя жизнеспособность «двойной монархии», они подчеркивали отсутствие у Генриха V необходимых

¹ См.: *Goodman A.* A History of England from Edward III to James I. L.-N.-Y., 1977; *Seward D.* The Hundred Years War. The English in France 1337 – 1453. L., 1978; *Yarman R.H.* Crispin's day. The Glory of Agincourt. L., 1979; *Griffiths R.A.* The Reign of King Henry VI. N.-Y., 1981.

² См.: *Jacob E.F.* The Fifteenth Century 1399–1485. Oxford, 1961. P. 239.

³ См.: *Bourassin E.* La France anglaise: 1415–1453: Chronique d'une occupation. P., 1981.

⁴ См.: *Contamine Ph.* La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité? // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques. T. I. P., 1988. P. 17–29; *Item.* Des pouvoirs en France 1300-1500. P., 1992; *Histoire militaire de la France: Des origins à 1715 / Sous la direction de Ph. Contamine.* P., 1992 и др.

⁵ См.: *Allmand Ch.* Society and War. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinbourg, 1973; *Idem.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. The History of Medieval Occupation. Oxford, 1983; *Idem.* The Hundred Years War: England and France at War, 1300–1450. Cambridge, 1988; *Armstrong C.-A.* England, France and Burgundy in the XV-th century. L., 1983; *Curry A.E.* The Hundred Years War. L., 1993.

военных и финансовых ресурсов (впервые данная мысль прозвучала еще в 1955 г. в работе А. Стилла¹). Кроме того, авторы писали о целенаправленной политике Ланкастеров по отделению Нормандии от остального королевства, что противоречило условиям соглашения в Труа.

С конца 50-х гг. XX в. интерес исследователей к политической истории ослабевает. Специалисты начинают обращаться к социальным и культурным аспектам эпохи Столетней войны. В центр внимания попадают вопросы организации, социального устройства и «национального» состава английской армии в Нормандии, характер и направленность военных экспедиций Ланкастеров на континент, дисциплина в английских войсках². Активно изучается проблема влияния войны на экономику Англии и Франции³. Исследуются выгоды, которые могла приносить война, мотивация непосредственных участников боевых

¹ См.: *Steel A.* The financial Background of the War of the Roses // *History*. XI. 1955.

² См.: *Rowe B.J.H.* Discipline in the Norman Garrisons under Bedford, 1422–1435 // *EHR*. 1931. V. XLVI. P. 194–208; *Newhall R.A.* Bedford's Ordinance on the Watch of September 1428 // *HER*, 1935. P. 36–60; *Idem.* Master and Review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge, 1940; *Howard M.* Military History as a University Study // *History*, vol. XLI (1956). P.184-191; *Idem.* Soldiers and Governments. L., 1957; *Powicke M.* Military Obligation in Medieval England. Oxford, 1962; *Curry A.* The First English Standing Army? - Military Organisation in Lancastrian Normandy, 1200-1450 // *Patronage, Pedigree and Power in the Later Medieval England*. Bristol, 1979; *Idem.* L'effet de la libération de la ville d'Orléans sur l'armée anglaise: les problèmes de l'organisation militaire en Normandie de 1429 à 1435 // *Jeanne d'Arc: une époque, un rayonnement*. Colloque d'histoire médiévale, Orléans 1979. P. 1982. P. 95–106; *Idem.* The Nationality of Men-at-Arms serving in English Armies in Normandy and the pays de conquête, 1415-1450: A preliminary Survey // *Reading Medieval Studies*. Vol. 18. 1992. P. 135-163; *Allmand C.T.* L'artillerie de l'armée anglaise et son organisation à l'époque de Jeanne d'Arc // *Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement*. Colloque d'histoire medieval. Orléans–Octobre, 1979. P., 1982. P. 73–81.

³ См.: *Postan M.* Some Social Consequences of the Hundred Years' War // *EHR*, vol. XII (1942). P.1-12; *Idem.* The Costs of the Hundred Years' War // *Past and Present*, no 27, April, 1964. P.34-53; *Cambier P.* La vie économique en France à la fin de la guerre de Cent ans. P., 1942; *Boutruche R.* La crise d'une société. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la guerre de Cent ans. P., 1947; *Mollat M.* Le commerce de la Haute Normandie au XV siècle et au début du XVI. P., 1952; *Item.* Le commerce Maritime Normand à la fin du Moyen Age: Etudes d'histoire économique et sociale. P., 1952; *Bois G.* The Crisis of Feudalism. Economy and Society in Eastern Normandy, 1300–1550. P., Cambridge, 1976.

действий, их чувства к своим противникам, отношение к войне и миру¹. В работах И. Дэнбери, П. Льюиса, Ж. Кринена, Н. Понс и др.² затрагиваются вопросы действия «военной пропаганды», стереотипы и образы, используемые для ее осуществления, формы воздействия на умы.

В российской исторической литературе английское завоевание Нормандии, договор в Труа и создание по его условиям объединенного королевства оцениваются с позиций, близких к современной французской историографии. Иллюзией завершения войны был этот договор для Н.И. Басовская³. По мнению С.К. Цатуровой, «союз двух корон» оказался непрочным эфемерным образованием – из-за нарушений англичанами условий договора в Труа по Нормандии и формирующегося в Англии и Франции патриотизма. В статьях Е.В. Кузнецова, Ю.И. Писарева и

¹ См.: *McFarlane K.B.* The Investment of Sir John Fastolf's Profits of War // *TRHS*. 1957. V.7. P. 91–116; *Idem.* War, the Economy and Social Change. England and the Hundred Years' War // *Past and Present*. 1962. V. XXII; *Idem.* A Business-partnership in War and Administration, 1421–1445 // *EHR*. 1963. V. 78. P. 290–310; *Allmand C.* War and Profit in the Late Middle Ages // *HT*. 1965. V. XV. P.39-48; *Contamine Ph.* La guerre de Cent ans en France: une approche économique // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. L., 1974. V. 48. P. 125–149; *Idem.* Les compagnies d'aventure en France pendant la guerre de Cent Ans // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age, Temps modernes*, 87. Rome, 1975. P. 365–396; *Idem.* Rançon et butins dans la Normandie anglaise (1424–1444) // *Actes du 101-e Congrès national des Sociétés savantes*. Lille, 1976. P. 241–270; *Idem.* La théologie de la guerre de la fin du moyen âge: la guerre de Cent Ans fut-elle une guerre juste? // *Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire medieval*. Orléans – Octobre, 1979. P., 1982. P. 9–21; *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages, 1348-1500. L., 1990.

² См.: *Lewis. P.S.* War Propaganda and Historiography on the Fifteenth-Century France and England // *TRHS*, 5th ser., vol. XV (1965). P.1-21; *Idem.* *Ecrits politiques de Jean Juvénal des Ursin*. La vie et l'oeuvre. T. III. P., 1992; *Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1435). P., 1981; *Idem.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècles. P., 1993; *Pons N.* Propagande et sentiment nationale pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // *Francia*. 1980. P. 127-145; *Idem.* La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // *Journal des savants*. 1984. P. 191-214; *Idem.* Guerre de Cent ans vue par quelques polémistes français du XV siècle // *Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIV-XV siècles* / éd. par Ph. Contamine. Lille, 1991. P. 143-169; *Danbury E.* English and French Artistic Propaganda during the Period of the Hundred Years War: Some Evidence from Royal Charters // *Power, Culture and Religion in France, 1350-1550* / Ed. by C.Allmand. Woodbridge, 1989. P. 75-97.

³ См.: *Басовская Н.И.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003.

О.В. Губановой¹ просматривается интерес к социальным проблемам, связанным с мотивацией участников войны, заинтересованностью различных слоев английского общества в ее продолжении, взаимоотношениями английской власти и Парламента. Защищенные диссертации М.А. Зайцевой², Н.С. Тарасовой³ и В.А. Земляницына⁴ свидетельствуют о повышении интереса к вопросам, имеющим отношение к названной тематике. Отдельный параграф посвящен Нормандии в монографии Е.В. Калмыковой⁵.

Еще одной проблемой в истории «английской Нормандии» первой половины XV в. является тема освободительного движения в герцогстве. Первыми заметный научный интерес к нему проявили французские авторы второй половины XIX в. Историки-позитивисты, С. Льюс, П. Ле Кашо, Г. Лефевр-Понтали, Ж. Мишле и др.⁶, освещали положение

¹ См.: *Губанова О.В.* Столетняя война, финансы и Парламент // Англия и Европа: проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Кузнецова; Кол. авт. Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. Арзамас, 2001. С. 55–62; *Кузнецов Е.В.* Борьба магнатских партий в Англии в 50-е гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Учен. зап. Горьковского ГУ. 1959. Вып. 46. С. 33–41; *Он же.* Политическая история Англии в 30-40-е гг. XV в. // Народные движения в Англии в середине XV в. М., 1982; *Кузнецов Е.В., Меркулова Т.Б., Минеева Т.Г.* К причинам поражения Англии в Столетней войне: «партия измены» 40-х гг. XV в. // Проблемы британской истории и наследие С.И. Архангельского. Н.Новгород, 1999. С. 27–29 и др.; *Писарев Ю.И.* Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // СВ. 1973. Вып. 37. С. 82–108; *Он же.* Магнаты и корона в Англии XIV в. // СВ. 1980. Вып. 43. С. 77–105.

² См.: *Зайцева М.А.* Арраский мир Столетней войны и борьба за Кале в 1436 г. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Кузнецова; Кол. авт. Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. Арзамас, 2001. С. 74–78; *Она же.* Английское общество на последнем этапе Столетней войны (20–30-е гг. XV в.): Дис.к.и.н. Н.Новгород, 2004.

³ См.: *Тарасова Н.С.* Франция в европейских международных отношениях в первой половине XV в.: Дис.к.и.н. Екатеринбург, 2004.

⁴ См.: *Земляницын В.А.* Французская политика королевского дома Ланкастеров (1399–1435 гг.): Дис.к.и.н. СПб., 2005.

⁵ См.: *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.

⁶ См.: *Luce S.* Jeanne d'Arc a Domremy. Paris, 1886; *Item.* La France pendant la guerre de Cent ans. Paris, 1890; *Michelet J.* Jeanne d'Arc. Paris, 1912; *Item.* Histoire de France: 16 t. P., 1876–1879; *Lefèvre-Pontalis G.* La Guerre de Partisans // Bibl. de l'École de Chartes.

Нормандии под властью англичан с точки зрения благотворной роли феодальной монархии в истории Франции. Они отстаивали идею о высоком уровне национально-патриотического самосознания французов в годы Столетней войны и массовом характере их выступлений против англичан. Основное внимание исследователей было сосредоточено на бригадах в значении партизан – мнение, которое оставалось доминирующим в работах многих французских авторов (Ш. Пти-Дютайи, С. Дек, Э. Перруа).

В английской либерально-позитивистской историографии тема освободительного движения во Франции на заключительных этапах Столетней войны обходилась молчанием. Сдержанно отдавалась дань лишь Жанне д'Арк. Английское завоевание Нормандии было представлено в благоприятном свете, а сопротивление англичанам – как выступления абсолютного меньшинства населения (Дж. Тревельян, Дж. Вайли, В. Вау, Р. Ньюхолл). Точка зрения «патриотической школы» на проблемы освободительной борьбы в Нормандии была пересмотрена уже в статьях Б. Роу¹. Критике автора подвергся феномен «бригандажа». Роу выступала против применения термина «бриганды» в качестве синонима слова «партизаны». Она отвергала массовый характер сопротивления в герцогстве и стремилась доказать отсутствие патриотического содержания в действиях этих уголовных преступников.

Ответом на статью Б. Роу стала работа французского ученого Р. Жуе². Различая несколько аспектов «бригандажа», он настаивал на его политическом смысле и использовал термин «бриганды» для обозначения участников партизанского движения. Истоками этого движения автор

Vol. 54–57. P., 1893–1896; *Deck S.* La ville d'Eu. Son histoire, ses institutions (1115–1475). P., 1924.

¹ См.: *Rowe B.J.H.* John Duke of Bedford and the Norman «Brigands» // *EHR*–1932. V. XLVII. № 188. P. 583–601.

² См.: *Jouet R.* La resistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie: 1418–1450. Caen, 1969.

называл английское присутствие во Франции. Тенденции, намеченные Р. Жуе, были продолжены в работах Ж. Фавье и Е. Бурассена¹. Сопротивление английской власти в Нормандии они считали результатом объективных условий жизни завоеванного населения. Освободительное движение в Нормандии рассматривали в качестве фактора, разрушившего идею союза двух корон. Главную роль в этом процессе отводили сельским и городским слоям общества, а также деятельности бригаандов-партизан.

Следствием характерного для английских историков 70–80-х гг. XX в. представления об «английской оккупации» Нормандии, ее роли и влиянии на жизнь местного населения, стал особый взгляд этих авторов на освободительные течения в герцогстве в первой половине XV столетия. Антианглийские выступления историки связывали с ошибками правления регента Франции Джона Бедфорда и деятельностью бригаандов-разбойников, меры по борьбе с которыми преподносили как исторический и нравственный долг во имя спасения передового начинания объединения Англии и Франции (А. Гудмен, Р.А. Гриффитс). В отдельных работах проводилась мысль об отсутствии у нормандцев желания сопротивляться английским войскам². При этом авторы не могли не отметить роль партизанской войны в рассматриваемых событиях.

Ряд важных выводов по поводу освободительного движения во Франции в первой половине XV в. был сделан в трудах отечественных историков. В статьях А.Д. Люблинской³ прозвучала мысль о борьбе жителей королевства с англичанами как мотиве, который обусловил победу французов в Столетней войне. Истоком освободительного

¹ См.: *Favier J. La guerre de Cent Ans. P., 1980.*

² См.: *Chibbert Ch. Agincourt. L., 1978.*

³ См.: *Люблинская А.Д. К вопросу об образовании французской народности // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 78–96; Она же. Жанна д'Арк // Средние века. Вып. 22. М., 1962; Она же. Столетняя война и народные восстания XIV–XV вв. // История Франции / Под ред. А.З. Манфреда, В.М. Далина, В.В. Загладина, С.Н. Павлова, С.Д. Сказкина. Т. I. М., 1972. С. 115–150.*

движения она называла политику завоевателей в Нормандии, отдавая должное партизанской войне и участию в ней крестьян. Опустошительная тактика англичан и высокие задачи сохранения государственности были причинами освободительного движения в Нормандии для Н.А. Хачатурян¹. Исследовательница подчеркивала действие такого фактора, как формирование этнического единства страны. Успешный исход конфликта с Англией, по ее мнению, предопределила партизанская война, особую роль в которой Хачатурян отводила городам и городскому ополчению.

В работах Н.И. Басовской² была предложена периодизация освободительного движения и рассмотрены особенности каждого из его этапов. Качественные изменения в его развитии Басовская связывала с завоеванием Нормандии англичанами. Исследовательница подчеркивала влияние освободительной борьбы на процесс становления французской национальной идентичности, которая, по мнению автора, формировалась на основе синтеза этнического и политического компонентов. Роль городов в Столетней войне продемонстрировали в своих работах С.К. Цатурова³ и Т.В. Мосолкина⁴. Необходимо отметить исследования,

¹ См.: Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976; Она же. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989.

² См.: Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. № 1. М., 1987. С. 48–66; Она же. Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV-первая половина XV вв.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001. С. 47–57; Она же. Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // Цель истории – история. С. 252–266.

³ См.: Цатурова С.К. Города в Столетней войне // Город в средневековой цивилизации Западной Европы (под ред. А.А. Сванидзе). Т. IV. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 246–273.

⁴ См.: Мосолкина Т.В. Английский город в политических событиях Англии XIV-XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы... С. 273–282.

посвященные Жанне д'Арк (Н.И. Розенталь, А.П. Левандовский, Н.Н. Мелик-Гайказова, В.И. Райцес, О.И. Тогоева)¹.

Таким образом, тема «английской Нормандии» первой половины XV в. получила в зарубежной и отечественной историографии определенное развитие. Вместе с тем, очевидно, что эта проблема нуждается в дополнительном внимании.

¹ См.: *Розенталь Н.И.* Жанна д'Арк – народная героиня Франции. М., 1958; *Левандовский А.П.* Жанна д'Арк. М., 1962 (переизд.1982); *Райцес В.И.* Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964; *Он же.* Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982; *Он же.* «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1996; *Мелик-Гайказова Н.Н.* Столетняя война // СИЭ. М., 1971. Т.13; *Крылов В.П.* «Mulier illiterate»: об уровне культуры средневековой женщины из народа // Адам и Ева: альманах гендерной истории / Кол. авт. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, гл. ред. Репина Л.П. М., 2001. С. 81–103; *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.–СПб., 2016.

**Современные интерпретации дискурса
советских государственных праздников 1920-1930-х гг.**

Изучение государственных праздников началось еще в 1920–30-е гг. В первые десятилетия Советской власти закладывались традиции и ритуалы проведения памятных дней, впоследствии оказавших особое влияние на формирования исторической памяти советского общества. Практически сразу началось и изучение праздников научными и партийными и общественными организациями, в задачи которых входила также разработка методических рекомендаций для организаторов праздников.

В советской историографии советским праздникам уделялось достаточно внимания как к составной части агитационно-массовой работы.

Современные исследователи советского периода, уделяя много внимания различным областям человеческой деятельности, достаточно часто обращаются к сфере политической, анализируя те или иные аспекты господства и подчинения. В последнее время внимание исследователей привлекают вопросы символического осмысления развития, как мировых, так и отечественных политических процессов. В этой связи историки рассматривают советскую праздничную культуру и ее влияние на формирование «нового человека». Система советских праздников и обрядов рассматривается с различных методологических подходов.

¹ Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

Среди множества тем исследователей привлекают вопросы складывания советских ритуалов, их символически-визуальный аспект¹.

Свой вклад в раскрытие темы внесли работы по истории советского агитационно-массового искусства. В этой связи представляют особый интерес идеи, высказанные немецким исследователем Х. Гюнтером о том, что иллюзия гармонического единства в Советском Союзе создавалась эстетическими средствами². Б. Гройс, также рассматривая Советский Союз в эстетических или художественных терминах, утверждает, что «воля к радикальной искусственности помещает советский коммунистический проект в художественный контекст»³.

Исследования 1990-х – 2000-х гг. расширили представления о процессах, происходивших в первые десятилетия существования советской власти. Анализ различных форм агитационно-массового искусства, таких как архитектура, кинематограф, изобразительное искусство, садово-парковое искусство позволило авторам сделать вывод о тоталитарном характере культуры 1930-х гг.⁴

Изучению советской праздничной культуры посвящены исследования, в которых рассматривается система советских праздников и обрядов⁵.

¹ См.: *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998; *Мальшева С.Ю.* Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231-254; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012 и др.

² См.: *Гюнтер Х.* Тоталитарное искусство как синтез искусств // Соцреалистический канон/ Сборник статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000.

³ См.: *Гройс Б.* *Gesamtkunstwerk* Сталин. М., 2013. С. 8.

⁴ См.: *Паперный В.* Культура Два. М., 1996; *Голомиток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994; *Цивьян Ю.Г.* Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига, 1991; *Морозов А.И.* Конец утопии: Из истории искусства в СССР 1930-х гг. М., 1995; *Рыклин М. К.* Пространства ликований. Тоталитаризм и различие. М., 2002; *Золотонос М.* Γλυπτοκράτος. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог садово-паркового искусства сталинского времени. СПб., 1999 и др.

⁵ См.: *Мальшева, С.Ю.* Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной

Концепция советской праздничной культуры немецкого исследователя М. Рольфа, предполагает изучение отношений власти и общества в контексте культурного феномена. Рассматривая праздник как диалог государства и общества и механизм внутренней советизации общества¹, историк подчеркивает, что создаваемый посредством праздников образ легитимного большевистского государства как логическое завершение революционного движения². Интерпретация революции как героического события, открывшее путь в светлое будущее только в первую ее годовщину в 1918 году носило характер скорби в память о погибших в революционном огне товарищах. Затем, юбилейные торжества превратились в ежегодный формализованный ритуал праздника с театрализованными шествиями и демонстрациями трудящихся.

Е. Добренко предлагает взглянуть на праздник с точки зрения создания нового хронотопа советского общества. Автор утверждает, что юбилеи, годовщины и праздники в «красном календаре» «кодифицировали историческое сознание создателей»³. Анализируя революционные праздники сквозь призму календарей (в частности, «Календарь коммуниста»), автор отмечает, что статьи о революционных праздниках (День Красной Армии, Международный день работниц, Первое мая, день Печати, Международный юношеский день и т.д.) представляли собой исторические очерки с библиографическим аппаратом, которые год от года увеличивались в размерах, предлагая читателю все больше исторических подробностей и оценок главных событий.

истории. 2003. № 10. С. 231–254; Муратова А.С. Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76; Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа. Краснодар, 2010.

¹ См.: Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

² Там же. С. 73–75.

³ Добренко Е. «Красный день календаря...» // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К шестидесятилетию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 98.

Представляет интерес изучение советских государственных праздников с точки зрения складывания механизма государственного мифологизированного ритуала. Пьер Нора, размышляя об истории Франции, «каждый год, и каждый месяц требует своей порции обязательных или сфабрикованных годовщин»¹. Так и для нового советского государства требовались свои годовщины и юбилеи революции 1917 г. Повторяющиеся из года в год праздничные мероприятия становились символическими ритуалами. Советское общество, как и любое другое, нуждалось в мифах и порождало мифы, служащие поддержанию его идеологии. Так и миф о коммунистическом обществе, как обществе равных, был использован для легитимации Великой русской революции, поддерживался советскими государственными праздниками и активно внедрялся в сознание общества. Миф, подхваченный революционно настроенным населением, и оформленный соответствующим образом художниками и артистами, способствовал складыванию нового слоя граждан, которые воспринимали историю революции как рассказ о единственно верном выборе в развитии Российского государства, совершенном большевиками. Формируемая таким образом, по определению М. Хальбвакса, «коллективная память общества»² формировала новую идентичность и передавала сведения о прошлом. М. Хальбвакс называет такой прием оживления исторического прошлого типом памяти, который конструирует и консолидирует социальные группы.

О формировании «коллективной памяти» в ходе праздников писали и Я. Ассман и П. Нора. Теория культурной памяти немецкого ученого Я. Ассмана, разработанная в 1990-х годах, предполагает и наличие

¹ Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 96.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 6.

понятия символической культурной памяти, которая культивирует воспоминания в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках, формализуя традицию воспоминания. Праздничные церемонии в качестве мест памяти рассматривает также французский историк П. Нора¹.

П. Хаттон, вслед за М. Хальбваксом считал, что коллективная память – это «сложная сеть общественных нравов – ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки ... коллективной памяти»².

Участники парадов, демонстраций, митингов советского периода воспроизводили и интерпретировали события революции, закрепляли его в своем собственном сознании и сознании будущих поколений. Политические празднества достаточно быстро начинают доминировать в повседневной жизни городского населения, превращаясь в политические ритуалы. Склонность к ораторству с трибун и использованию таких архаичных форм как маски и костюмы во время политических карнавалов свидетельствовали о формализованности коммуникативного кода ритуала советских государственных праздников.

Участие в ритуале также являлось частью обучения. Во время празднования знаменательных дат предлагался опыт модельной ситуации для подражания. Участие в юбилейных мероприятиях активно навязывало эмоциональное восприятие революции как единственно верного, а отождествление себя с другими членами общества предполагало

¹ См.: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: 2004; *Нора П.* Как писать историю Франции // *Франция-Память / П. Нора и др.* СПб., 1999. С. 96; *Нора П.* Франция – память. СПб., 1999.

² *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С.129.

следование за советской моделью поведения. Значительную роль в закреплении новой модели поведения населения играли изменения, происходившие в стране, в первую очередь экономического плана.

Ежегодные ритуалы празднования создавали определенную память о событии, которая при повторении закреплялась в сознании. В зависимости от частоты повторения, знание того, что произошло, пополнялось, расширялось за счет новых деталей и оценок действующих лиц. Контекст исторического знания менялся в зависимости от политической и экономической ситуации. Юбилеи революции были не только и не столько средством для воспоминаний. Прошлое, как миф, призвано было объяснять и направлять. Это отразилось в многочисленных речах и докладах, которыми изобиловали все праздничные мероприятия. Ни один митинг, ни одна демонстрация не обходилась без выступления руководителей партии и государства, участников революционных событий. Риторика публичных выступлений менялась, но основные принципы построения речей оставались неизменными.

Революционное прошлое в ходе государственных праздников 1917-30-х гг. представало не как память, а повествование о героическом настоящем. В праздничной презентации делались попытки стереть в памяти воспоминания о жизни страны до революции, и советские граждане должны были идентифицировать себя в новом обществе. Создаваемая история советского государства приводила и к корректировке настоящего. Потеря дореволюционных культурных практик и возникновение «пролетарских» формировало новые формы «исторических воспоминаний», что нашло отражение в проводимых праздничных ритуалах.

Сложившийся в первую четверть существования советской власти ритуал празднования как годовщин Октябрьской революции 1917 г., так и Первомай был элементом воспитания, отражал взаимное признание

памяти, событий и эмоций. Опираясь на человеческую память, ритуал выполнял функции обучения памяти, создания запоминающихся переживаний и обмена различными воспоминаниями с целью организации публичного совместного подчинения ему и насаждению его и как «нашему», и как «единственно правильному». Организованная большевистской властью практика коммеморации, оказала влияние на складывание государственного ритуала празднования революционных юбилеев и дат. В ходе праздничных мероприятий внушалась идея обновления жизни в результате революции и уверенность, что старый режим никогда больше не вернется, формировалась твердая решимость, что жертвы революции были принесены во благо светлого будущего. День 7 ноября как день свержения старого режима и установления нового символизировала новый порядок и вызов его всемирным врагам. Создание новых памятных дат стало частью «изобретения традиции».

Предлагаемые подходы дают возможность говорить о перспективе рассмотрения советских государственных праздников 1918–1930-х гг. как инструменте социального конструирования реальности.

**Политика царского правительства
в отношении прибалтийских немцев 1914 г.:
историографические стереотипы и исторические источники²**

Политика царского правительства в Прибалтике в годы Первой мировой войны стала объектом пристального внимания в отечественной исторической науке в конце 1990-х гг. в контексте проблемы насильственного перемещения мирных граждан военными властями в прифронтовых районах. В 1990-х гг. такой подход прекрасно вписывался в общую обличительную канву российской историографии, органично сочетаясь с сформировавшимися в советской науке критическим подходом в оценке практически любых действий самодержавия.

Исследование политики царского правительства в отношении немцев в годы Первой мировой войны органично переплетались с исследовательской традицией зарубежной историографии (П. Холквист, М. Фон Хаген и др.), где затрагивались действия Ставки в отношении этнических евреев, немцев, поляков и других представителей нерусских национальностей.

Особое внимание зарубежных исследователей привлекала проблема насильственного переселения мирных граждан из района военных действий в годы Первой мировой войны. При этом были сделаны интересные наблюдения. Например, американский исследователь

¹ Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ФАД ИАИ РГГУ.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-59-12006; Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-59-12006.

П. Холквист отмечал, что уже в середине XIX в. сформировался взгляд на население как сферу государственного вмешательства. Он подчеркивал, что уже к началу войны сформировались модели поведения военных властей, закрепленные в официальных инструкциях, для борьбы с противником на своей территории, включая взятие заложников и подавление «беспокойных элементов». Холквист отмечал, что тотальная война превратила эти инструкции в «неотъемлемую часть государственной политики» по депортации этнических меньшинств. В целом в зарубежной историографии акцент делался на, чтобы показать репрессивный характер политики военных властей. При этом Холквист отметил, что данная политика не являлась порождением Первой мировой войны, а была «продуктом нового взгляда на население и на возможные способы воздействия на него», проводилась не с целью военной необходимости и для того, чтобы изменить состав населения отдельных регионов, «очистить» районы от строго определенных элементов»¹. Ряд зарубежных исследователей обращали внимание на то, что депортации в годы Первой мировой войны практиковала вся Европа и, в частности Германия также проводили политику, направленную на изменение национального состава некоторых районов королевства Прусского².

Российские исследователи в 1990-х гг. также рассматривали политику насильственных депортаций мирного населения, формируя модель антигуманного поведения военных властей и гражданской администрации на театре военных действий. Известные работы С.Н. Нелиповича, использовавшего материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива, рисовали яркие картины

¹ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 90.

² Там же; Koehl R.L. Colonialism inside Germany: 1886-1918 // Journal of Modern History. 1953. № 25(3). P. 255-272; Wertheimer J. The Unwanted Element: East European Jews in Imperial Germany // Leo Baeck Institute Yearbook. 1981. Vol. 26.

насильственного выселения евреев, немцев, поляков из прифронтовых районов¹. Источниковой базой его исследований стали впервые введенные им в научный оборот распоряжения командующих фронтов, начальника штаба Ставки Н.Н. Янушкевича, переписка представителей военного командования. Характерная резкость этих документов, эмоциональные формулировки служили яркими иллюстрациями происходившего и убедительным обоснованием выводов об отсутствии правовых оснований для депортаций, тотальной подозрительности военных и, в основе, репрессивном без должных оснований и доказательств подходе к высылаемым, господстве предвзятого отношения к представителями нерусских национальностей. Приводимые им цитаты из документов иллюстрировали субъективное отношение к происходящему и стиль поведения представителей российского командования².

Выселению немецких колонистов посвятил свои работы И.Г. Соболев — автор первого, по сути, отечественного комплексного исследования о политике царского правительства в отношении граждан воюющих с Россией государств и борьбу с «германизмом»³. В своих исследованиях Соболев анализировал положение немцев-колонистов и граждан Германии, проживавших на российской территории к началу войны. В своей работе он обратил внимание на правовые аспекты данного процесса, отметив, что германские, австрийские и турецкие подданные с началом войны приравнивались к военнопленным.

¹ См.: *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав»: депортации в России // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 42–52; *Он же.* В поисках «внутреннего врага». Депортационная политика России (1914–1917 гг.) // Первая мировая война и участие в ней России. М., 1997. С.54-58; *Он же.* Население оккупированных областей Австро-Венгрии // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 60–69.

² См.: *Нелипович С.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей»: Депортации в России. 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–51.

³ *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засилием» в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2004.

Подчеркивались мысль о тотальной предвзятости российской военной и гражданской администрации в отношении административной высылки прибалтийских немцев.

В обстоятельном разборе отечественной историографии по истории борьбы с «немецким засильем» в годы первой мировой войны В.М. Кириллов справедливо обращает внимание на то, что имеющиеся исследования не позволяют полностью реконструировать хронику антинемецких мероприятий в Российской империи и требуют привлечения дополнительных источников¹. К этому следовало бы добивать, что антинемецкая кампания включала как мероприятия, направленные против иностранных подданных, так и этнических немцев, имевших российское гражданство, но исследователи не всегда проводят четкую границу между ними.

В 2000-х годах появляются новые аспекты в изучении этой темы. Во-первых, вводятся в научный оборот законодательные источники, включая законодательство Российской империи по вопросам о шпионаже². Во-вторых, если в предшествующих исследованиях авторы оперировали преимущественно статистическими данными и списками высылаемых, делаются первые шаги по использованию для изучения названной проблемы следственных дел. В-третьих, ставится под сомнение тезис о тотальной необъективности военных властей в прифронтовых

¹ См.: *Кириллов В.М.* Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (29). С. 90.

² См.: *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *Деревянко И., Шаров А.* «Тайная война» (очерки из истории военной разведки и контрразведки в Российской империи) // Военные знания. 1994. № 12. С. 42–46; *Кадоп А.Н.* Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармско-полицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией. М., 2013. С. 354–366; *Старков Б.А.* Охотники на шпионов — 2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи 1914–1917. СПб., 2007; *Зверев В.О.* Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.

районах и, как итог, поднимается вопрос о способах обеспечения государственной безопасности и соотношении ее с представлениями о гуманизме¹.

Так, в статье С.Г. Нелиповича «Немцы Варшавы в Первой мировой войне 1914-1918 гг.» на широкой источниковой базе рассматривается положение, численность немцев Варшавы, приводится статистика дел по обвинению местных жителей – немцев в шпионаже, а также примеры выселения немцев - колонистов из Привислинского края, говорится о высылках немцев из района военных действий, но при этом автор отмечает, что «вопрос об обоснованности репрессивных мер нуждается в глубоком изучении»². По-прежнему спорным признается вопрос о политической позиции немцев в России в годы Первой мировой войны и, соответственно, об обоснованности или необоснованности действий российских властей в отношении немцев³.

Самостоятельную проблему в политике против «воинствующего германизма» для современников составляла политика в отношении

¹ См.: Sicherheitskulturen im Vergleich. Ferdinand Schoningh. М., 2014.

² *Нелипович С.Г.* Немцы Варшавы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции. Саратов. 2004. С. 61–279; См. также: *Он же.* Проблема нелояльности российских немцев в конфликтах XX в.: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000.

³ См.: *Воронежцев А.В.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально - экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 71–95; *Ерохина О. В.* Действие «ликвидационных» законов в немецких поселениях Области Войска Донского в 1915–1916 гг. // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007. С. 212–222; *Кадол А.Н.* «Немецкий вопрос» в России как проект концепции «политики населения», 1914–1917 гг. // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2011. С. 122–130; *Кижяева Т.А.* Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа) // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2004. С. 304–317; *Нелипович С.Г.* Проблема нелояльности российских немцев в конфликтах XX в.: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000; *Плохотнюк Т.Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915–1917 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999.

прибалтийских немцев. В отечественной историографии, рассматривающей проблемы прибалтийских немцев в годы Первой мировой войны, выделяются следующие основные темы:

-шпиономания в прибалтийских губерниях в начале Первой мировой войны, обвинения немецких баронов в шпионаже латышами и эстонцами;

-административные высылки прибалтийских немцев вглубь России;

-формирование антиправительственных настроений в среде немецких баронов под влиянием репрессивной политики царского правительства;

-образ российских немцев в периодической печати и общественном сознании накануне и в годы войны¹. Анализируя периодическую печать кануна и периода войны, Котов отмечает, что одним из ведущих мотивов в вопросе о подданстве немцев в националистической прессе было то, что немцы лишь формально становятся русскими подданными, а их политическая ориентация при этом не меняется, они остаются сторонниками Германии².

Исследования, посвященные положению прибалтийских немцев в 1914 г. составляют относительно небольшую группу как в отечественной, так и в зарубежной историографии, относительно, например, исследований о положении немцев-колонистов или погромах в Москве, направленных против немцев.

К настоящему времени на основании широкого массива данных проведены исследования о немецком шпионаже в Прибалтийских губерниях и сделан вывод, с которым согласно подавляющее большинство исследователей, о том, что обвинения прибалтийских

¹ См.: *Котов Б.С.* Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Отечественная история. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 391–398.

² Там же. С. 396–397.

немцев в шпионаже в пользу Германии со стороны эстонцев и латышей в начале Первой мировой войны были несостоятельны и вызваны комплексом социальных и национальных противоречий. При этом нельзя говорить о исчерпанности таких вопросов как отношение прибалтийских немцев к России в годы Первой мировой войны, а также история высылки немцев из Прибалтийских губерний вглубь империи.

Американский исследователь Э. Лор в монографии «Русский национализм и Российская империя» (2012 г.) весьма подробно рассмотрел кампанию по насильственному перемещению подданных воюющих с Россией государств вглубь страны. Опираясь на документы из фондов ГАРФ, он отмечает, что высылка немцев из Риги носила масштабный характер, указывает, что высылалось 7 тыс. жителей, включая женщин и детей и только 80 человек получили разрешение остаться¹. Все это исследователь интерпретирует как реализацию правительственной политики начала войны. Отметим, что данные Э. Лора расходятся с данными, приводимыми в товарища министра внутренних дел Джунковского. Последний отмечал, что разрешение остаться получили 600 человек. При этом Джунковский предполагал наличие коррупции в местной администрации при решении вопросов о высылке, что безусловно не было отражением политического курса самодержавия.

Часть российских авторов также настоятельно обращает внимание на полную лояльность прибалтийских немцев царскому правительству, а смену настроений немцев связывает исключительно с политикой ограничений прав немцев, проводимой в прибалтийских губерниях. С «приближением германских войск к Курляндии обстановка в прибалтийских губерниях обострилась. Начались высылки из района боевых действий этапным порядком в Сибирь или во внутренние губернии представителей дворянства и лютеранского духовенства,

¹См.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя. М., 2012. С. 147.

нередко на основании ложных доносов. Произвол военных властей в отношении прибалтийских немцев создавал условия для усиления среди последних прогерманских настроений»¹.

Анализ политики в отношении прибалтийских немцев нередко проводится без учета гражданства немецкого населения прибалтийских губерний, используется общее понятие «остзейцы»². Оно данное понятие не имело под собой правовой основы и, соответственно, действия российской администрации в регионе строились на иных принципах, которые в упомянутом исследовании не учитываются. Не проводится граница между гражданами России – «русскими немцами» и гражданами Германии, проживавшими в Прибалтийских губерниях. Но в начале войны именно гражданская принадлежность была определяющим фактором в действиях российской администрации.

На связь гражданства и политики в отношении немцев, как было отмечено выше, одним из первых обратил внимание И.Г. Соболев, посвятив свою работу борьбе с «немецким засильем», он рассмотрел положение граждан Германии на российской территории, отметив, что с началом войны они получали статус военнопленных, но положение немецких граждан на территории Прибалтики он самостоятельно не рассматривал.

Глобальной проблемой отечественной и зарубежной историографии о положении немцев в Прибалтийских губерниях является полное игнорирование понятия государственной безопасности в условиях войны. Хотя некоторые авторы, в том числе Э. Лор, отмечают, что все воюющие государства принимали меры, ограничивавшие права подданных государств-противников, оказавшихся на их территории, но не учитывают

¹ Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика... С. 227–230.

² Там же. С. 220.

это обстоятельство при анализе ситуации в Прибалтике и Российской империи в целом. Анализ правительственной политики в отношении германских подданных на прибалтийской территории с позиций требований государственной безопасности требует иных моделей исследования поставленной проблемы.

Авторы исследования «Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью» справедливо отмечают, что в изучении этого периода необходимо определение баланса гуманности и безопасности в различных структурах общества и государства и, соответственно, формирования объективных оценок положения подданных вражеских государств, оказавшихся в тылу противника¹. Развитие данного направления исследований, необходимость которого всячески подчеркивается в последние годы как российскими, так и зарубежными исследователями, требует не только расширения источниковой базы, но и применения дополнительных критериев ее оценки.

Необходима тщательная реконструкция законодательной регламентации в отношении неприятельских подданных, которая в начале войны отличалась непоследовательностью и противоречивостью. В числе источников, которые в настоящее время используются недостаточно полно, общеимперское законодательство о неприятельских подданных и военнопленных (Именной высочайший указ правительствующему Сенату 28 июля 1914 года «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года, Положение о военнопленных 7 октября 1914 г.) и локальные нормативные акты, изданные в связи с введением военного положения в Прибалтийских губерниях.

¹ См.: *Ростиславлева Н.В.* Предисловие // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., 2019. С. 7.

Наиболее сложным аспектом в оценке действий военных к гражданским властям в отношении граждан Германии на территории Прибалтийских губерний является оценка соотношения закона и его практического применения. Положение отдельных граждан Германии, оказавшихся в сложной ситуации на территории Прибалтики после начала войны, иллюстрируют многочисленные прошения, рисующие не только трудные, но и трагические ситуации (разлучение детей и родителей, требования выезда из Риги больных и престарелых немцев). Но анализ этих документов раскрывает лишь одну сторону проблемы, поэтому требуется введение в научный оборот не общих статистических данных, а материалов следственных дел по отдельным случаям высылки и соотнесения данных следствия с правовыми нормами. Кроме этого, необходимо установление количественного соотношения высланных и оставленных по прошениям в Прибалтике, поскольку в настоящий момент исследователи оперируют различными цифрами и различных источников, не проводя их сравнительной оценки.

Также имеющиеся исследования по истории политики в отношении остзейских немцев и граждан Германии в Прибалтийских губерниях в 1914 г. отличает отсутствие детальной внутренней периодизации. Она строится на основе общеисторической периодизации процесса борьбы с «германизмом» на территории всей империи и рубежом является первая половина 1915 г., когда издаются «ликвидационные» законы, а затем начитается отступление русской армии. Но в отношении правительственной политики на территории Прибалтийских губерний необходимо обратить внимание на изменение ситуации после смены местной администрации и назначении П. Г. Курлова осенью 1914 г. на пост особоуполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийским краем с правами военного генерал-губернатора. Также, как было сказано выше, необходимо проведение четкой границы между

политикой в отношении подданных Германии и прибалтийских немцев, имевших российское гражданство.

Появление в последние годы исследований в этом направлении убедительно свидетельствует о необходимости их продолжения. Но введенные до последнего времени в научный оборот документы не могут помочь скорректировать сформировавшиеся к началу 2000-х гг. представления. Очевидна необходимость привлечения новых источников и, соответственно, новых данных для дальнейшего исследования государственной политики в отношении прибалтийских немцев.

**Тернистый путь научного дискурса:
востребованные и невостребованные идеи Л.Н. Юровского**

Советский период развития экономического знания в нашей стране остается до сих пор недооцененным, а чаще всего «закритикованным». А между тем, эвристический поиск российских экономистов, ориентированный на создание системы рационального управления рыночной экономикой с обобществленными средствами производства, опережал западную экономическую мысль, серьезно столкнувшуюся с этими проблемами лишь во второй половине 1940-х гг.

1920-е годы открыли перед российскими экономистами уникальные перспективы для формирования универсального научного знания, способствовавшего разработке концепций управляемого и целенаправленного развития отстающих экономик, а также выявлению препятствующих этому обстоятельств. Однако решение проблем управления многоукладной экономикой при безусловном приоритете государственного сектора и общегосударственной регламентации, в отсутствие теоретико-методологического обоснования, выводило экономическую науку на передний план разработки экономической политики. Политизированная при таких обстоятельствах экономическая мысль предопределяла в определенном смысле потерю экономистами свободы творчества и вовлекала их в водоворот политической борьбы.

В этих условиях «идеологический нюанс» социально-экономических исследований и рекомендаций почти всегда играл

¹ Беспятова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории МИРЭА Российского технологического университета.

ключевую роль в судьбах ученых-экономистов и их исследовательских проектов.

Так, по решению Политбюро в июне 1922 г. было создано несколько комиссий по союзам специалистов, профессуре, делегатам профессиональных съездов и др. Задача этих комиссий заключалась в составлении списков кандидатов на высылку за границу. В числе экономистов, отнесенных к разряду «антисоветской интеллигенции» (Н.Д. Кондратьев, Д.А. Лутохин, И.Х. Озеров, С.Л. Зубашев, Л.М. Пумпянский, Б.А. Берлин, Б.Д. Бруцкус, С.Н. Булгаков, П.А. Гарви, А.С. Каган, Л.Б. Кафенгауз, А.А. Рыбников) находился Леонид Наумович Юровский.

В дальнейшем практическая основа «переоценки ценностей» первого периода нэпа, а именно мероприятия по восстановлению сельского хозяйства, оздоровлению денежного обращения и финансово-кредитной системы, вела если не к замене принципа «революционной целесообразности», то к его причудливому переплетению с принципом «экономической целесообразности». Во всяком случае этим можно объяснить появление разного рода ходатайств в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбами об отмене высылки экономистов за границу и самое главное – удовлетворение этих ходатайств. В сентябре 1922 г. комиссия под председательством Ф.Э. Дзержинского «По пересмотру ходатайств об отмене высылки...», учитывая то обстоятельство, что с поручительствами за опальных экономистов выступили видные государственные, партийные и общественные деятели, отменила высылку ряда опальных экономистов (А.А. Рыбникова, И.Х. Озерова, Н.Д. Кондратьева, В.М. Штейна), в том числе и Л.Н. Юровского. То, что в работе экономиста были заинтересованы высшие государственные структуры видно из постановлений данной комиссии: «Юровский Леонид Наумович – на основании письменных ходатайств Наркомфина и личных переговоров

тов. Владимирова¹ с т. Держинским, Юровского, как крупного специалиста, решено оставить для работы в Москве. Высылка за границу отменена»².

Итак, внутренняя логика развития финансовой системы и стабилизации денежного обращения, рационального построения экономических связей внутри промышленности и между городом и деревней привела к постановке вопроса о долговременном использовании товарного производства для строительства социализма.

В 1920-х годах «центром притяжения экономической системы», то есть рассматривалась в большинстве случаев как эталон³, являлась *концепция равновесия*. Появление различных модификаций концепции равновесия, таких как *концепция межвременного равновесия* или *концепция равновесия с точки зрения ожиданий* (Джон Р. Хикс), не меняло ее статуса центральной организующей экономической категории, на которой строилась вся экономическая теория с последующим практическим применением. Судя по всему, ориентация на общее рыночное равновесие для большинства российских экономистов-теоретиков (Н.И. Бухарин и др.) и экономистов-практиков также была аналитической основой для осмысления советской хозяйственной системы в условиях новой экономической политики и для теоретического обоснования обстоятельств экономического роста, также в условиях НЭПа. В научных кругах вопрос о том, насколько общая для всех рыночных экономик (при свободной конкуренции) концепция равновесия, используемая в общеэкономическом анализе рыночного общества,

¹ Владимиров Мирон Константинович – в 1922–1924 гг. Нарком финансов РСФСР и заместитель Наркома финансов СССР.

² «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. Документы / под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М., 2008. С. 323.

³ См.: *Мюррей Милгейт. Равновесие: развитие концепции // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла и др. М., 2004. С. 292–293.*

применима к условиям многоукладной экономики, не только активно дебатировался, но и новаторски разрабатывался. *С исторической точки зрения новизна предлагаемых модификаций концепции равновесия состоит в их принципиальной связи с обстоятельствами этатизма и смешанной экономики.*

В связи с этим особое место в экономической мысли 1920-х годов занимают исследования проблем государственного интервенционизма и равновесия в советской хозяйственной системе, проводимые доктором политической экономии Л.Н. Юровским. Работая начальником валютного управления Наркомфина и являясь одним из авторов денежной реформы 1922–1924 гг., Юровский на практике отработывал методы государственного регулирования смешанной хозяйственной системы, которые строились на применении рыночных механизмов. Разработка и диверсификация форм и методов государственного регулирования осуществлялась при проведении следующих мероприятий:

- 1922 г. – В целях остановки инфляции и поддержания промышленности был разработан проект *введения параллельной валюты* (сама идея принадлежала В.В. Тарновскому): кредиты госбанком выдавались «новыми деньгами», обеспеченными золотом и инвалютой, а бюджетные расходы обеспечивались старыми «совзнаками».

- 1922–1924 гг. – успешно проведена денежная реформа. В результате ограничения размера месячной эмиссии совзнаков золотыми рублями, значительной интервенции золотой монеты и инвалюты на свободном рынке - сформировался валютный рынок, а экономика страны обеспечена твердой конвертируемой валютой.

- С целью повышения рыночного курса государственных займов, особой частью валютного управления (руководитель Л.Л. Волин) при содействии тайных агентов-биржевиков, покупались или продавались облигации на фондовой бирже.

- Задача преодоления инфляции 1925/1926 гг. была решена в результате пересмотра хозяйственных планов, программ и мероприятий в направлении сокращения размаха активных операций кредитных учреждений¹.

Круг его теоретических изысканий определялся критикой теории предельной полезности, разработкой теории цены и исследованием феномена экономического равновесия. Критикуя теорию трудовой стоимости (К. Маркс) и теорию предельной полезности (австрийская школа), Юровский, вслед за Л. Вальрасом и К. Маршаллом трактовал цену как выражение рыночного равновесия. Его личный вклад в развитие теории равновесных цен связан с уточнением понятия *динамического равновесия* применительно к условиям многоукладной экономики и ограниченной конкуренции. В опубликованных им результатах исследований: «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» (1926) и «Денежная политика советской власти» (1928) – содержится оригинальная теория многообразия смешанной экономики, сочетающей всякого рода децентрализованные (рыночные) и централизованные формы регулирования. Однако, как это уже было не раз, мировая экономическая мысль, «пальму первенства» отдала немецкому экономисту В. Ойкену, не учитывая при этом более глубокое и новаторское заключение Юровского, согласно которому *основание модели смешанной экономики составляет принцип динамического равновесия, предполагающий соответствие каждого типа смешанной экономики собственному равновесию с соответствующей системой цен*².

¹ См.: Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С. 11–12, 23, 439.

² См.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М., 2004. Т. 4. Век глобальных трансформаций / Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. С. 669.

Современная значимость вклада Л.Н. Юровского в понимание сущности динамического равновесия определяется следующими обстоятельствами: 1) признанием важной роли государства в ограничении и контроле над рыночной стихией; 2) фактом успешного и ускоренного развития смешанной (многоукладной) экономики.

Вытекающая из фактора многоукладности очевидность динамичной системы смешанной экономики (конкуренция укладов), возвращает современную экономическую мысль к идеям Леонида Наумовича *о неустойчивости равновесия* и необходимости рассмотрения во взаимодействии всех категорий рынка (цена, спрос, предложение, производство, доходы), т.е. с точки зрения скорректированного им понимания *динамического равновесия*.

Для автора настоящей статьи не подлежит сомнению убеждение в том, что преодоление сегодняшних экономических трудностей мирового и российского масштабов связано не столько с атавизмом директивной экономики, сколько с отказом от мейнстрима, как предпочтительного направления экономической теории. В связи с этим обращает на себя внимание высказывание нобелевского лауреата Л. Клейна: «Помимо того, что решение, обеспечивающее рыночное равновесие, не содержит информации ни об инфляции, ни о распределении богатства, оно базируется на других очень ограничительных допущениях»¹ и замечание ряда западных ученых, когда-то примыкавших к этому течению экономической теории: «За последние три десятилетия... экономисты пришли к использованию моделей, в которых игнорируются важные для финансовых и других рынков явления: неоднородность правил принятия решений, постоянный пересмотр стратегий прогнозирования и изменения в социальном контексте. Даже стороннему наблюдателю очевидно, что с

¹ Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе? // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. СПб., 2003. С. 698.

помощью подобных моделей невозможно предугадать фактический ход эволюции реальной экономики»¹. Можно сказать, что разработка и обеспечение в государственной практике (политике) идеи *динамического равновесия* во взаимосвязи с основными хозяйственными секторами, является своеобразным концептуальным ответом господствующему принципу *общего равновесия*.

Отдельного внимания заслуживают взгляды Л.Н. Юровского на проблему совместимости или несовместимости социализма и рыночной экономики. Господствующая в то время концепция социалистического хозяйства, базирующаяся на безусловном признании несовместимости социалистического производства с товарным хозяйством нашла отражение во второй программе партии (1919). Автор этого документа, В.И. Ленин, оговариваясь, что практический опыт укажет наиболее целесообразный вариант экономической политики, в экономической части программы сохранил требование уничтожения торговли прямым планомерным распределением продуктов и проведения ряда мер, подготавливающих уничтожение денег².

То, что постепенно в социально-экономических воззрениях интеллектуального меньшинства начинал просматриваться принцип экономической целесообразности, видно из результатов малоупоминающегося в исторической литературе семинара «Проблемы безденежной экономики» (1920) под председательством А.В. Чаянова. Несмотря на то, что на главный вопрос дискуссии – «возможно ли существование хозяйства, объемлющего обширную территорию, значительное население, располагающего современным транспортом и крупными фабрично-заводскими заведениями, и организующего

¹ Коландер Д. и др. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 10–11.

² См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 38. М., 1969. С. 89, 122.

производство, распределение и потребление не при помощи ценностно-денежного учета, хотя бы в модифицированном его виде» – были представлены различные модели учета для социалистической хозяйственной системы, *общий вывод из теоретической дискуссии был не в пользу сторонников безрыночного социализма*. Подводя итоги научной дискуссии, участник семинара профессор Л.Н. Юровский заметил: «Социалистическое хозяйство мыслимо в качестве системы безденежного хозяйства... Мыслимо не значит целесообразно и не значит даже возможно, ибо для того, чтобы мыслимое стало возможным в обществе, необходимо, чтобы достаточные социальные силы пожелали его осуществить. Едва ли, однако, какие-либо социальные силы заинтересованы в построении хозяйственной системы, основанной на пайковом распределении, если только на этот путь не толкает военная обстановка, подобная той, которая вызвала к жизни систему военного коммунизма. Вне этой обстановки социалистическое хозяйство может быть денежным хозяйством, и именно в такой форме его скорее всего и следует представлять себе в качестве рационально построенной хозяйственной системы»¹.

Таким образом, Л.Н. Юровский относился к скромному числу экономистов, допускавших возможность совмещения социализма и товарно-денежных отношений (А. Мендельсон, Т. Берин, В. Кац в 1926 г. озвучивали результаты своих исследований в дискуссии о действии закона стоимости в советском хозяйстве)².

Исследуя природу советской хозяйственной системы, и, невзирая на абсолютизацию отрицания товарного характера социалистического производства, Л.Н. Юровский утверждал, что говорить о выявленных

¹ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С. 174–175.

² См.: Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15. С. 166–210.

тенденциях хозяйственного развития преждевременно. Считая догматической альтернативу «план или рынок», гипотетически допуская соотношение «рынок – многоукладная экономика – социализм» и возможность *иного* регулятора системы равновесия (экономическое равновесие это абсолютный императив), он осторожно предполагал новую товарно-социалистическую форму. «Может быть, в порядке классификационном не следует говорить, что товарно-капиталистическое хозяйство есть последняя форма товарного хозяйства, а следует поставить вслед за ней (выделив в ней монополистический подвид) товарно-социалистическую форму...»¹.

Таким образом, вклад Л.Н. Юровского, в новое понимание социализма, по сути, положил начало разработке концепции рыночного социализма.

Как это ни покажется странно современному читателю, но глубокие исследования, связанные с пониманием сущности социализма, в нашей стране не прерывались. Созданная в годы оттепели доктором экономических наук Я.А. Кронродом в Институте экономики АН СССР новая научная школа политэкономии социализма, расценивала социализм не как фазу коммунизма, а как самостоятельный способ производства², включающий рыночные отношения, экономическую свободу и развитую демократию.

К сожалению, выводы Л.Н. Юровского, равно как и исследования Я.А. Кронрода, оказались вне анализа генезиса концепций смешанной экономики и рыночного социализма, проведенного Л. Клейном. Отметив заслуги Э. Бароне, О. Ланге («Об экономической теории социализма»,

¹ Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С. 476, 512.

² См.: Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992. С. 153.

1938 г.) и Фреда М. Тейлора, доказавших теоретическую возможность синтеза рыночного ценообразования и социалистической экономики, Л. Клейн даже не упомянул гипотез Л.Н. Юровского, выдвинутых задолго до предположений западных ученых.

Остается только предполагать каким мог быть научный фундамент экономических реформ в советской России, если бы в научный поиск ученого не вмешалась политика, если бы не произошло устранения ученых, как «отработанного звена» опасного для власти, если бы оригинальные разработки экономистов 1920-х гг. по достоинству были оценены и востребованы.

**Об использовании почты
русским резидентом в Речи Посполитой
В.М. Тяпкиным**

За свою историю человечество изобрело разные способы коммуникации, совершенно особую нишу среди них по праву занимает почта. Ее появление в России было продиктовано во многом государственными, дипломатическими интересами, инициировано политическими силами. Одна из первых подобных почтовых линий (трактов) в Московском царстве – Рижская, следом за ней организована Виленская, которая должна была служить связующим звеном между «Московией» и, прежде всего, Речью Посполитой, где в 1673/74 г. возникло постоянное российское представительство. Многие для этого сделал «почтарь» Р. Бизинг (Бисинг).

Последние несколько лет не принесли нам полноценных исследований, в которых бы использовались неизвестные исторические свидетельства о виленской почте. К настоящему моменту, в процессе изучения донесений главы вышеуказанного диппредставительства в Польско-Литовском государстве В.М. Тяпкина, накопились материалы, которые несколько по-иному «преломляют» отдельные проблемы организации почтового сообщения.

Требует внимания вопрос об информировании русским резидентом его руководства. Так, А.Н. Вигилев уверял: «Вся переписка Москвы с В.М. Тяпкиным осуществлялась только через почту. Не было никакого

¹ Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

служебного канала связи. Резидент не имел права пользоваться гонцами или другими посыльными. Грамоты своего начальства и письма личного характера он получал на варшавском почтамте...»¹. Похоже оценивал ситуацию чуть раньше и М.С. Арлазоров, констатировавший, что «в 1672 году царский указ предписывает воеводам и приказным людям посылать деловые письма не со специальными гонцами, а по почте...»².

Приведенные выше утверждения кажутся справедливыми только отчасти. Еще в 1968 г. вышла публикация Н.П. Ковальского, в которой, опираясь на источники, он показал – резидент для всяких поручений прибегал к услугам своего сына, направлявшегося в Москву³. Это же видим и из конкретных донесений дипломата⁴, многое «слышавшего» от отпрыска⁵. Некоторые грамоты, распоряжения московского начальства могли вручить резиденту и третьи лица, например, приехавший к В.М. Тяпкину подьячий Н. Алексеев⁶. Тот же Н.П. Ковальский отмечает, что часть бумаг из Речи Посполитой привез переводчик С. Лаврецкий⁷.

Для важных документов имелся и иной информационный «канал». Когда В.М. Тяпкин передал польскому королю Яну III Собескому царскую волю, последний сделал следующее: «А выразумевши писанное в грамоте его царского величества, указал ответ к великому государю, его

¹ *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1977. Ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/B/vigilev-aleksandr-nikolaevich/istoriya-otechestvennoj-rochti-chastj-1/5>, свободный (дата обращения: 30.06.2019).

² *Арлазоров М.С.* Вам письмо. История мировой почты. М., 1966. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000268/st013.shtml>, свободный (дата обращения: 30.06.2019).

³ См.: *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 164.

⁴ РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 182. Л. 134.

⁶ Там же. Д. 178. Л. 125.

⁷ См.: *Ковальский Н.П.* Указ соч. С. 164.

царскому величеству, послать чрез почту из Яворова прямо...»¹. Михаил Пац, литовский гетман, располагал «дворовой почтой»².

Попытки найти пути передачи данных в обход варшавского почтамта имели под собой почву. Этому посвящен целый абзац у А.Н. Вигилева: «Не прошло и месяца, как Тяпкин приехал в Варшаву и писал своему начальнику, главе Посольского приказа, А.С. Матвееву: “Наипаче же о сиротстве моем с плачем прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради так забвен есмь? Яко николи же чрез многие почты не имам” ... “Варшавский почтомайстер две почты, не сказав мне, отпустил... Все это они делают для своих лакомых подарков, которых много надобно в год... Я не только варшавскому, но и минскому, и виленскому почтомайстеру добрые подарки дал, чтобы только писем наших незадерживали...”»³.

Замеченное А.Н. Вигилевым сообщение прежде заинтересовало С.М. Соловьева⁴, перекочевало к историку почты И.П. Козловскому⁵. Оно резко очерчивает проблемы, которые существовали в работе тракта в начале 1674 г., когда резидент только приехал в Варшаву. Сложно это время назвать «периодом расцвета» виленской почтовой линии, вряд ли «в 1674 г. ... через нее вести доходят быстрее...», а задержки начали проявлять себя, конечно, не в конце 1675 г.⁶

¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 36.

² Там же. Д. 163. Л. 48.

³ Вигилев А.Н. Указ соч.

⁴ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. 6. Т. 11–12. С. 490.

⁵ См.: Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1. С. 162.

⁶ См.: Шамин С.М. Письма, грамотки, куранты: первые регулярные почты в России // Родина. 2001. № 12. С. 10–15; Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 123–125.

Отправления действительно исчезали, появлялись утверждения, что «почта виленская пришла, а писем васильевых не было»¹. Следовательно, в своей челобитной почтовый служащий А. Винус был недостаточно откровенен, заверяя, что «от него (Тяпкина. – А.Б.) по вся недели письма прихаживали и затем непрерывно почта ходила по вся недели...»². Московский «агент» не ограничивался жалобами в Первопрестольную, не только задабривал почтмейстеров³, но стремился задействовать и другие рычаги влияния на ситуацию. Резидент спешил заручиться поддержкой высокопоставленных лиц Речи Посполитой:

«А что почта виленская пришла к Москве мая в 15 (1674 г. – А.Б.), а писем от меня чрез почту не было, и та, государь (А.С. Матвеев. – А.Б.), почта была..., про которую нам не сказали, потому и писем чрез ту почту не было от меня,

И я о том говорил референдарю литовскому, чтоб впредь таких нарочных почт от нас не таили, и впредь про них нам сказывали

И референдарь о том к почтмайстеру варшавскому от себя, говорит, посылал, чтоб о всяких почтах нам давал знать.

Так же, государь, и в Вилну к почтмайстеру, к Бизингу о тех писмах, которые с Москвы посланы ко мне мая в 16 числе, писал с подтверждением, чтоб, конечно, те письма велел на почтах по всех городах сыскива[ть], а как сыщутся или нет, о том впредь известно тебе, государь, будет. Добро бы, государь, чтоб о том написать до канцлера и до референдаря литовских из Посольского приказа на почтмайстеров, чтоб они остерегательно письма московские отпускали. А по моему извету референдарь о том в Вилну к Бизингу писал, чтоб те письма Бизинг велел

¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 34 об.

² Козловский И.П. Указ соч. Т. 2. С. 57.

³ См.: Заремский В.К. Виленский почтовый тракт // Магілёўскі мерыдыян. 2013. Т. 13. № 3–4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.os.x-pdf.ru/20raznoe/62162-7-magile-ski-meridiyan-tom-trinaccati-vipusk-treci-chacverti-2013-2.php>, свободный (дата обращения: 30.06.2019).

сыскать, и впредь того постерегал накрепко, чтоб письма те не пропадали...»¹. Как видим, это не просто неопределенные «нарекания»².

Большинство проблем списывают на счет недоработок виленских «почтарей»³, в то время как Тяпкин не исключал и вины Москвы, ведь «редко когда дождуся чрез две или три почты приказного письма, и то толко объявление о дохождении писем, а иных належащих объявлений ничего не слышу...»⁴. Однако не все было так уж плохо, зачастую почта срабатывала довольно четко: «А которые особы желателны государской милости, что я и Семен (Лаврецкий. – *А.Б.*) от них в розговорах слышали, и того чрез всякую почту... я писал, и те письма к Москве все дошли. О том ко мне писано...»⁵.

Резидент даже удостоивался поощрений от вышестоящих за оперативное реагирование и отсылку важных вестей – «прислал ты... в Посолский приказ вестовые письма, и нам, великому государю, о том известно, и за службу твою и раденье мы, великий государь, жалуем тебя, милостиво похваляем...»⁶. Дипломат видел не только недостатки заграничных трактов, но и распознавал их достоинства. Положительный отзыв дал он о работе данцигской почты: «Гданьская почта всегда отходит и приходит в уреченные дни, то есть придет в среду на ночь, а в пяток отходит в ночь же, а виленская... зело непостоянна...»⁷.

Могло показаться, что польская сторона не была заинтересована в налаживании виленской линии: «...Так как в его (тракта. – *А.Б.*) работе более всего нуждалось московское государство, то руководство Речи

¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 37–37 об.

² *Заремский В.К.* Указ. соч.

³ *Вигилев А.Н.* Указ. соч.

⁴ РГАДА. Ф. 79. Д. 182. Л. 139 об.

⁵ Там же. Д. 163. Л. 47 об.

⁶ Там же. Д. 161а. Л. 252.

⁷ Там же. Д. 163. Л. 176.

Посполитой не уделяло ему много внимания...»¹. На самом деле представители Речи Посполитой осознавали необходимость данного способа коммуникации, особенно в международных делах: «А поздравлять мне от себя королевскому величеству (Яна III с избранием на престол. – А.Б.) время спозднилось, разве когда будет грамота от великого государя с поздравлением, которой грамоты зело употребляют, и говорят безпрестанно, чтоб была прислана...»².

Именно через почту получали и отправляли важнейшие грамоты³, поддерживали отношения с Москвой. С.М. Соловьев подтверждает: «Послов безмерно... желают и говорят... чтобы я к тебе, государю, писал; а референдарь литовский... с великим прошением говорил мне и велел к тебе, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволил с ним дружество иметь и любительным письмом ссылаться, крепко, государь, желает твоей приятной милости и частого писанья...»⁴. Необходимость почты особо подчеркивалась: «Его королевское величество грамоту любительную любезнейшаго брата своего, великого государя, его царского величества, ... принял..., на которую взаимно с ответом свою, королевского величества, любительную грамоту на почту чрез его ж посланника и резидента царского величества, столника и полковника Василия Михайловича Тяпкина, руки пошлет...»⁵.

Актуальным тракт был не только для польско-литовских господ, В.М. Тяпкин обмолвился, что «цесарского величества... резидент... Иоанн Криштоф Зеровский... подал мне государя своего грамоту, которая писана к великому государю нашему, его царскому величеству, на паргамине за печатью цесарского величества... говорил мне, чтоб я ту

¹ Заремский В.К. Указ. соч.

² РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 49.

³ Там же. Д. 162. Л. 70 об.; Д. 166. Л. 17–17 об.; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. 3. С. 147.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... С. 489.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 406.

грамоту... отослал чрез почту к великому государю, его царскому величеству, которую у него приняв, посылаю чрез сию ж почту...»¹.

Пожелание панов, дабы В.М. Тяпкин пересылал все по почте, выросло из определенных их расчетов. А.Н. Вигилев дает пищу для размышлений: «Поляки, несмотря на дары, прочитывали каждое письмо резидента... Выяснилось это очень просто. После смерти царя Алексея Михайловича стольник... явился в королевский замок... Ян Собеский стал упрекать резидента в том, что якобы он писал “ссорные и затейные письма к покойному царю”. “Затейное письмо” – послание, написанное тайнописью. Узнать об этом можно было, только распечатав отправление...»². Описанную сцену (в связи с перлюстрацией) перенес в свою научно-популярную книгу историк-архивист Р.Т. Пересветов³, в настоящее время ее повторили В.С. Измозик⁴ и В.В. Гребенников⁵. Попал эпизод и в художественную литературу, у С.П. Мосияша читаем: «Поляки не смели задерживать почту резидента, но распечатывать ее и прочитывать считали вполне приличным...»⁶.

Сегодня мы знаем, что подозревать о «наблюдении» В.М. Тяпкин начал задолго до 1676 г., когда скончался отец Петра I. Гораздо раньше дипломат делился своими «сумнениями»: «А то, государь, небезсумнителства мне чинится от разных печатей, а чья которого печать, того я и не ведаю, зачем и опасуюсь зело, чтоб хитрости какой над писмами не учинилось...»⁷. В связи с этим особенно внимателен был

¹ Там же. Д. 182. Л. 7об.–8.

² *Заремский В.К.* Указ соч.

³ См.: *Пересветов Р.Т.* Тайны выцветших строк. М., 1961. С. 206.

⁴ См.: *Измозик В.С.* «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII–начало XX века. М., 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?is-bn=5444803925>, свободный (дата обращения: 30.06.2019).

⁵ См.: *Гребенников В.В.* Перлюстрация. Перехват информации. М., 2018. С. 81.

⁶ *Мосияш С.П.* Великий государь Федор Алексеевич // Федор Алексеевич. М., 1995. С. 122.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 181 об.

В.М. Тяпкин к атрибутам конверта, что дополняет представления о внешнем виде и «упаковке» почтовой корреспонденции: «Запечатано в лист, а на том листе в черное колесное точиво, а с тем запечатано в лист... белой персневою печатью Петра Долгово...»¹. Таким образом, одним из способов борьбы с перлюстрацией выступала разумная осмотрительность.

То, с чем столкнулся В.М. Тяпкин, не было нонсенсом как для того времени в целом, так и для польско-российских отношений в частности. Не дает забыть об этом С.М. Соловьев – «грамотки распечатывают, а Марселис (Л. Марселис, надзиравший за почтами с 1668 г. – А.Б.) сказал, что и впредь будет распечатывать...»². Между прочим, и сам Тяпкин был в курсе того, о чем докладывал польский «агент» П.М. Свидерский из Москвы в Речь Посполитую, замечая: «Их резидент[у] надобно тем листом напомнить, что он безпрестанно пишет противности святому союзу...»³. Благодаря П.М. Свидерскому содержание писем русского посланника могли узнать и не вскрывая его депеш. Прояснил кое-что разговор у литовского канцлера Христофора Паца (1676 г.), обличившего В.М. Тяпкина – доносил московскому самодержцу неправду. Источником слухов оказался резидент Речи Посполитой при царском дворе⁴.

Поляки не только перехватывали почту, тормозили ее «скорость»⁵, но пользовались еще одной уловкой, о которой часто забывают упомянуть. Они стремились дезинформировать «москвитов», пересылая через В.М. Тяпкина поддельные письма, ложную информацию. Дабы усыпить бдительность Москвы и убедить ее в антифранцузских настроениях короля (на самом деле стоявшего тогда на франкофильской «платформе»), резиденту был подброшен подложный «лист» Яна III, в

¹ Там же. Л. 127 об.

² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 384.

³ РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 144.

⁴ Там же. Д. 178. Л. 98–98 об.

⁵ Заремский В.К. Указ соч.

котором тот как будто ругает «галлов»: «Французом... лихвенные пожитки и хитрые их замыслы промощствуют, а слых дел... государству своему невидят... французов противностью злыми...»¹. Не упускали возможности повлиять и напрямую, «перековать» В.М. Тяпкина в орудие польской политики, заставив отправлять выгодные полякам сообщения. Собеский советовал резиденту, «чтобы он подробно написал к царю о всем, что от него слышал...»².

Труды В.М. Тяпкина, приобретенные им познания – все это, кажется, не пропало втуне. В «Договорная статья между Почтмейстерами Московским Андреем Виниусом и Виленским Рейнгольдом Бисингом...» 1691 г. был внесен пункт, «чтоб из Москвы и к Москве всякия грамотки задержания никакого не имели...»³. Особо оговаривалось: «Буде с почтою посланная какия письма, связки и посылки в Литовской стороне погинут, и господин Бисинг должен будет всячески стараться то все сыскать...»⁴. Недочеты деятельности почтовой службы, лакмусовой бумажкой которых стала русская резидентура В.М. Тяпкина, были приняты к сведению.

¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 73.

² Попов А.Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854. С. 244.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 2012. Т. 3. С. 116.

⁴ Там же. С. 117.

Новые подходы к изучению Войн Роз (конец XX – начало XXI в.)

О Войнах Роз (1455–1485) исследователи спорят уже более 500 лет. При этом к единому знаменателю научные рассуждения до сих пор не пришли. Каждое поколение историков видело и продолжает видеть этот конфликт по-своему. Цель данного небольшого исследования – проанализировать трансформацию взглядов на Войны Роз в англоязычной историографии конца XX – начала XXI в.

Для того, чтобы материал не повисал в воздухе, имеет смысл сказать буквально несколько слов, о том, как указанный конфликт воспринимался до начала анализируемого периода. Современники событий, как ни странно, были самыми большими скептиками. Они не видели связи между событиями, не считали происходящее единым конфликтом, наконец, они понятия не имели, что к борьбе Йорков и Ланкастеров хоть как-то причастны Розы².

Без всякой натяжки можно утверждать, что феномен Войн Роз обязан своим существованием т.н. тюдоровской историографии, т.е. деятельности поэтов, пропагандистов и историков, входивших в ближайшее окружение Генриха VII и Генриха VIII Тюдоров. В частности, герольды Генриха VII по случаю бракосочетания короля изобрели знаменитую розу Тюдоров – геральдическую эмблему, объединявшую в себе бейджи сеньоров Ланкашира (Генрих VII позиционировал себя как

¹ Браун Елена Давыдовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории РАНХиГС; доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ.

² См.: *Pollard A.J. The Wars of the Roses. N.Y., 1988. P. 11–13*

наследник прав династии Ланкастеров) и владетелей Йоркшира (супруга Генриха VII Елизавета Йорк была старшей дочерью Эдуарда IV Йорка)¹.

В завершенном, отточенном виде тюдоровское представление о Войнах Роз можно найти на страницах «Исторических хроник» Шекспира. В них конфликт династий представлен как абсолютное смысловое единство, страшное и кровавое время в истории Англии, бесконечная череда усобиц, интриг и политических убийств, начавшихся с узурпации трона основателем династии Ланкастеров Генрихом IV в 1399 г. и закончившаяся брачным союзом наследников враждовавших домов – Генриха VII и Елизаветы Йорк.

Стоит отметить, что драматическая, шекспировская трактовка Войн Роз оставалась практически неизменной до начала XX столетия. В этот период историки полагали, что, великий драматург не вполне верно передал событийный ряд, зато с безупречной точностью отобразил «дух эпохи»².

XX век принес радикальную перемену во взглядах историков. За счет привлечения новых видов источников (прежде всего архивов аристократических родов и городских архивов), а также благодаря появившимся новым методам исследований, картина существенно изменилась. К 1970-м годам Войны Роз начали рассматривать как конфликт, имевший значение почти исключительно для аристократии. В частности, С.Б. Краймс настаивал на том, что никаких войн в общепринятом смысле не было, войной, да и то с некоторой натяжкой, можно счесть разве что происходившее в первые месяцы 1461 г.³ Действительно, если ориентироваться на то, как мы обычно понимаем слово «война», с Краймсом трудно поспорить, ведь на 30 лет (1455–1485)

¹ См.: *Goodman A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497).* L., 1981. P. 10.

² *Abbot J. Richard III.* N-Y-L., 1901. P. 9–10.

³ См.: *Chrimes S. B. Lancastrians, Yorkists and Henry VII.* L., 1964.

пришлось всего-то 13 недель активных военных действий, за которые произошло 16 сражений. По мнению исследователей 1970-х – начала 1980-х гг., эти немногочисленные столкновения почти не оказывали влияния на повседневную жизнь англичан; во второй половине XV в. обитатели Туманного Альбиона были гораздо счастливее французов или немцев, по меркам эпохи они жили «в мирной и процветающей стране»¹. В 70-х гг. были также скорректированы представления о хронологических рамках конфликта, общепринятой стала датировка 1455–1487 (т.е. к Войнам Роз прибавили два первых года правления Генриха VII Тюдора, до сражения при Стоук Филд 16 июня 1487 г., в котором войскам основателя дома Тюдоров противостояли отряды под номинальным командованием самозванца Ламберта Симнела, выдававшего себя за сына Эдуарда IV Йорка)². Однако, выдвигались и другие варианты, так, один из наиболее авторитетных исследователей конфликта А.Д. Поддарт полагал, что стоит говорить о двух Войнах Роз – войнах Йорков и Ланкастеров (1459–1471) и конфликте Йорков и Тюдоров (1483–1487)³. Стоит отметить и еще одну важную тенденцию – исход сражений начал осмысливаться исследователями как почти случайный⁴.

В конце XX – начале XXI в. взгляды на Войны Роз были в очередной раз скорректированы. Основой для этой перемены послужило очередное изменение представлений о границах источниковой базы и трансформация отношения к источникам. Современная англоязычная историография почти полностью отказалась от использования текстов XVI в. как политически ангажированных. К текстам XV в. историки, напротив, начали относиться с куда большим, чем раньше, доверием. Произошел рост числа текстов XV в., введенных в широкий научный

¹ *Lander J.R. Government and community: England 1450–1509. L., 1980. P. 362.*

² *Ibid. P. 363–365.*

³ См.: *Pollard A.J. Op. cit. P. 111.*

⁴ См.: *Goodman A. Op. cit. P. 13–14.*

оборот за счет публикации не издававшихся ранее источников. Необходимо подчеркнуть, что говорить о значительном расширении источниковой базы в данном случае не приходится – подавляющее большинство относящихся к противостоянию Йорков и Ланкастеров хроник и писем были изданы в XIX – середине XX в. Исследователям удастся добавить к имеющимся материалам лишь отдельные документы. Собственно, процесс переоценки источников начался еще в конце 1980-х гг. В частности, в 1987 г. К. Роклифф опубликовал письмо Ричарда Йорка к Генриху VI Ланкастеру в составе статьи с красноречивым названием «Ричард герцог Йорк как “Верный вассал” короля: новый источник по истории протекторатов 1454 и 1455 гг.»¹. В указанной статье традиционное, я бы даже сказала, базовое для всей англоязычной историографии представление о конфликте Ричарда Йорка и Генриха VI ставится под сомнение на основании анализа публикуемого текста письма, который расценивается как абсолютно и безупречно правдивый.

Вышеуказанную трансформацию оценок достоверности документов, современные англоязычные историки воспринимают как явление крайне позитивное. В качестве наиболее яркого примера можно привести поэтическое высказывание одного из наиболее авторитетных исследователей Войн Роз – М. Хикса. Он отметил, что современные историки перешли «от мегафона к микроскопу»². Еще раз обратившись к переписке Ричарда Йорка и Генриха VI, Хикс приходит к тому же выводу, что и Роклифф – конфликт этих двух политических игроков был фактически придуман в более поздние годы, на деле же в первой половине 1450-х гг. Йорк был одним из самых преданных сторонников Генриха VI.

¹ См.: *Rawcliffe C.* Richard Duke of York, the King's "Obeisant Liegeman": A New Source for the Protectorates of 1454 and 1455 // *Historical Research* 60 (1987). P. 123–134.

² *Hicks M.* From Megaphone to Microscope: The Correspondence of Richard Duke of York with Henry VI in 1450 Revisited // *Journal of Medieval History* 25, 1999. P. 243–256.

Нельзя не отметить, что микроскоп, о котором пишет Хикс, на деле оказывается довольно коварным инструментом. Все мы знаем, насколько исказится привычное восприятие, если мы взглянем под микроскопом на обычную комнатную муху. Мне кажется, что в данном случае произошло нечто похожее. Пересмотр представлений о взаимоотношениях Ричарда Йорка и Генриха VI был сделан на основе писем, которые герцог писал королю в первой половине 1450-х гг. и в которых он неоднократно заверял монарха в своей преданности. Эти документы были известны исследователям вопроса и ранее, однако верноподданническая риторика герцога Йорка воспринималась критически т.к. в эти же годы «верный вассал» не раз поднимал восстания и даже сражался с войсками короля. Герцог Йорк действительно постоянно заявлял, что идет не против монарха, а против его окружения, но лично мне кажется, что в данном случае гораздо разумнее поверить оценкам документов конца XV в. и считать красивые рассуждения герцога демагогией.

Подчеркну, вышеописанный случай переоценки взаимоотношений героев Войн Роз на основании публичных, формальных (по моему глубокому убеждению) заявлений далеко не единичный, это иллюстрация общей для современной англоязычной историографии вопроса тенденции. Приведу еще один пример. В опубликованной в 2005 г. Хелен Морер биографии супруги Генриха VI Ланкастера Маргариты Анжуйской утверждается, что не только Генрих VI, но и его супруга в первой половине 1450-х гг. не питали к Ричарду Йорку враждебности. По мнению Морер, конфликт между королевой и герцогом возник гораздо позже, к концу 1450-х гг.¹

Любопытно, что традиционная для английской историографии точка зрения, в соответствии с которой Маргарита Анжуйская и Ричард

¹ См.: Maurer H. Margaret Anjou. Queenship and Power in Late Medieval England. Woodbridge, 2005. P. 39–41.

Йорк всегда были непримиримыми противниками, опровергается на основании анализа двух видов источников – писем, которые писали друг другу участники конфликта, и приходо-расходных книг двора, в которых фиксировались, в том числе, производившиеся по праздникам выплаты придворным. Нельзя не отметить, что письма XV в., в особенности письма коронованных особ – это документы в высшей степени формальные, к ним категорически невозможно относиться как к источникам, фиксирующим личные взаимоотношения. Это все равно, что делать вывод о расположении к вам респондента на основании приписки «искренне ваш». Праздничные выплаты в анализируемый период были столь же формализованы, исследователи придворной культуры не раз указывали, что размер этих сумм определялся, прежде всего, социальным статусом получателя¹.

Еще одной значимой тенденцией англоязычной историографии Войн Роз конца XX – начала XXI в. стала полная реабилитация всех без исключения участников конфликта. Этот процесс всеобщего оправдания берет начало еще в работах начала XX столетия, но к настоящему времени он достиг максимума. В результате в противостоянии Йорков и Ланкастеров не осталось ни одной отрицательной фигуры. Едва ли не проклинаемая современниками Маргарита Анжуйская (жену Генриха VI обвиняли в супружеской неверности, в не соответствовавшем полу вмешательстве в политику, жестокости, наконец, в призвании в Англию иностранных войск) превратилась в преданную жену, и, главное, в королеву, действовавшую в интересах Англии и в рамках устоявшихся политических традиций². Еще большее впечатление производит дошедший до логической точки процесс реабилитации самой одиозной

¹ См.: *Morgan D. A. The house of policy: The political role of the late Plantagenet household // The English court: from the Wars of the Roses to the Civil War. L., 1987. P. 25–71.*

² См.: *Maurer H. Op. cit.; Dockray K. Henry VI, Margaret of Anjou and the Wars of the Roses. L., 2000.*

фигуры Войн Роз – Ричарда III. Ричардианцам удалось не просто изменить восприятие этого монарха, но и поставить под сомнение главное преступление, которое историки столетиями приписывали их кумиру – убийство сыновей Эдуарда IV, печально знаменитых принцев Тауэра. Теперь писать о виновности Ричарда III возможно только в сослагательном наклонении, прямые обвинения считаются некорректными¹.

В результате всех вышеуказанных изменений логика повествования о Войнах Роз неизбежно размывается. Особенно это заметно в обобщающих работах. Исследователи зачастую не могут объяснить, как все эти благородные, смелые и по-своему честные люди устроили в Англии настоящий хаос. Если дополнительным вводным условием является отсутствие неприязни между участниками политического противостояния, задача становится и вовсе невыполнимой. Неудивительно, что в работах последних лет можно встретить фразы вроде следующей: «Последние исследования показали, что Ричард Йорк занимал подобающее положение при дворе и не был в ссоре с окружением короля, и все же, по-видимому, он отбыл в Ирландию чем-то недовольным»².

В заключение стоит остановиться на еще одном в высшей степени любопытном феномене. В последние три десятилетия количество «белых пятен» в истории Войн Роз существенно выросло. Историки все чаще стали говорить: «Мы не знаем» и подвергать сомнению устоявшиеся, ранее казавшиеся незыблемыми факты. Теперь принято писать, что сыновья Эдуарда IV Йорка, т.н. тауэрские принцы не были убиты, они всего лишь исчезли при загадочных обстоятельствах³. Самозванец Перкин

¹ См.: *Baldwin D.* Richard III. Stroud, 2012. P. 234–241.

² *Grummitt D.A* Short History of the Wars of the Roses. L., 2014. P. 34–35.

³ См.: *Wagner J.A.* Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara, 2001. P. 290–291.

Уорбек (этот молодой человек выдавал себя за младшего из принцев в Тауэре) в целом ряде новейших исследований объявляется чудесным образом спасшимся сыном короля¹ и т.д. и т.п.

Думается, в основе описанной трансформации взглядов лежат несколько причин – это преобладание микроисторических работ над обобщающими; незначительное число источниковедческих исследований в узком смысле слова, и, наконец, искусственное привнесение в исторические построения крайне неуместного в них принципа политкорректности.

На мой взгляд, все вышеуказанные перемены сложно назвать позитивными. Максимально приблизившись к восприятию современников, историки в значительной степени утратили представление о связи событий. Войны Роз постепенно превращаются в неупорядоченную совокупность неурядиц, мятежей, битв и интриг. Участники борьбы за престол вполне могли думать о происходившем именно в таком ключе, историки, на мой взгляд, обязаны действовать иначе. Пожалуй, главная цель любого исторического исследования состоит в том, чтобы не погружаться в событийный ряд, а выявлять и анализировать скрытые закономерности происходящего. Возможно, следующее поколение исследователей пересмотрит приоритеты и вернется к более широкому использованию текстов конца XV – начала XVI столетий.

¹ См.: *Wroe A. The Perfect Prince: Truth and Deception in Renaissance Europe. N.Y., 2014;* *Lewis M. The Survival of the Princes in the Tower: Murder, Mystery and Myth. L., 2017.*

**Междисциплинарный подход в изучении проблемы
распоряжения священными землями Аттики (IV в. до н. э.)**

История древнего мира один из разделов исторической науки, при изучении которого особенно важно привлекать знания из разных вспомогательных исторических и социально-гуманитарных дисциплин, поскольку многие исторические факты и события невозможно понять без привлечения дополнительного археологического, эпиграфического, просопографического материала. Безусловно, что такой междисциплинарный подход необходим при исследовании проблемы, связанной с распоряжением священными землями в древней Аттике IV в. до н. э. Изучение истории Древней Греции невозможно представить без подробного исследования её социально-экономического развития IV в. до н. э. Это время весьма противоречивое в жизни древнегреческого полиса, характеристика которого вызывает ожесточённые споры в исторической науке уже на протяжении многих десятилетий². Основная дискуссия связана с вопросом о кризисе полиса. Одни учёные полагают, что в Древней Греции (прежде всего Афинах) в конце V–IV вв. до н. э. произошли кардинальные изменения внутри полиса, что привело к кризисным явлениям во всех сферах жизни его общества и полностью изменило характер общественно-политического развития, другие полагают, что кризисные явления, вызванные событиями Пелопоннесской войны не были всеобъемлющими и привели только к некоторым

¹ Булычева Елена Владимировна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ.

² См.: *Булычева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землёй в Аттике. М., 2018. С. 37–38.*

изменениям в политической сфере жизни полиса, практически не затронув его социально-экономическое развитие ¹. Безусловно, что невозможно однозначно ответить на этот вопрос, но сделать некоторые предположения можно при тщательном изучении проблемы, связанной с характером аттического землевладения, в частности распоряжением священными землями Аттики (области Афин), которые имели особый статус. Храмовые земли (теменосы) пользовались особым почитанием среди граждан полиса, поскольку считалось, что они принадлежат богам и героям и от того, как люди ухаживают за ними, зависит отношение божественных сил к человеку. В связи с этим любое нарушение правил, связанных с их использованием, могло приводить к осуждению гражданского коллектива. Поэтому сделки, связанные с распоряжением священными землями весьма показательны при изучении характера социально-экономического развития греческого полиса. Исследование этого вопроса проводится с привлечением большого количества разнообразного источниковедческого материала. Кроме непосредственно исторических источников (сведения античных авторов), которых не так много по данному вопросу, в большом количестве привлекаются данные археологии, эпиграфики, статистики и просопографии, используются знания из области экономики, социологии и даже агрономии. В связи с этим весьма интересно представить, как реализуется междисциплинарный подход при изучении данной проблемы.

В трудах античных историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Страбона, а также ораторов Демосфена и Лисия содержатся некоторые сведения о распоряжении священными землями в Аттике V–IV вв. до н.э.² Однако этих сведений совершенно недостаточно при подробном

¹ См.: *Глускина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 34–35.

² См.: *Булычева Е.В.* Указ. соч. С. 16–19.

исследовании этого вопроса. В связи с этим приходится обращаться к эпиграфическому материалу, который представлен надписями, посвящёнными разным видам сделок со священной землёй. Эти записи содержатся на каменных стелах, найденных археологами на территории Афин и Аттики. Большинство надписей с текстами договоров об аренде, продаже храмовых земель содержатся в эпиграфических сборниках – *Inscriptiones Graecae*, *Greek historical inscriptions*, а также в журнале, *Hesperia*, который издаётся под редакцией американских археологов. Подробный перевод и комментарий этих надписей даёт возможность представить характер операций по распоряжению землёй, основные условия сделок, состав их участников, суммы платежей за совершение сделок, а также внесение налогов¹. Кроме того, изучение этого богатого материала предоставляет исследователю возможность представить не только характер распоряжения священными землями, но также организацию и финансирование праздничных церемоний, участие различных религиозных сообществ в экономической жизни афинского полиса². Безусловно, что эпиграфические сведения анализируются во взаимодействии с археологическим материалом. Прежде всего сами эпиграфические памятники являются результатами находок археологов. Каменные стелы с текстом договоров об аренде и продаже священных земель археологи находят, начиная со второй половины XIX в. Как правило, на территории Афин, порта Пирея и прилегающей к ним области

¹ См.: Булычева Е.В. Правовые аспекты аренды общественных земель в Аттике в IV в. до н. э. // Кентавр. М., 2008. С. 28–43; Она же. Эйсфора – военный налог в мирное время // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». М., 2014. № 13 (135). С. 15–23; Она же. Организация продажи общественной земли в Аттике. Объекты и условия продажи // Труды Историко-архивного института. М., 2012. Т. 39. С. 292–306.

² См.: Она же. Финансирование празднеств в Древней Аттике // Восток и Запад: приоритеты эпох. М., 2012. С. 106 – 120; Она же. Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2015. № 9. С. 9–17.

Атика¹. К сожалению, во многих случаях поверхность стелы весьма стёрта или фрагментарна, что не даёт возможности для её полного изучения. Однако многие стелы весьма хорошо сохранились, что позволяет подробно прочитать и перевести договора о сдаче в аренду священных земель Аполлона Ликея, Гермеса, оргеонов Иатра и Эгрета. Само содержание этих надписей также дополняет археологический материал. Расположение святилищ, характер землепользования невозможно представить без опоры на данные археологических раскопок. Так, при изучении вопроса о сдаче в аренду священных земель Гермеса весьма полезно обращение к археологическому материалу, полученному в ходе раскопок американской археологической экспедицией в 1970 г. В результате исследований на территории Марафона и в области Атика был обнаружен огромный храмовый комплекс, посвящённый богу Гермесу. Сведения археологов о наличии статуй и разнообразных храмовых построек весьма дополняет эпиграфический материал, содержащийся в договоре о сдаче в аренду земли бога Гермеса (IG. II². 2493). Весьма ценный материал представляют данные, полученные археологами в ходе раскопок на берегу Илис в Аттике. Именно там была обнаружена территория большого храмового комплекса, посвящённого богине Артемиде Агротере². Археологи, проводившие работы на этом месте, отмечали, что повреждение культурного слоя земли оказалось весьма незначительным, что позволило провести раскопки и прийти к важным выводам о проводимых на этом месте в древности сельскохозяйственных работах и расположении хозяйственных помещений. Это очень важная информация, которая позволяет дополнить эпиграфические сведения, содержащиеся в договорах об аренде земельных участков этой

¹ См.: *Она же*. Древняя Атика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землёй в Аттике. М., 2018. С. 12–14.

² См.: *Pisop A. A Ilisos Temple*. Oxford, 1975. P. 53–56.

богини¹. Большое значение имеют археологические данные, полученные в ходе раскопок в районе Пирея. В частности, раскопанные фундаменты святилища героя Тесея и его статуи подтверждают сведения надписей (IG. II². 2496, 2498) о сдаче в аренду земель, посвящённых этому герою, дают возможность подробнее представить характер земельных работ на этой территории. Кроме того, в районе Афин и Пирея найдено большое количество надгробий жителей сельских округов, что, скорее всего, является свидетельством того, что в ходе Пелопоннесской войны многие граждане старались переселяться из деревни (пострадавшей от военных действий) в город, под защиту крепостных стен. Важный дополнительный археологический материал дают раскопки из других областей греческого мира. Прежде всего это исследования на Гераклеийском полуострове, территория которого в эпоху классической Греции была разделена на сельскохозяйственные клеры, что весьма дополняет историческую и эпиграфическую информацию по вопросу о землевладении на священных землях². Важные сведения об организации священного землевладения получены также благодаря раскопкам на острове Делос. В частности, археологами установлено, что на этой территории существовал огромный храмовый комплекс бога Аполлона, земли и хозяйственные постройки которого поступали в аренду, как частных лиц, так и религиозных ассоциаций³. Этот материал весьма дополняет изучение храмового землевладения на территории Аттики.

При изучении вопросов землепользования важным материалом являются палеоботанические исследования, которые позволяют более

¹ См.: Булычева Е.В. Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2015. № 9. С. 12.

² См.: Блаватский В.Д. Античная полевая археология. М., 1967. С. 55–85.

³ См.: Kent J.H. The temple estates of Delos, Rheneia and Myconos // *Hesperia*. 1948. Vol. XVII. P. 243–338.

подробно изучить, какие культуры выращивались, что представлял собой почвенный покров исследуемых территорий¹.

Изучение социального состава участников сделок со священной землёй – арендаторов и их поручителей невозможно представить без привлечения знаний из области просопографии. С этой целью исследование дополняется просопографическим материалом, который даёт представление об именах, биографиях граждан, принимавших активное участие в жизни своего коллектива. Материал для анализа предоставляет хорошо известный словарь древнегреческих имён классического периода, изданный под руководством Британской Академии², а также работа Дж. Кирхнера, в которой тщательным образом собраны имена многих известных греческих граждан с их подробной биографией³. На основании подробного анализа эпиграфического материала и сведений, собранных в этих работах можно прийти к ряду выводов о социальном происхождении участников сделок с теменами. Большинство арендаторов и поручителей священных земель были весьма известные и состоятельные граждане полиса. Среди них немало потомков знатных родов, они сами или их отцы, братья участвовали в политических мероприятиях Афин, активно занимались экономической деятельностью, являясь попечителями верфей, организаторами эргастериев (рудных мастерских). Их участие в подобного рода операциях сложно объяснить однозначно. С одной стороны, их распоряжение теменами, скорее всего, было своеобразной литургией, возможностью проявить некую благотворительность, чтобы оставить своё честное имя в памяти потомков. С другой, они старались обеспечить должный уход за

¹ См.: *Bjgaard A., Jones G., Charles M.* Distinguishing the effects of agricultural practices relating to fertility and disturbance: a functional ecological approach in archaeobotany // *Journal of archaeological science*. L., 2000. Vol. 27. № 11. P. 1073–1084.

² См.: *A Lexicon of the Greek Personal Names*. Ed. By P.M. Fraser and E. Mathews. Vol. III. Attica. Oxford, 1994.

³ См.: *Kirchner J.* Prosopographia Attica. Berlin, 1901.

храмовыми землями, пострадавшими в ходе событий Пелопоннесской войны, предотвратить их разорение.

Изучение проблемы распоряжения священными землями в Аттике невозможно представить без привлечения экономических знаний, поскольку данная проблема напрямую связана с вопросами налогообложения, проведением финансовых операций, как отдельными частными лицами, так и всем полисом в целом. В связи с этим подробно изучаются виды налогов, существующих в Афинах в IV в. до н. э.¹, характер финансовых мероприятий, проводимых полисом в связи с распоряжением доходов, полученных от использования священных земель².

Рассмотрение проблемы, связанной с продажей земельных участков храмов, проводится с помощью исследования общих статистических данных по вопросу о купле-продаже земельных участков в афинском полисе. С этой целью к изучению привлекаются подробные изыскания, выполненные выдающимся отечественным учёным В.Н. Андреевым и сотрудником Эрмитажа А.А. Вайманом³. В частности, изучив ряд сведений эпиграфических памятников, указывающих цены на проданные в Аттике земельные участки, исследователи пришли к важному выводу о том, что земли, как правило, продавали за суммы кратные 12,5 драхм. Единица величиной в 12,5 драхм, возможно, являлась средством для выражения количественных различий в ценах участков. Никакие различия по качеству не могли быть выражены в более или менее точных единицах измерения и не привели бы к числовой периодичности. Подобная периодичность, скорее всего, была установлена полисными властями для

¹См.: *Michell H.* The economics of ancient Greece. Cambridge, 1943.

² См.: *Rosivach V.J.* The system of public sacrifice in fourth century Athens. Atlanta, 1994.

³ См.: *Андреев В.Н.* Вопрос о концентрации земли и обезземеливании крестьянства в Аттике IV в. до н. э. // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1958. Т. 114. С. 82–83.

единообразия в проведении торговых операций с землёй. Эти сделки осуществлялись под непосредственным контролем государства, поскольку священные земли составляли особую ценность для всего полиса. Как показывают данные источников, стоимость земельных участков определялась специальными должностными лицами полиса. Об этом сообщает знаменитый греческий мыслитель Феофраст (Leg. 44. 22). Специальные должностные лица эпимелеты следили за ходом сделки, стараясь не допускать каких-либо нарушений.

Таким образом, на основе вышесказанного, можно прийти к некоторым выводам. При изучении вопроса о распоряжении священными землями в Аттике IV в. до н. э., как и по ряду других проблем, связанных с изучением истории Древней Греции, используется междисциплинарный подход. Характер распоряжения священными землями в полисе изучается с опорой на богатый эпиграфический и археологический материал. Социальная сторона вопроса исследуется на основе просопографии. Проблемы, связанные с налогообложением, изучаются с помощью привлечения знаний из области экономики. Такой коммуникативный подход к изучению истории земельных отношений в афинском полисе, основанный на взаимосвязи разных областей знания, предоставляет историку возможность более плодотворно решить ряд исследовательских проблем.

**Коммуникативный аспект
Русско-японской войны в провинции
(на материалах Самарской губернии)**

Изучение восприятия в Самарской губернии начала XX в. Русско-японской войны позволит понять закономерности информационного развития российского провинциального общества как в период 1904–1905 гг., так и в последующее время. Многие возникшие во время Русско-японской войны стереотипы восприятия и информационные традиции продолжают функционировать и в XXI в., оставаясь важной частью российского общественного сознания; их можно использовать для анализа современных информационных процессов в российском обществе.

Хронологические рамки охватывают период Русско-японской войны (26 января (8 февраля) 1904 г. – 23 августа (5 сентября) 1905 г.). Территориальные рамки – границы Самарской губернии на 1904–1905 гг., которая состояла из семи уездов: Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Николаевского, Новоузенского, Самарского и Ставропольского. Это был обширный регион с преимущественно крестьянским населением (93,8%): на 1 января 1903 года население Самарской губернии составляло 3.091.263 человека обоего пола, из них в городах проживали 171.096 человек и в уездах – 2.920.167 человек².

¹ Буранок Александр Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета.

² См.: Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1904. С. 127.

Историография работы содержит три блока исследований: 1) труды общего характера, освещающие в целом проблему российского общества в связи с Русско-японской войной; 2) исследования по теории информационного обеспечения и об информационном обеспечении российского общества в начале XX в.; 3) работы, посвященные Самарской губернии в период Русско-японской войны¹.

Источниковая база исследования представлена делопроизводственными материалами, документально-статистическими источниками; основа исследования – материалы периодической печати (газеты «Самарские губернские ведомости», «Самарская газета», «Самарский листок объявлений», «Самарский курьер», журналы «Самарские епархиальные ведомости», «Летопись войны с Японией. 1904–1905»), именно они наиболее полно и оперативно информировали население Самарской губернии о происходивших на Дальнем Востоке событиях; листовки социал-демократов и эсеров; плакаты и лубки; «дешевые книжки для народа»; мемуары, дневники, письма, воспоминания; художественные произведения о Русско-японской войне, вышедшие в 1904–1905 гг.; Публицистические работы, в которых затрагивается тема Русско-японской войны, в частности, статьи Л.Н. Толстого и В.И. Ленина²; Энциклопедии, словари, справочники.

Методология. Для понимания сущности информационного обеспечения, а точнее того воздействия, которое оказывала та или иная информация на население, большое значение имеют коммуникативные концепции, созданные различными учеными в XX веке: концепция «магической пули» Гарольда Дуайта Лассуэлла; концепция стереотипов

¹ См. подробнее: *Буранок А.О.* Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): Монография. Самара, 2011.

² См.: *Толстой Л.* Одумайтесь! (1904); *Ленин В.И.* К русскому пролетариату // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 8. С. 170–174; *Он же.* Первое мая // Там же. С. 181–184; *Он же.* Падение Порт-Артура // Там же. М., 1967. Т. 9. С. 151–159; *Он же.* Разгром // Там же. М., 1967. Т. 10. С. 251–255; *Он же.* Первое мая // Там же. С. 81–84.

Уолтера Липпмана; модель двухступенчатой коммуникации или «лидеров мнений», разработанная П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Г. Годэ; концепция концентрических кругов Элмо Роупера¹.

В 1948 г. Г. Лассуэлл сформулировал пять вопросов, ответы на которые представляют схему анализа массовой коммуникации, а равно любого коммуникативного действия:

- Кто сообщил? (коммуникатор);
- Что сообщил? (текст, послание);
- Как сообщил? (канал коммуникации);
- Кому сообщил? (реципиент);
- С каким эффектом сообщил? (результат восприятия).

Кто: правительство, «правые» политические силы, оппозиция (эсеры и социал-демократы), либеральные круги. Правительство использовало все имеющиеся в России виды информационного обеспечения, чтобы сообщить населению о начавшейся Русско-японской войне и сформировать патриотическое отношение к ней. Информационная политика правительства заключалась в разъяснении причин и целей войны, описании противника, в формировании «образа врага».

Социал-демократы и эсеры относились к войне отрицательно: они считали ее империалистической, несправедливой, захватнической, винили в ее развязывании правящие круги России.

Правые, напротив, считали войну справедливой и были уверены, что Россия непременно победит, если народ сплотится вокруг «веры, царя и Отечества».

¹ См.: Основы теории коммуникации / Под ред. Проф. М.А. Василика. М., 2006; Тимофеева Л.Н. Связи органов государственной власти с общественностью. М., 2009. С. 4–5.

Либералы группировались вокруг земства и с началом войны прекратили критику правительства, сосредоточились на организации помощи раненым и семьям военнослужащих. Поражения русской армии и флота, начавшаяся революция усилили оппозиционность земства, что выразилось в призывах к прекращению войны и требовании народного представительства.

Что сообщали? Правительство и власть верно и оперативно выстроили информационную политику, задачи которой заключались в следующем: довести до общества, до каждого взрослого человека факт начала войны, разъяснить ее причины и цели, дать представление о противнике (сформировать «образ врага»), мобилизовать народ на борьбу с врагом.

Самарские социал-демократы и эсеры через контролируемые ими источники информации стремились внушить народу отрицательное отношение к Русско-японской войне и побудить его к неповиновению властям. Противоположную позицию занимали правые силы, уверенные, вопреки всем поражениям, в справедливости войны и конечной победе России. Патриоты призывали сначала завершить войну, а затем приступить к внутренним реформам. Земство находилось в оппозиции, особенно во второй половине войны. Либералы, группировавшиеся вокруг земства и в мирное время критиковавшие правительство, с началом войны прекратили критические выступления и сосредоточились на организации помощи раненым и семьям военнослужащих.

Как сообщил: средства массовой информации в годы Русско-японской войны были разнообразны и по видам (газеты и журналы, листовки и плакаты, публицистика и художественная литература, «дешевые книжки для народа» и т.д.), и по идеологической, политической направленности. Основу информационного обеспечения Русско-японской войны для крестьян Самарской губернии составили

патриотические лубки и устная информация, которую можно подразделить на проправительственную (от духовенства) и антиправительственную (от «умных людей»), а для горожан – местные газеты.

Кому сообщил? Во-первых, крестьянству. Царский манифест о начале войны с Японией был зачитан во всех церквях губернии, которую война затронула, главным образом, призывом запасных и новобранцев. Согласно финансовым документам Уездных по воинской повинности присутствий Самарской губернии, в 1904 г. новобранцев было 11.004 человека, а в 1905 г. – 12.972 человека. Не война явилась причиной тяжелого положения самарской деревни, но именно она обострила социально-экономические проблемы. Их до крайности усугубила ошибочная система комплектования войск: так называемые «частные» мобилизации запасных (особенно старших сроков) привели к тому, что целые деревни по Самарской губернии оставались без работоспособного мужского населения, поэтому призванные очень тревожились за судьбу своих семейств.

Часть крестьянства («наиболее передовая», по революционной классификации) на фоне тяжелого экономического положения не только открыто выражала недовольство войной, но и сотрудничала с революционными агитаторами и пропагандистами: распространяла нелегальную литературу, укрывала агитаторов, активно участвовала в революционных сходках и собраниях, вступала в ряды революционных партий. В связи с войной крестьяне, в основном, отрицали и критиковали существующие порядки, призывали запасных и новобранцев «не ходить на войну», а односельчан – ничего не жертвовать на нее, не платить податей и налогов.

Устная информация в значительной мере базировалась на первоначально кем-то прочитанных печатных источниках. Газета

«Самарские губернские ведомости» специально ориентировалась на информирование сельского населения о дальневосточных событиях. Народ встретил войну, которую не ждал, с недоумением, но скоро патриотические чувства стали нарастать. Появилась масса лубочных картинок, изображающих победы русского оружия; военная карикатура грубо и цинично высмеивала врага, а уличные продавцы военных телеграмм ежедневно выкрикивали о новых «наших» победах. Правительственная агитация способствовала патриотическому воодушевлению масс.

До лета 1905 г. социал-демократическая деятельность в самарской деревне практически отсутствовала. Самарские социал-демократы считали, что они влияют на крестьянство, агитируя солдат. И, действительно, к последним обращено большое количество листовок, имевших внушительные тиражи. Результативность работы в массах по распространению нелегальной литературы ясно чувствуется уже в марте 1905 г., а к концу того же года самарские социал-демократы выходят на выпуск отдельных воззваний огромными по местным условиям тиражами (десятки тысяч экземпляров). В своей антивоенной пропаганде РСДРП апеллирует скорее к рабочим, нежели к крестьянам; причины войны видит в столкновении империалистических интересов Японии и России; в меньшей степени склонна рассматривать Японию как пострадавшую сторону.

На основе выявленных данных в исследовании оспаривается мнение советских историков о том, что численность и роль эсеров в Самаре значительно меньше, нежели социал-демократов; доказывается приблизительно равная значимость их влияния на население через листовки и газеты. Лозунги эсеров и социал-демократов, в общем, были похожи: и там и там – нет войне, капиталистам, самодержавию, да – народной воле и народному правлению, революции. Однако нельзя не

заметить, что лозунги эсеров в 1904–1905 гг. даже более радикальны, чем у социал-демократов. По сравнению с правительственными и либеральными газетами и журналами, листовки социалистов-революционеров представляют совершенно другое видение военной ситуации на Дальнем Востоке и внутри страны. Многие факты представлены эсерами по-иному или вообще перевернуты «с ног на голову»: четко просматривается следование партийным установкам, а не исторической правде явлений, связанных с Русско-японской войной. Причина подобного освещения событий обусловлена задачей эсеровских листовок – побудить народ к неповиновению, поднять его на революцию, используя в числе прочих аргументов непопулярность войны.

Основу информационного обеспечения Русско-японской войны для сельского населения составляли патриотические лубки. Адресованные малограмотному населению лубки-плакаты, в отличие от листовок, представляли исключительно официальную (правительственную) точку зрения на войну; после мукденской катастрофы и разрастания революции внутри страны лубки, посвященные войне, практически не выпускались. Отказавшись от издания лубков во второй – самой напряженной и трагической – половине войны, правительство в значительной степени утратило возможность влиять на неграмотное большинство российского населения. Следствием этого стало распространение слухов, которые (иногда адекватные, чаще искаженные) разносились «по дворам»; в некоторых из них отражались и события Русско-японской войны; в малограмотной среде слухи имели большое значение, существенно влияли на сознание и социальное поведение людей, особенно в сельской местности.

Итак, при всем разнообразии информационных средств, доступных самарскому крестьянству, достаточными их назвать нельзя, так как абсолютное большинство самарских и иногородних изданий не доходило

до деревни, да и уровень грамотности самарских крестьян не позволял им воспользоваться даже доходившей литературой. Основу информационного обеспечения Русско-японской войны для них составляли патриотические лубки и устная информация, которая по своему политическому характеру была двух видов: проправительственная (осуществлялась, главным образом, через духовенство) и антиправительственная (распространялась через «умных людей»). Хотя крестьянство проявляло интерес к войне, последняя так и осталась для него чужой и чуждой (кроме семей, в которых родственники были призваны на Дальний Восток). Начавшаяся революция заслонила собой неудачную войну; заключенный мир не привел к успокоению народа: бурные революционные события осенью 1905 г. характерны и для Самарской губернии.

Во-вторых, кому сообщали – это горожанам. Сведения о событиях на Дальнем Востоке жители Самары могли получать из семи местных газет и трех журналов, а также из тех же источников, что и крестьяне: изданий других городов и регионов, различной литературы, листовок, лубков, слухов. Основой информационного обеспечения Русско-японской войны для горожан являлись *местные газеты* (проправительственные официальные «Самарские губернские ведомости»; либеральные «Самарская газета» и «Самарский курьер»), а также *личная информация* непосредственных участников военных событий. В «Самарской газете» регулярно печатались списки земляков – убитых, раненых и пропавших без вести на войне с японцами. Внимание к военной теме у самарских обывателей, как и у крестьян, не было постоянным и колебалось в зависимости от новостных сообщений с театра боевых действий; те же, кого война не затрагивала напрямую, скоро потеряли к ней интерес.

Мы рассмотрели содержание и политическую направленность газетных сообщений о наиболее важных моментах войны¹.

Самарское население, как и вся Россия, крайне негативно восприняло нападение японских миноносцев на порт-артурскую эскадру в ночь с 26-го на 27-ое января 1904 г. Однако в Самарской губернии были силы, рассматривавшие эти события под совершенно другим углом зрения, – нелегальные партии эсеров и социал-демократов. Позиции РСДРП в Самаре в 1904 г. были слабы относительно крупных промышленных центров (Москвы, Петербурга, Одессы, Харькова), однако традиции социал-демократии существовали в Самаре достаточно давно (с 1890-х гг.). В городе параллельно действовали две организации: Самарский комитет РСДРП и Восточное бюро ЦК РСДРП. Самарские социал-демократы еще не поделились на большевиков и меньшевиков, и среди них вообще мало кто разбирался во всех партийных тонкостях. Они не чуждались плодотворно взаимодействовать не только с эсерами, но и либералами (конкуренция, конечно, сохранялась, как и полемика, однако некоторые практические вопросы конструктивно решались сообща).

Война с Японией способствовала прояснению сознания рабочих и возникновению интереса к политике. Она же явилась темой ряда листовок, выпущенных социал-демократическим комитетом. Были даже попытки проведения забастовок протеста против войны – на Жигулевском заводе, заводах Журавлева и Лебедева, но они носили еще совершенно неорганизованный характер.

¹ Нападение японцев на порт-артурскую эскадру ночью 26 января 1904 г.; бой «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо; военно-морские действия под Порт-Артуром 24 февраля – 31 марта 1904 г.; сражение на реке Ялу; высадка японцев на Ляодунский полуостров и оборона Порт-Артура; сражения при Вафангоу, Ляояне, на р. Шахэ, при Сандепу, Мукдене; морские бои в Желтом море и бой 1 августа; сдача Порт-Артура 20 декабря 1904 г.; Цусимская катастрофа (14–15 мая 1905 г.); заключение Портсмутского мира (23 августа 1905 г.). Подробнее см.: *Буранок А.О. Указ. соч.*

С 12 по 21 августа 1904 года под Ляояном произошло сражение между Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина и 1-й, 2-й, 4-й армиями японцев. Для Самары Ляоянское сражение – это, прежде всего, бесконечные мучительные ожидания весточки с фронта от родных и близких (солдат и офицеров Бугульминского и Бузулукского полков). Журналист «Самарской газеты» Молот (Э. Павчинский) в одной из заметок сетует на то, что письма на Дальний Восток и обратно идут бесконечно долго, а услуги телеграфа слишком дорогие¹.

Ко времени сражения на реке Шахэ (с 22 сентября по 4 октября 1904 г.) относится отправка из Самары на Дальний Восток 244-го Борисовского полка – для провинциального города неординарное событие, напрямую связанное с войной и способствовавшее на некоторое время усилению интереса самарской публики к событиям Русско-японской войны.

Весть о сдаче Порт-Артура потрясла Самару. Официально «Самарская газета» известила своих читателей об этом печальном событии 23 декабря. Необходимо отметить гневный, обличительный характер статьи «Самара, 23 декабря 1904 г. Порт-Артур пал». Сдача Порт-Артура явилась той критической точкой, за которой накапливавшаяся горечь поражений и общее недовольство современной ситуацией в стране и городе выплеснулись наружу. До этого нельзя было себе представить, чтобы в газете, пусть и либеральной, но все же проходящей цензуру, могла появиться статья-листовка, причем листовка радикальной оппозиционной партии («Самарская газета» в годы Русско-японской войны находилась под влиянием эсеров).

17 января 1905 г. в Самаре началась первая политическая забастовка почти всех предприятий, при этом информация о войне активно использовалась в качестве аргумента обеими сторонами

¹ Самарская газета. 1904. 18 августа. С. 3.

внутриполитического конфликта. Самарские патриоты обращались к трудящимся с призывом прекратить смуту, вернуться на рабочие места, не забывать традиционные, вечные ценности (православную веру в Бога; труд как главный долг и добродетель рабочего человека; народный патриотизм).

Финальной точкой в череде поражений российских армии и флота стала Цусима. Первое упоминание о Цусимском морском бое помещено 18 мая в «Самарских губернских ведомостях» в виде слуха, сообщаемого телеграммой из Нью-Йорка. И только в начале июня в той же газете появились достоверные сообщения о произошедшей катастрофе: статья «Газетная хроника о войне» (1 июня, перепечатана из «Русского инвалида») и «всеподданнейшие телеграммы» генерала Леневица и адмирала Энkvиста (4 июня). Данные сообщения лишь восстанавливают общую картину боя и почти не содержат анализа. После Цусимской катастрофы стало ясно, что продолжать войну Россия не в состоянии (хотя фактически мир будет заключен только 23 августа): война проиграна, флот уничтожен, Порт-Артур захвачен врагом, в стране – революция, одним из требований которой было незамедлительное прекращение войны. Мир жизненно необходим как царскому, так и японскому правительствам, народы обеих стран устали от войны. Весть о заключении мирного договора пришла в Самару 24 августа 1905 г.

Итак, горожане Самары могли получать информацию о Русско-японской войне практически из тех же источников, что и крестьяне. Однако уровень грамотности горожан значительно выше, нежели у крестьян, следовательно, первые могли в большей мере воспользоваться предлагаемой информацией и осмыслить ее. Основой информационного обеспечения Русско-японской войны для горожан являлись местные газеты и личная информация непосредственных участников военных

событий (письма, телеграммы, открытки, общение с солдатами и офицерами во время их побывок и отпусков).

С каким эффектом сообщил: интерес к военной теме не был постоянным в самарском провинциальном обществе и определялся содержанием новостных сообщений с театра боевых действий. Для основной массы обывателей к осени 1904 г. война отошла на второй план, уступив место первой русской революции. Трагедию войны остро переживали те самарские городские и крестьянские семьи, из которых были призваны военнослужащие.

Таким образом, информацию о Русско-японской войне доносили в Самарской губернии правительство, «правые» и «левые» политические силы, либеральные круги. Правительство старалось мобилизовать народ на войну, объяснить её цели, сформировать образ врага. «Правые» оказывали всяческую поддержку правительственным кругам, а в поражениях винили внутреннего врага. Эсеры и социал-демократы всячески критиковали войну и тех, кто её ведет, мобилизовывали массы на революцию. Либералы на время войны прекратили критику правительства, концентрировались вокруг Самарского земства и направляли свои силы на решение конкретных вопросов, связанных с помощью раненым, сбором пожертвований и т.п. Источники информации о войне в Самарской губернии были весьма разнообразны. Для крестьянства важнейшими из них являлись патриотические лубки и устная информация (проправительственная и антиправительственная), а для горожан – местные газеты.

В первоначальный период войны, характеризовавшийся патриотическим подъемом в стране, крестьянство проявляло интерес к войне. Однако последующие неудачи сделали войну чужой и непонятной, далекой. Война обострила социальные противоречия, подтолкнула крестьян к участию в революции. Среди городских

обывателей также сперва наблюдался интерес к войне, более осмысленный что ли, так как они черпали информацию из газет и личных впечатлениях непосредственных участников военных событий (писем, телеграмм, открыток, общения с солдатами и офицерами во время их побывок и отпусков). Однако бурные революционные события с начала 1905 года заслонили и для них далекую, неудачную войну.

**Эволюция «авторитетного дискурса»
как пример коммуникативной практики
в мемуарах С.Ю. Витте**

Благодаря модернизационным процессам, проходившим во всех сферах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и появлению новых каналов коммуникации, сфера политики становится публичной сферой. В начале XX века зарождается феномен публичной политики.

С.Ю. Витте – одна из наиболее ярких персон на российском «бюрократическом Олимпе» рубежа XIX–XX вв. Он был одним из первых высших сановников, демонстрирующих элементы публичного политического поведения². Чиновник обладал удивительно современным пониманием публичности: общественное мнение и репутация в прессе для С.Ю. Витте были не менее важны, чем успех в бюрократической карьере³.

Помимо своей масштабной реформаторской деятельности, С.Ю. Витте также привлекает внимание историков как публицист: кроме мемуаров, над которыми С.Ю. Витте работал после своей отставки, он также на протяжении карьеры бюрократа умелым образом работал с прессой, беседовал с журналистами и даже инициировал заказные статьи.

Благодаря выстраиванию коммуникации с прессой, С.Ю. Витте оставался в публичном политическом пространстве даже после своей

¹ Веревкина Ирина Николаевна – магистрант 2 года обучения Историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

² См.: *Кирьянов И.К.* «Номо politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 74.

³ См.: *Сагинадзе Э.О.* Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. М., 2017. С. 9.

отставки (отставку для чиновников чаще всего именуют «бюрократической смертью»)¹.

Основным источником являются мемуары С.Ю. Витте. Помимо «Воспоминаний», я также ссылаюсь на эго–документы С.Ю. Витте опубликованные и неопубликованные, хранящиеся в РГИА (личный фонд С.Ю. Витте); законодательные источники; документы делопроизводства и материалы периодической печати.

В данном исследовании мемуары С.Ю. Витте рассматриваются как разновидность коммуникативной практики между автором текста и читателями.

С.Ю. Витте не планировал, чтобы его мемуары были опубликованы при его жизни и жизни его современников. Именно поэтому рукопись его мемуаров хранилась в сейфе за границей, и автор завещал опубликовать их только через 50 лет после его смерти, однако всё произошло иначе и мемуары С.Ю. Витте были впервые опубликованы вскоре после его смерти.

Методологической основой является концепция «перформативного поворота»; я ссылаюсь на исследовательские подходы Р. Уортмана, К. Соловьёва, А. Юрчака.

Основными методологическими категориями исследования являются «перформативный сдвиг», «авторитетный дискурс», «принцип вненаходимости».

Р. Уортман, впервые применивший концепцию «перформативного поворота» для изучения имперских ритуалов в России, рассматривал российскую монархию как символическую систему. Для обозначения своего исследовательского подхода учёный применяет термин «сценарий

¹ См.: Сагинадзе Э.О. Указ. соч. С. 11.

власти», который означает комплекс символов и ритуалов, избираемых монархами для репрезентации базового мифа царствования¹.

А. Юрчак, применивший концепцию «перформативного поворота» к позднесоветскому периоду, ввёл понятие «перформативного сдвига», который проявлялся в доминировании воспроизводства нормы идеологического высказывания на уровне формы, при смещении смысла, который становился отличным от буквально «заявленного» смысла. Несмотря на то, что исследование посвящено позднесоветскому периоду, исследовательский подход, по утверждению самого автора, может быть применим к анализу любого другого исторического периода, в частности – позднеимперского². В своей работе автор анализирует нарастающие внутренние сдвиги и изменения системы, которые, в конечном счёте, привели к её краху. В широком смысле исследовательский поход автора отражает динамику развития, изменения и претерпевания кризиса политическими системами.

К. Соловьёв выдвинул концепцию ограниченности в свободе действий самодержца со стороны бюрократического аппарата. Идея «перформативного сдвига» у К. Соловьёва выражается в трактовке причин безуспешного опыта российского парламентаризма: «новый порядок» создавала все та же бюрократия, а новый строй надстраивался над прежним, заимствуя все его противоречия и присовокупив к ним новые, прежде неизвестные³.

Прежде чем приступить к анализу образов монархии на страницах мемуаров С.Ю. Витте, следует обозначить его общественно–политические взгляды.

¹ См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 15.

² См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 25.

³ См.: Соловьёв К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 292.

Фигура С.Ю. Витте является актуальной для учёных: за более чем столетний период написано несколько сотен работ, посвящённых различным аспектам жизни и деятельности С.Ю. Витте. «Великий реформатор», «эффективный менеджер», «немецкий шпион», «юдофил» – дискуссии вокруг личности и деятельности С.Ю. Витте на руководящих должностях возникли ещё при его жизни и не утихают по сей день.

Однако, работая в оптике перформативного поворота и давая оценку общественно–политическим взглядам чиновника, необходимо отказаться от бинарных оппозиций, таких как либерализм и консерватизм, поскольку бинарная модель не адекватна своему предмету– она существенным образом упрощает его.

Взгляд на С.Ю. Витте и «Воспоминания» в оптике «перформативного поворота», позволяет сделать вывод о том, что взаимоотношения самого С.Ю. Витте с политической системой Российской империи в мемуарах строились по принципу «внеаходимости». Будучи частью этой системы, он перформативно воспроизводил «авторитетные символы» на уровне формы, при этом смысл этих символов изменялся. Сам С.Ю. Витте не соотносил себя ни с одним политическим лагерем¹. Он был «нормальным» бюрократом Российской империи, участвовавшим в воспроизведении «авторитетного дискурса» (дискурса, организованного вокруг внешней догмы, не поддающейся сомнению, обладающий особыми свойствами²).

«Авторитетный дискурс» был представлен репрезентацией образов монархии. В мемуарах С.Ю. Витте данный дискурс выглядел следующим образом: главенствующим институтом российской политической системы был чрезмерно персонифицированный институт монархии. Каждый новый монарх (чья фигура олицетворялась с божественным

¹ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. М., 2017. С. 5.

² См.: *Юрчак А.* Указ. соч. С. 54.

происхождением) являлся творцом собственного политического мифа («базового мифа царствования»). Данный «авторитетный дискурс» сохранялся на уровне «формы» на протяжении всего времени существования монархии, однако «содержание претерпевало существенные изменения».

На протяжении всей карьеры бюрократа – С.Ю. Витте, можно проследить эволюцию «авторитетного дискурса», т.е. «перформативный сдвиг», проявлявшийся в сохранении и неизменности форм, при утрате содержания.

Воспроизведением «авторитетного дискурса» являются перформативные высказывания о «силе царской власти». С.Ю. Витте пишет о том, что сила (под «силой» С.Ю. Витте подразумевает величие, непререкаемость и неприступность) царя заключается в своего рода таинстве, которое недоступно познанию людей – т.е. в наследии царской власти¹. По его мнению, наследование царской власти означает её божественное происхождение: «Николай II есть наследственный законный наш царь, т.е. милостью Божьей, иначе говоря, природный наш царь»².

Перформативные высказывания о самодержавии, как наиболее эффективной форме правления также являются воспроизведением «авторитетного дискурса». С.Ю. Витте пишет о том, что «наилучшая форма правления, в России при инородцах, составляющих около 35% от всего населения – неограниченная монархия, но при условии, что имеется наследственный Самодержец с сильной волей и характером, с возвышенным благородством чувств и помыслов, Самодержец должен быть умён и образован, а также хорошо воспитан»³.

¹ См.: *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 758.

² Там же.

³ Там же. С. 574.

Если же император не обладает набором «благородных» качеств, то режим неограниченной власти не только ни принесёт государству никакой пользы, но и нанесёт серьёзный ущерб. С.Ю. Витте писал о том, что «во время самодержавного неограниченного правления «несоответствующего» правителя, государство подвергается самым ужасным испытаниям. Неограниченный Самодержец за короткий период времени в состоянии разрушить все сделанное Его предшественниками– "истинными" неограниченными правителями-предками»¹.

Согласно «Воспоминаниям», «авторитетный дискурс» претерпевает «перформативный сдвиг», когда на престоле оказывается правитель, не наделённый набором «благородных качеств».

Иллюстрацию «перформативного сдвига» в мемуарах С.Ю. Витте можно увидеть на материале персонифицированных образов императоров.

Персонифицированные образы императоров существенно отличаются друг от друга, но они оба предстают как парадоксальные герои: Александр III олицетворяет неограниченного благороднейшего монарха, который при стечении крайне неблагоприятных экономических и политических конъюнктур сумел высоко поднять престиж России, не принимая участия в сомнительных военных авантюрах. Александр III предстаёт в образе правителя, который «мог поддержать и сохранить исторически сложившееся в России неограниченное Самодержавие»², который «дал России 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твёрдостью»³. С.Ю. Витте пишет том, что если императору Александру III суждено было продолжить царствование ещё столько лет, сколько он процарствовал, то это был бы один из самых великих периодов в истории Российской империи⁴.

¹ Там же. С. 575.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 316.

Николай II предстаёт в образе слабовольного правителя, неспособного быть самодержцем Великой империи. Участие России в сомнительных военных авантюрах и симпатии к «банде черносотенцев» ставятся в вину императору¹. По мнению С.Ю. Витте, царствование последнего российского самодержца представляло собой «политические качели» как во внутренней, так и во внешней политике. Автор пишет о том, что «император принимал меры самые ретроградные и жестокие, и одновременно безумно по несвоевременности либеральные»²; «своими губительными действиями расшатал государство настолько, что подданные не видят надежд в будущем»³.

По «Воспоминаниям», можно проследить, что во время царствования Николая II, полной противоположности его отца – сильного и благородного правителя, «авторитетный дискурс» претерпевает существенные изменения: происходит «перформативный сдвиг»: «форма» остаётся неизменной, однако «содержание» утрачивается.

Что касается восстановления «соответствия между содержанием и формой», то С.Ю. Витте высказывает мысль о том, что единственно верной политической траекторией является «разумное ограничение» самодержавия и проведение политики «в духе 17 октября», чтобы мирным и бескровным путём прийти к конституции.

Описанные в «Воспоминаниях» принципы и функционирования парадоксальной системы предопределили случившийся в недалёком будущем крах Российской монархии. Российская империя начала XX века предстаёт как система, мощная и хрупкая одновременно, состоящая из дополняющих и определяющих друг друга противоречий. Монархия не адаптировалась к новым реалиям жизни и в «новых условиях» применяла

¹ Там же. С. 773.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 575.

прежние механизмы управления, которые в уже «новых условиях» не работали, что в итоге привело к катастрофическим последствиям.

Таким образом, в условиях публичного политического действия «Воспоминания» являются каналом коммуникации между автором и читателями. С.Ю. Витте, будучи «нормальным бюрократом», участвовавшим в воспроизведении «авторитетного дискурса», отразил в своих мемуарах «перформативный сдвиг». «Перформативный сдвиг», проявлявшийся в эволюции «авторитетного дискурса» тесно связан с «базовым мифом царствования», личностью последних двух императоров Российской империи и их персонифицированными образами.

Историография в поисках случая: подходы Р. Козеллека

«Короткий XX век», прочно обосновавшийся в исторической науке по меткому определению Э. Хобсбаума, стал одним из самых плодотворных периодов истории исторической мысли. Явившись не только временем колоссальных изменений в политической, социальной и культурной областях жизни, но временем появления новых теорий, концепций и подходов.

Современная историческая наука посвятила проблемам изучения и переосмысления методов и фактов уже исследованных исторических явлений достаточное количество трудов. Вторая половина XX века не стала исключением. Это был период переосмысления «оптики» историка, появления так называемых «новых» концепций, одной из которых стала попытка комплексного анализа того или иного факта-события в истории, получившая название – новая политическая история. Стоит заметить, что слияние двух наук: «старой» истории и «новой» политологии явление не новое. Уже в начале второй четверти XX века академик М.Н. Покровский сравнил историю с политикой, перенесенной в прошлое, так как история немислима без политики, как и наоборот. Сама идиома политической истории была заложена еще в эпоху Возрождения в труде знаменитого мыслителя Макиавелли «Государь», но именно в XX веке эта концепция получила наибольшее развитие. Благодаря переосмыслению и

¹ Галдилов Григорий Дмитриевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ, преподаватель кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства ФИПП ИАИ РГГУ.

перераспределению исторической мысли и получила жизнь новая политическая история.

Прежде чем рассматривая саму концепцию, стоит отметить работу Ли Бенсона «К научному изучению истории»¹. Являясь одним из пионеров нового подхода в своем исследовании, посвященном истории США, он продемонстрировал довольно широкий комплекс приемов, свойственных разрабатываемой им и несколькими другими историками (А. Бог, С. Хейс) новой политической истории. Целью исследований он ставил возможность и необходимость проследить влияния эгалитарных идей на политическую жизнь общества по средствам разбора отдельных исторических личностей и их «случайных» действий.

Новая политическая история на американском континенте, однако, не ставила самоцелью переворот в исторической мысли. Ее методы по-прежнему оставались неизменными, дополняясь лишь небольшими доработками и спецификой изучаемых объектов. Использование сравнительных характеристик процессов и явлений, установление причинно-следственных связей между различными историко-политическими событиями и анализ исторических сведений и документов, считались Л. Бенсоном и его последователями идеальными и новыми методами. Однако стремительно и бесследно пропав из исторического поля американских исследователей, новая политическая история перешла в руки историков «старого света», таких как М. Озуф, Ф. Вандермеер, Р. Козеллек и др.

Один из крупнейших теоретиков исторической науки Рейнхарт Козеллек писал о том, что методы в современной политической истории могут привести лишь к утопии, но если их переложить на исследование

¹ См.: *Benson L. Toward the Scientific Study of History*. Lippincott, 1972.

прошлого, то многие известные факты подлежат пересмотру¹, что неминуемо приведет к новой трактовке и прочтению исторических фактов. Именно сочетание противоречивых факторов и было основой его «исторической школы», но желание уничтожить какие бы то ни было исторические рамки не нашло понимания². Именно в этот период появляется одна из самых экстравагантных и в тоже время логичных концепций Р. Козеллека – «случайность в истории»³.

«Каждая история, которую мы анализируем – это действительно прошедшее, логично сложившееся событие»⁴. «Однако, прошедшее событие логически неизбежно забегаает вперед»⁵, стремится сконструировать будущее, ведь без попыток этого, каждая история попросту бессмысленна. Взаимосвязь с настоящим и будущим – одно из главных условий ее существования⁶. «Исторический факт, по сути, не сводим к порядку: случай – основа истории»⁷. Если придерживаться естественнонаучной причинно-следственной модели, случайность действительно предстаёт как сущность всей истории.

Однако возникает закономерный вопрос о роли случайности в исторической науке. Данная концепция почти не подчиняется историческому описанию, говорить о ней попросту невозможно, ведь на данном этапе у нее (случайности) своя собственная, еще не полностью раскрытая история. Историография видит свои цель и задачи в выявлении взаимозависимостей, складывающихся в определенные временные

¹ См.: *Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, 1988. P. 78–83.*

² См.: *Rutar S. Introduction: Beyond the Balkans // Beyond the Balkans: Towards an Inclusive history of Southeastern Europe. Zurich, 2014. P. 9.*

³ *Koselleck R. Op.cit. S. 125–127.*

⁴ *Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Aufsätze und Vorträge aus vier Jahrzehnten. Frankfurt am Main, 2010. S. 19.*

⁵ *Ibid.*

⁶ См.: *Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Aufsätze und Vorträge aus vier Jahrzehnten. Frankfurt am Main, 2010. S. 19.*

⁷ *Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P., 1948, P. 20.*

промежутки под влиянием тех или иных идей, для случайности не остается места. Несмотря на это она (случайность) как никто иной подходит для описания чего-то нового, непредвиденного в истории и оттого ее нельзя назвать «неисторическим концептом»¹.

По мнению Р. Козеллека «в основании некой взаимосвязи первоначально может лежать случай»². Для того чтобы иначе взглянуть на многие события, нужно спроецировать или создать новые категории случайностей и использовать их в заполнении пробелов при описании взаимосвязей, легко поддающихся критике.

Бесспорен тот факт, что особенностью современной исторической науки в целом и исторических методик в частности является стремление и устойчивое желание обходиться без участия «случая». Во многих процессах, где историография обнажает свое желание воспользоваться случайностью, исследователи четко наблюдают или недостаточность данных, или несоразмерность причинно-следственных связей. Недаром до середины XVIII века именно случайность была спасительным кругом для описания исторических событий.

Во многих работах Р. Козеллека, посвященных изучению истории исторической науки, можно проследить его предрасположенность к тому факту, что в прошлом «для описания и объяснения истории было популярно и необходимо привлекать случайность в облачении Фортуны»³. Данная практика, однако, не являлась чем-то новым для историографии XX века, достаточно обратиться к работам Клауса

¹ *Koselleck R.* Der Zufall als Motivationsrest in der Geschichtsschreibung. Frankfurt a. M., 1979; *Козеллек Р.* Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. М., 1994. Вып. 5. С. 172.

² Там же. С.172–173.

³ См.: *Koselleck R.* Der Zufall als Motivationsrest in der Geschichtsschreibung. Frankfurt a. M., 1979. А также: *Heitmann K.* Fortuna und Virtus, eine Studie zu Petrarca's Lebensweisheit // Studi Italiani. Bd.I. Köln; Graz, 1958.

Хайтмана¹ или Хуго Фридриха², не раз прибегавшим к описанию тех или иных фактов по средствам случайности. По мнению другого немецкого историка, Вальтера Ламмерса, случай или фортуна, и вовсе были необходимыми элементами в изложении отдельных историй³.

Возникает закономерный вопрос: как можно соотносить данные идеи Р. Козеллека с его взглядами на новую политическую историю. Обратимся к одному из столпов данного направления – канадскому историку-социалисту Алану Богу. Именно он в конце 60-х годов XX века первым назвал концепт «новой политической истории», таким образом, подытожив начатую Бенсоном работу. Рассматривая методы статистического анализа в работах других историков, он заложил основы исторических исследований, продолжателем которых стал Р. Формисано, подробно и точно описывающий идеи политических партий и электоральных предпочтений⁴. Как столь точные исследования «из-за океана» заставили Р. Козеллека обратиться к феномену случайностей.

Разумеется, ответ на поднятый выше вопрос достаточно прост: «Двуликая Фортуна открывала простор для всех возможных историй, за ее богатым праздничным столом было место для всех веков»⁵. Конечно, описываемая лишь с позиций теологии или философии, согласно Козеллеку, Фортуна никогда не являлась предметом исторического осмысления. Только лишь ей пытались дать эмпирическое толкование, и она превращалась в чистую случайность.

Случайность, конечно же, понятие несвойственное истории, однако в некоторых вопросах ставшая ее основным шансом на существование.

¹ См.: *Heitmann K.* Fortuna und Virtus, eine Studie zu Petrarca's Lebensweisheit // *Studi Italiani*. Bd.I. Köln; Graz, 1958.

² См.: *Friedrich H.* Epochen der italienischen Lyrik. Frankfurt-a-M., 1964.

³ См.: *Lammers W.* Geschichtsdanken und Geschichtsbild im Mittelalter. Darmstadt, 1961. S. 123, 133.

⁴ См. Подробнее: *Formisano R.* The Birth of Mass Political Parties: Michigan 1827–1861.

⁵ *Грасиан Б.* Карманный оракул. Критикон. М., 1981. С. 264.

Обращаясь к событиям прошлого, можно с легкостью найти множество примеров, когда «случай» ложится в основу. Например, знаменитая речь Карла фон Дальберга на одном из съездов Рейнского союза, где он открыто заявлял о невозможности построения единой Германии без Франции, и называл покровительство Бонапарта – «божьем проведением»¹. Можно вспомнить и более хрестоматийным пример высказанный Б. Паскалем в своем знаменитом труде «Мысли» о том, что нос Клеопатры стал главной причиной, изменившей облик мира.

Говорить о случайности как имманентной причине, из которой могут быть выведены любые значимые последствия попросту нереально, однако согласно Р. Козеллеку этот факт все же заслуживает внимания. «Историк выбирает то, что ему надо: данные для его доказательства найдутся, и их можно приспособить к любой системе, он всегда находит то, что ищет...»².

В XVIII столетии случайность стала всеобъемлющей доминантой, которую с большим энтузиазмом впитали историки-моралисты, целое направление исследований нашло новую опору в подобных доказательствах. Р. Козеллек, изучая данные тенденции, приводит в пример Вольтера, прямо в своих работах заявлявшего, что причиной Семилетней войны в Европе стало самолюбием нескольких личностей³. «...Признавая роль случая, современные явления не являются детьми всех происшедших явлений: они имеют свои прямые линии»⁴. П. Гольбах в своей «Системе природы» понимал случай как незначительную причину, имеющую значительные последствия⁵. Таким образом, случайность уже

¹ Reuter F. Die Dalberg in Worms und Hemsheim, in: Hans-Bernd Spies (Hrsg.): Carl von Dalberg 1744–1817. Aschaffenburg, 1994. S. 273–274.

² Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris: Ed. du Seuil, 1954. P. 187–188.

³ См.: Brumfitt J.H. Voltaire, Historian. Oxford, 1958. P. 105.

⁴ Вольтер Статьи и материалы // Под ред. В. П. Волгина. М.;Л., 1948. С. 212.

⁵ См.: Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С. 147.

целиком становится на службу обоснований, которые приводятся историками, однако происходит ли изменение событий? Напротив, изучая данные работы, лишь убеждаешься, что «воля случая» действительно играет важную роль.

Не стоит забывать, что современный исследователь, в первую очередь, исходит из потребностей общества. Применяя теоретические представления об обществе, историк обязан решать современные проблемы. Он не может сконструировать теории из одного лишь прошлого, но берет их непосредственно из повседневности, современных практик, «случайно» подбирая представления об обществе. Именно в этом случае незначительная случайность превращается в причину. Достаточно вспомнить работы М. Шермера касающиеся Гражданской войны в США или его знаменитый двухтомный труд «Энциклопедия лженауки “Скептика”»¹.

В XIX веке возникающие исторические школы не оставили следа от случайности. Вследствие чего, феномен фортуны ушел в прошлое и стал лишь воспоминанием. Отчасти это можно приписать последовательному принципу распространения причинно-следственных связей в описании взаимообусловленности событий в истории, но все же центральную роль в снятии «случайностей» сыграли философские и эстетические предпосылки понимания истории. Случайность была рационализирована до стилистического понятия, которое в той или иной мере отражала различные точки зрения, освобождая тем самым пространство для причинных связей.

В XX веке понятие «случайности» вновь возвращается в историческую науку, как концепт прошлого, описывающий многие события истории. Одной из таких тем становится феномен смерти как решающего фактора. Например, кончина императрицы Елизаветы

¹ См.: *Shermer M. The Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience. Santa-Barbara, 2002.*

Петровны представляется во многих источниках как «драматичная судьба». Где-то встречаются формулировки, что «...ее смерть опрокинула все планы и соглашения политиков»¹. Л. Фон Ранке позднее и вовсе указывал на то, что эта смерть только обнажила, сколь незначительная «внутренняя необходимость» и важно «сочетание обстоятельств»². В исследуемых Козеллеком трудах Архенгольца и вовсе говорится о том, что «смерть – это властительница судьбы»³.

В чем же заключается глубинный смысл случайности, которая, по мнению части историков XX века, занимала главенствующее место в описании событий? По мнению Р.Арона: «Случайность – это возможность постичь другое событие и невозможность дедуцировать событие из всей предыдущей ситуации»⁴. А. Мару в своем главном труде «Понимание истории» и вовсе говорил, что «историк выбирает то, что ему надо: данные для его доказательства найдутся, и их можно приспособить к любой системе, он всегда находит то, что ищет»⁵. Однако Р. Козеллек развенчал все идеалы и стремления случайности.

Подводя итог, стоит отметить, что концепция случайности или влияния Фортуны является очень важным местом исторического контекста. Разумеется, говорить о неизвестных ранее фактах с позиций «случайного» не только не представляется возможным, но и было бы крайне некорректно. Отделять друг от друга факторы, имевшие когда-то сильное влияние на событие, будь то философские, религиозные, эстетические или даже социальные – крайне досужее занятие. Достаточно придерживаться вывода, что «все они действуют совместно в таком

¹ *Frederic II le Grand* Œuvres de Frédéric le Grand. Berlin, 1848. T. VIII. S. 177–179.

² *Ранке Л.* Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II. М., 1898. С. 122.

³ *Archenholtz J.W. von.* Geschichte der Siebenjährigen Krieges. Halle; Saale, 1791. P. 33.

⁴ *Aron R.* Introduction à la philosophie de l'histoire. P., 1948. S. 408.

⁵ *Marrou H.-I.* De la connaissance historique. P., 1954. P. 187–188.

понятии истории, которое совсем не допускает условий для возникновения случайности»¹.

Оставляя случайность за рамками исторического контекста, однако, вновь и вновь возникает вопрос, а согласен ли с этим сам исследователь, как неотъемлемая часть исторического познания. НЕ оказывается ли так, что исключение случайности, воли Фортуны, поднимает планку требований к состоятельности исторических исследований до небывалых высот. В таком случае не место случаю приходит иная концепция, более аккуратно и лаконично вписывающаяся в исторический контекст – идеология, способная прибегнуть к любым методам, позволяющим облачить случайность в мантию закономерности. Именно поэтому возникает вопрос, так до сих пор не получивший ответа: каково место случая в исторической науке? Однако бесспорным остается тот факт, что именно случайность, по меткому определению самого Р. Козеллека, является последним прибежищем для историографии.

¹ *Козеллек Р.* Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. М., 1994. Вып. 5. С. 183.

**Информационно-коммуникативные ресурсы истории
в культурном пространстве периода перестройки (1985–1991 гг.)**

Время перестройки (1985–1991 гг.) ознаменовано сдвигами в общественной культурно-исторической памяти, которые были инициированы политическими преобразованиями М.С. Горбачева, избранного Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. Изменение политики культурной памяти коснулось не только центра, но и регионов, о чем можно судить на основании данных архивных материалов.

В рассматриваемый период на культурную арену выходят произведения, поднимающие прежде табуированные темы, в частности, тему репрессий 1930–1950-х гг., «сталинского» времени в целом и т.п. В рамках анализа «реанимации» исторических событий, которые ранее не были широко освещаемы или рассматривались в культуре и науке в условиях идеологизированности, обнаруживаем, что история, представленная в культурном пространстве, способствует выстраиванию новых коммуникативных площадок. Происходившее расширение границ советского публичного пространства создало условия для переосмысления ряда этапов советской и дореволюционной истории и формирования новых ценностей. Процесс заполнения «белых пятен» отечественной истории, в особенности, предшествующих советских десятилетий, активно выполняет коммуникативную функцию в рассматриваемый период.

¹ Гузельбаева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Информационно-коммуникативные ресурсы истории в отечественной историографии изучаются в контексте научного дискурса, в котором в качестве коммуникативных площадок рассматриваются периодические исторические и междисциплинарные журналы¹; проводится сравнение официальных, академических изданий и изданий неформальных научных объединений². Можно констатировать, что в существующих работах внимание исследователей обращено на внутринаучную коммуникацию историков. В данной статье предпринимается попытка выявить и проанализировать использование информационно-коммуникационных ресурсов истории в культурном пространстве периода перестройки, то есть в рамках публичного дискурса. Культурное пространство рассматривается в качестве среды, которая использует информационно-коммуникативные ресурсы истории.

М.С. Бобкова верно раскрывает ключевую составляющую информационно-коммуникативного пространства: «Главным элементом информационно-коммуникативного пространства исторического знания является текст – это семантический образ прошлого, который может стать историческим источником, попав в поле зрения профессионального историка, а может стать источником легитимизации актуальных поведенческих моделей или аргументом в пользу реализации современных политических или идеологических запросов»³. Данное представление можно дополнить существенным замечанием: историческое знание транслируется средствами СМИ, культуры, выходит

¹ См.: Денисов Ю.П. Профессиональная историческая периодика в условиях трансформации коммуникативного пространства российской исторической науки на рубеже XX–XXI вв. // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 9–12.

² См.: Мамонтова М.А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 267–277.

³ Бобкова М.С. Информационное пространство истории // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 13.

за пределы профессионального осмысления, не только отвечая на общественные запросы, но и выполняя коммуникативную функцию.

Культурное пространство периода перестройки насыщается большим количеством ранее широко не освещаемых тем, в том числе связанных с историей предшествующих советских десятилетий. Особое место среди них занимает тема сталинских репрессий 1930–1950-х гг. Большое влияние на широкую аудиторию в рассматриваемый период оказывают «толстые» журналы. Именно в них публикуются художественные произведения, затрагивающие ранее закрытые темы. Первым показателем нового витка антисталинских настроений явилась публикация «Архипелага ГУЛАГа» в «Новом мире»¹. Тема репрессий и сталинских времен также раскрывается в произведениях В. Шаламова, Д. Гранина, Ю. Домбровского². В 1987 г. впервые выходит поэма А. Твардовского «По праву памяти», написанная в 1969 г., раскрывающая тему коллективизации и раскулачивания³. Региональные особенности репрессий 1930-х гг. позволяет узнать автобиографический роман Е.С. Гинзбург, матери известного писателя В. Аксенова. Ее заключение началось с Казани, что подробно описано в «Крутом маршруте». Этот роман публикуется частями в журналах, выходят критические заметки и статьи по роману к концу 1980-х гг.⁴

Большой общественный резонанс вызвал показ фильма Т. Абуладзе «Покаяние» (1984 г.), который вышел на экраны только в 1987 г. Тема репрессий и сталинского времени раскрывается в художественных и

¹ См.: Архипелаг ГУЛАГ. Главы из книги // Новый мир. 1989. №№ 8, 9, 10.

² См.: Шаламов В.Т. Воскрешение лиственницы: Рассказы. М., 1989; Гранин Д. Зубр // Новый мир. 1987. № 1. С. 19–95, № 2. С. 7–92; Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1989.

³ См.: Твардовский А. По праву памяти // Знамя. 1987. № 2. С. 3–14.

⁴ См.: Гинзбург Е. Крутой маршрут // Даугава. 1988. № 7–12, 1989. № 1–6; Гинзбург Е. Крутой маршрут: фрагмент // Юность. 1988. № 9; Гинзбург Е. Крутой маршрут. Рига, 1989; Султанбеков Б. Размышляя над «Крутым маршрутом» // Вечерняя Казань. 1988. 3 октября.

документальных картинах: «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987 г.), «Власть соловецкая. Свидетельства и документы» М. А. Голдовской (1988 г.), «Пир Валтасара или ночь со Сталиным» (1989 г.) и т.п.

Данная тенденция активно оказывала информационно-коммуникативное воздействие на все слои общества. Представители партийно-политических элит в выступлениях подчеркивают обоснованность трансляции таких произведений культуры в контексте перестройки и гласности. Так член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев в выступлении перед редакторами областных и республиканских газет указывает о подобных произведениях как о достижениях перестройки: «Среди нынешних публицистов воспевающих перестройку, немало таких, которые прежде воспевали застойный период. Не компрометируют ли они перестройку?» - А вы возьмите и напишите об этом... А что с ними делать? Расшвырять всех? Но какое общество мы тогда построим? Надо уметь всех перестраивать – и с подозрением относиться к тем, кто хочет бежать в период прогресса. Надо очень беречь то, что мы накопили за два года перестройки. Сейчас идут жалобы на фильм «Покаяние», романы «Дети Арбата», «Белые одежды»... Давайте спорить, если не нравится. Лично мне тоже не все нравится, но я об этом своей жене скажу, а не буду на общество обижаться. Мы забываем о народе, а он с нашим мнением может не согласиться. Пусть народ оценивает»¹.

Общество от освещения и популяризации антисталинских настроений в культуре перешло к действиям: созданию движений, организаций и т.п. Главной целью таких организаций становится увековечивание памяти жертв репрессий 1930–1950-х гг. Так, в ТАССР активно разворачивает свою деятельность движение «Народный фронт».

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-15. Оп. 15. Д. 256. Л. 43.

На страницах «Вестника Народного фронта» публикуется позиция участников движения: «Лучшим памятником жертвам сталинских репрессий была бы экспозиция развернутая именно в тех подвалах на Черном озере, которые как мы знаем, использовались в том время. Может они продолжают использоваться и сейчас? Народный фронт должен требовать от КГБ – хозяина этих помещений – освободить их и открыть туда доступ гражданам»¹. Однако данная задумка не нашла поддержки со стороны властей и не реализована до нашего времени. В стенах бывших зданий советских органов госбезопасности (НКВД, КГБ) – с 2008 г. действует музей истории МВД, в котором раскрывается история развития правоохранительных органов во времена Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Общественные запросы транслируются властям посредством включенности в политические процессы представителей творческой интеллигенции. В рассматриваемый период уместно говорить о «политизации» большого числа деятелей культуры и науки. Так, в 1989 г. в Москве формируется и начинает свою деятельность комитет «Писатели в поддержку перестройки» («Апрель»). Среди участников «Апреля» были известные поэты и писатели: Б. Окуджава, Р. Рождественский, Т. Толстая, А. Приставкин, А. Адамович, Ю. Черниченко, А. Рыбаков, В. Дудинцев и др. На региональном уровне можно обнаружить аналогичную тенденцию. Писательница Ф. Байрамова становится одним из лидеров движения «Иттифак», активно участвует в деятельности Татарского общественного центра (ТОЦ), движения «Азатлык», «Народного фронта». В подобных организациях и движениях принимают участие такие писатели как Р. Харисов, Н. Фаттах, М. Хабибуллин, актер театра Р. Шарафеев и др.

Критика проявлений «сталинизма» присутствует в тексте «Наказа делегатам XIX Всесоюзной конференции от творческой интеллигенции

¹ Там же. Д. 938. Л. 135–136.

Татарии»: «Наше общество подошло к решающему рубежу. Как говорил Михаил Сергеевич Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации, состоявшейся 7 мая в ЦК КПСС, нужен такой механизм, который законодательно закрепил бы гласность, создал бы конституционные гарантии подлинной демократии, не позволил бы подняться новым «культам» и «культикам». Именно в этом мы видим цель и смысл предстоящей партконференции и хотели бы в качестве наказа делегатам высказать несколько своих соображений по тезисам ЦК КПСС. Печать – могучая сила. И если мы хотим поставить заслон рецидивам «вождизма», то надо вывести печать из подчинения воле отдельных личностей. Именно полное подчинение прессы создало благоприятную почву для безграничной власти Сталина. А от безграничной власти до безграничного беззакония – только один шаг»¹.

Консолидирующая функция истории репрессий «сталинских времен» раскрывается в партийных документах, предоставляющих информацию комиссии партконтроля и контрольной комиссии о ходе выполнения постановлений ЦК КПСС о реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в 30-40-е годы и в начале 50-х годов. «Из наиболее примечательных акций, получивших общественное признание, можно назвать ряд радио и телевизионных передач, выставку «Архивы и гласность», организованную партархивом совместно с Государственным архивом и филиалом Центрального музея В.И. Ленина, которую посетили свыше 30 тысяч человек. Нашей Комиссией одобрено создание специального выпуска традиционного сборника «Борцы за счастье народное», который полностью будет посвящен видным партийным и советским деятелям, доброе имя которых возвращено уже после 1988 года. В подготовке реабилитационных материалов наряду с правоохранительными органами, коим это положено делать в виду

¹ Там же. Д. 1021. Л. 62–63.

служебных обязанностей, активно участвуют вновь созданные государственные и общественные организации, журналисты, активисты общества «Мемориал», в числе которых видные ученые. И работа в этом направлении будет продолжаться. Этого ждет общественность, родственники и близкие пострадавших в годы репрессий»¹.

Общество «Мемориал», созданное на базе инициативной группы «Народного фронта», в рамках своей деятельности по возвращению «забытых имен» жертв репрессий поднимает вопрос об увековечивании их памяти, в том числе, путем установления памятника. «На заседаниях общества заслушивались выступления, рассказы о судьбах репрессированных. Писательница Ф. Байрамова предложила проект памятника жертвам репрессий в Татарии – скорбная, коленопреклоненная женская фигура из черного мрамора на Черном озере напротив бывшего здания НКВД. Поставлен вопрос о необходимости открытия счета для сбора добровольных пожертвований, однако республиканские власти пока медлят с ответом. На 1ое декабря, день годовщины гибели С.М. Кирова, намечен митинг памяти жертв репрессий. Место проведения митинга – Черное озеро»².

Таким образом, одним из информационно-коммуникативных ресурсов отечественной истории для периода перестройки стало время 1930–1950-х гг. Вопросы, которые стали освещаться в научных кругах, переместившись в публичное пространство, подняли широкие массы, активизировав общественные движения. Стоит при этом подчеркнуть, что в прежние десятилетия данная тема раскрывается ограниченно в официальном публичном пространстве, однако является обсуждаемой за

¹ Там же. Д. 2348. Л. 46.

² Там же. Д. 938. Л. 136.

пределами табу, что показывает дискуссионность вопроса о свободе советского человека¹.

В рассматриваемый период история стала источником ресурсов для поиска новых коллективных идентичностей. В условиях серьезных политических и идеологических трансформаций этот вопрос получает особую актуальность. В этом контексте нельзя не согласиться с Р.Г. Пихоя, который отметил: «Начался поиск ценностных ориентиров не в «коммунистическом завтра», а в утраченных после 1917 г. традиционных идеалах, национальных особенностях, нивелировавшихся в СССР»².

Национальная культура в рассматриваемый период, выполняя аксиологическую функцию, способствует интеграции национального сообщества. Консолидирующей силой выступает история и те ее этапы, которые вызывают особый отклик общественности. Так, в Татарской АССР в рамках деятельности Татарского общественного центра (ТОЦ) обсуждается вопрос увековечивания исторических событий XVI в.: взятия Казани войсками Ивана IV, дальнейшего присоединения Казанского ханства к Московскому царству. ТОЦ направляет прошения в партийно-государственные органы о возможности проведения митинга в память о павших защитниках Казани в октябре 1552 г., однако разрешение по этому вопросу получено не было³.

На общесоюзном и на региональном уровне проявляется тенденция обращения в литературе и публицистике к авторам, которые в своем творчестве отражали дореволюционный уклад или высвечивали проблемы советского общества. Среди них большое количество эмигрировавших представителей творческой интеллигенции. Так, в записке заведующего

¹ См.: Шубин А.В. Социализм: золотой век теории. М., 2007. С. 672–676.

² Пихоя Р.Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 7.

³ См.: Гузельбаева И.А. Формирование межкультурного диалога и национальной идентичности в условиях политических преобразований (опыт периода перестройки и практики современности в республике Татарстан) // 2018. № 5 (91). С. 15.

идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто указывается предложение от Главлита: перевести из спец фондов в общие фонды библиотек произведения И. Бунина, В. Набокова, Н. Гумилева, Е. Замятина, И. Бродского, философов и публицистов – Н. Бердяева, В. Ходасевича, Б. Зайцева и других¹.

Со второй половины 1980-х гг. переиздаются труды татарских религиозных мыслителей, писателей, ученых конца XIX – начала XX вв. Например, произведения выдающегося ученого, историка, просветителя Шигабутдина Марджани². Выходят работы, раскрывающие жизнь и творчество татарских мыслителей, публицистов, литераторов: Р. Фахретдина, Х. Атласи, Г. Исхаки и др.³ Их творчество было предано забвению по политическим и идеологическим мотивам в 1920-1930-е гг. Так, например, Гаяз Исхаки, имевший антибольшевистские взгляды, был вынужден эмигрировать в 1920 г., продолжая в своих рассказах, романах, драматических и публицистических произведениях раскрывать культуру и быт татарского народа.

Такое изменение отношения к эмигрировавшим или репрессированным авторам, чьи произведения были изъяты из общих фондов, можно рассматривать как начало смягчения цензурной политики периода перестройки.

Подводя итог, важно отметить, что коммуникативное пространство второй половины 1980-х – 1991 гг. отражает происходившие в стране трансформационные процессы. Однако начало «размывания» ценностно-идеологических ориентиров советского общества можно отнести к предшествующим десятилетиям. Изменения культурной политики в

¹ См.: Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе. Каталог выставки (приложение). М., 1993. С. 38.

² См.: *Марджани III*. Мостафадель-ахбар фи ахвали Казань ва Болгар. Казань, 1989.

³ См.: История татарской литературы (Начало XX века): собр. соч.: в 6 т. Т.3. Казань, 1986.

период перестройки повлекли за собой необратимость дальнейшего идеологического сдвига. Социалистическая идея, прежде являвшаяся смыслообразующей для большей части советского общества, теряет свое фундирующее значение.

Изменения коммуникативного пространства периода перестройки в терминологии, предложенной В. М. Воронковым, выразились в стирании границы между «официальной публичной сферой» и «приватно-публичной сферой»¹. В качестве примера коммуникации в «приватно-публичной сфере» автор приводит существование «интеллигентских кухонь». Перестройка привела к постепенному исчезновению «приватно-публичной сферы». То есть, в официальном коммуникативном пространстве происходит расширение обсуждаемых тематик.

Культурное пространство рассматриваемого периода, используя ресурсы исторического знания, предоставляет возможности выстраивания коммуникации различных общественных групп. Примечательно, что в одной плоскости выстраивается коммуникация всех акторов: власти, широких масс и творческой интеллигенции. Условия перестройки детерминировали сращивание официальных и неофициальных коммуникативных площадок. Кино, художественная литература, публицистика, периодическая печать становятся трансляторами изменяющегося исторического дискурса. В культурном пространстве обнаруживается постепенная смена ценностных ориентиров, которая выразилась в обращении к ранее закрытым темам, переосмыслению ряда исторических этапов развития советского общества. Таким образом, рассмотренное выстраивание коммуникативного процесса с использованием исторических ресурсов, отраженных в культуре, в

¹ Воронков В. Жизнь и смерть советской публичности // Дебаты и Кредиты. Медиа. Искусство. Публичная сфера / Под ред. Т. Горючевой, Э. Ключтенберга. Амстердам: Центр культуры и политики «De Valie», 2003. С. 99–110.

условиях перестройки является яркой иллюстрацией крушения существовавшего идеологического фундамента. Проблема деформации и разрушения прежнего коммуникативного процесса в контексте глобальных политических и идеологических перемен перестройки требует дальнейшего изучения.

**Гендерные исследования и категория гендера:
трудности актуализации в системах академического дискурса
и обыденного знания**

Современная гуманитаристика находится в состоянии замерших радикальных преобразований, начавшихся еще в 1990-е гг. и активно осуществлявшихся до середины нулевых. В российском обществе, активно движущемся с точки зрения социальных категорий в сторону трансформационных процессов, обостряются старые и формируются новые социально-культурные вопросы и проблемы. Историческая наука как один из инструментов рационального и допустимо возможного социального проектирования, с одной стороны, должна предложить социуму паттерны, культурные образцы и характеристики, необходимые для решения или хотя бы определения существующих проблем, с другой – не до конца имеет возможность совершить прорыв, работая с новой проблематикой старыми методами и отвергая те, что буквально 20 лет назад, казалось бы, взойшли на теоретико-методологическую арену.

Гендерные исследования – «традиционная инновация», которая заняла свое место на полке постмодернистских направлений, так и не получив статуса полноценно принятой академическим сообществом методологии, несмотря на все усилия нескольких исследовательских школ по всей России и в СНГ. Причиной подобного ригоризма, бытующего на всех уровнях академической среды – от образовательных программ и выбора тем для квалификационных работ до обсуждений гендерологии на

¹ Давыдова Ольга Геннадьевна – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

крупных конференциях – может быть как и социокультурная иноконтекстуальность отечественного дискурса, так и смешение/смещение полей феминизма, феминологии и, собственно, гендерных исследований. Политический феминизм, несмотря на все попытки отечественных гендерных исследователей объяснить и продемонстрировать научному сообществу собственную позицию и отношение к предметному полю, становится классическим фоном для рассмотрения любой работы с использованием термина «гендер». Подобное наложение проблематик, а также бытующие в самом в системе обыденного знания гендерные стереотипы, негативно сказываются на исторической гендерологии и всем направлении в целом.

Главная гипотеза автора заключается в специфическом восприятии гендерных исследований в академическом и обыденном пространствах. Перед нами не до конца завершенное превращение гендерных исследований в специфический постмодернистский дискурс, участники которого получают, вне зависимости от своего реального позиционирования, научного статуса и поля исследований, общий набор характеристик либерального толка. Междисциплинарная практика историописания, которой должна была стать гендерная теория, в результате реакции, участниками которой стали историки постсоветской России, негативно настроенные к новым западным веяниям; западные фонды-участники поддержки центров гендерных исследований, в свое время ставшие причиной «моды на гендер», в рамках которой использование гендерной терминологии часто происходило в отрыве от подлинных методов гендерных исследований, обоснованное лишь необходимостью получения ресурсов на исследования; молодые ученые, скомпроментировавшие гендерные исследования недостаточным пониманием основ теории или, наоборот, активной практико-ориентированной позицией своих исследований, в идеологию. А любая

идеология в состоянии и постсоветской травмы, и постпостмодернистской историографии воспринимается большинством в категориях навязанности, политизации и антинауки, т.е. негативно.

Несмотря на заметное удаление от начала самой дискуссии вокруг необходимости интеграции гендерных исследований в самую отечественную историографию (конец 1990-х), мы все еще находимся в состоянии открытого вопроса. Есть ли у гендерных исследований третий вариант, помимо 1) становления их как сугубо академической научной отрасли с установлением четких барьеров между политической повесткой и наукой, хотя этот подход еще 20 лет называли антипрогрессивным, 2) превращения гендерных исследований в вариант политического дискурса со всеми сопутствующими попытками активного влияния на общество и его актуальную проблематику: от вопросов гендерного самоопределения до криминализации домашнего насилия, что чревато уходом от ценностей и специфики научного дискурса и превращением отрасли в, собственно, политологию.

Новые теоретические установки, в том числе и гендерные исследования, проникшие в академический дискурс в 1990-е гг., во многом были приняты как теории случайные и актуальные временно, в момент ложной апологизации всего западного теоретико-методологического пространства. В таком состоянии не критического восприятия гуманитарная наука акцентируется на простом противопоставлении зарубежных разработок отечественным, вопрос о включаемости новых теоретико-методологических позиций не поднимается, а само проникновение воспринимается как синдром утраты ценностных ориентиров (тот же процесс происходит прямо сейчас в рамках общественного дискурса, касающегося гендера и новых, неклассических форм идентичности).

Перед нами парадокс: с одной стороны, 1990–е гг. – период появления на сцене новых теорий, которые свидетельствуют о начавшемся разрыве с советским академическим прошлым. С другой стороны, постоянное разделение этих теорий и методов на «отечественные» и «западные», на «свои» и «чужие», свидетельствует о доминировании советской академической системы или, как минимум, жесткого классического подхода.

Ставшее популярным в либеральном пространстве слово «феминизм» с самого начала вхождения в научный дискурс столкнулось с неоднозначной реакцией. Понятие не обсуждалось при должном уровне рефлексии и с академических позиций, а находилось и продолжает находиться в плену стереотипов обеих – консервативной и постмодернистской – традиций. Внутри многих отечественных организаций, как научных, так и общественных, поднимается вопрос не о самой теории или методологии феминистских и гендерных исследований, но о необходимости самого феминизма в России. Не о значении гендерных исследований и гендерной теории, но о желательности появления новых форм гендерной идентичности в стране. И, если ответ на два вышеупомянутых вопроса положителен, то дискуссия продолжается в границах обсуждения специфики формы его применения: поиска особого «специфического русского феминизма».

Одной из ключевых проблем, которые привели к текущему положению гендерных исследований, является соперничество между феминистскими исследованиями и гендерными. Нередок тезис, что возникновение гендерных академических программ не соотносится с общественными движениями: ведь есть сексуальные меньшинства, борющиеся за свое право на жизнь, этнические и женские движения, но как таковых нет гендерных. Хотя здесь стоило бы возразить: все квир-движения как раз основаны на требовании признания гендера как

категории, которая доминирует над полом и является более широкой. Тем не менее, основной аргумент представителей радикальной феминологии в том, что смысла в противопоставлении двух направлений нет, особенно там, «где мало ресурсов и так много предстоит сделать»¹. Феминистки не без повода понимают, что существует реальная опасность вытеснения женских проблем за границы гендерных исследований, которые поднимают вопросы более наукоемкие и актуальные.

С академической точки зрения понимание сути проблемы гендерными теоретиками и шире, и научнее, и релевантнее для собственно исторических исследований. Гендерные теоретики утверждают, что гендер – это не то, что есть у мужчин или женщин. Другими словами, ни мужчины, ни женщины на самом деле не обладают гендером как индивидуальным признаком; скорее они занимаются гендером (West and Zimmerman 1987²; см. также Connell 1987³). Более того, теоретики гендера полагают, что гендер создается во всех социальных взаимодействиях (как явных, так и нет) и, таким образом, нет социального контекста, будь то на микроуровне или на уровне институтов, который избегает гендерного измерения. Феминологи, продолжая спорить с биологическим детерминизмом, в любом случае используют категорию половых различий, пусть и исключительно как аллегория, в то время как гендерологи отвергают необходимость вообще утверждать миф о половых бинаризмах, чтобы понять субъективность женщин, что представляется более объективным для ретроспективного анализа.

¹ Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М., 2010. С. 11.

² См.: Zimmerman D.H., West C. Doing Gender //Gender and Society. 1987. Vol. 1. № 2. P. 125–151.

³ См.: Connell R.W. Gender and power: Society, the person, and sexual politics. Stanford, 1987.

Развитие феминологии и гендерологии в России в 1990-е гг. XX в. в ускоренном режиме повторяет все то, что на Западе (и в Европе, и в Америке) происходило начиная с 1960-х гг. Это наблюдение приближает нас к идее об универсальности проблем принятия и адаптации новых теоретико-методологических установок либерального направления внутри консервативного дискурса. Казалось бы, единство теории феминизма (довольно сомнительное в силу существования большого количество теорий и направлений) может создать прочное основание для взаимопонимания и даже некой солидарности женщин и ученых России и Европы, но практика общественной и научной жизни показывает, что дискурс о полах сопровождается многочисленными расхождениями и критическими разногласиями даже внутри культур. Те же проблемы, увы, наследует и гендерная теория, пусть и в меньшей степени, учитывая чуть более позднее проникновение в отечественное поле, когда многие западные установки уже были критически осознаны и подвергнуты проверке на исторических реалиях России.

Претензии многих российских исследовательниц к процессу механического заимствования феминистских понятий можно проследить в трудах таких авторов как Н.И. Абубикова и М.А. Регентова¹. Существующие публикации, работающие с теорией феминизма, показывают, что дискуссии относительно гендера, ведущиеся в Европе и в России, воспринимались в начальный период самим научным сообществом в ограниченном объеме. Это может быть связано с такими обстоятельствами как затрудненность языкового доступа (если в случае с американской и английской школами гендерных исследований коммуникация еще может быть выстроена, то в случае с французской и

¹ См.: *Абубикова Н.И., Регентова М.А.* Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин. Феминистская практика // *Феминистская теория и практика: Восток – Запад.* СПб., 1996.

немецкой гендерологией возникают проблемы), а также с материальными проблемами – отсутствием финансирования исследований отечественными организациями. Исследователи начинают работать с переведенными на русский язык теоретическими предпосылками, не проведя полноценное ознакомление с собственно исследовательскими работами зарубежных авторов. Эту особенность отмечает Г.И. Зверева в статье «Чужое, свое, другое...»¹, когда рассматривает специфику использования гендера в российском гуманитарном дискурсе постсоветского периода.

В продолжение идеи о затрудненной межкультурной коммуникации стоит отметить и отсутствие общей теоретической базы. «Нам не достает общего языка», как констатируют авторы сборника «Пол, гендер, культура»². «Договор о терминах» – этап, который должен предшествовать любому научному обсуждению, и именно потому выработка общего языка – одна из задач существующих совместных российско–западных проектов, дополняющая основную цель – критическое переосмысление западных положений о гендере и поле с позиции применимости их к российским реалиям, т.к. «теоретические основания феминизма разработаны с опорой на европейское буржуазное общество»³.

Сконцентрируемся на проблемах, возникающих в русскоязычном дискурсе. При выборе терминов, используемых в исследовании, важна позиция автора, концептуальные основы его работы, принимаемая теория. Например, авторы, которые настаивают на биологическом детерминизме

¹ См.: Зверева Г. «Чужое, свое, другое»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2003. С. 389.

² См.: Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. М., 2009. С. 15.

³ Hof R. Die Entwicklung der Gender Studies // Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hamund Bußmann und Renate Hof. F. Kroner Verlag Stuttgart, 1995. S. 31.

как основе дифференциации в общественных структурах, используют традиционный термин «пол». Это не значит, что в их работах нет понятия «гендер», но его использование редко и связано с культурными моделями, более того, важные для гендерологии языковые и когнитивные способности анализируются в некорректной их привязке к биологическому полу. Таким образом, употребление терминов и их (не)осознанный выбор могут стать поводом для анализа истинных предпочтений исследователя и его позиции. Использование термина «гендер» предполагает отрицание детерминизма, который существует при включении в текст термина «пол», причем, речь идет не только о детерминизме биологическом, но и социальном. Если исследователь настаивает на существовании исключительно двух – «мужского» и «женского» видения – это уже нарушает основы гендерного подхода, в котором гендер – категория приобретаемая и изменяемая, а не постоянная и постоянная.

Постулируемая в самом языке дифференциация между набором биологических признаков и социально конструируемой ролью позволяет выйти на понимание моделируемости стереотипов гендерного поведения. Отсутствие же до недавнего времени в обыденном знании и во вненаучном дискурсе в России такой категории как гендер приводит к невозможности полноценного научного осмысления процессов его конструирования. С 2018–2019 гг. в политике, культуре, СМИ и социальных сетях наблюдается резкий подъем интереса к теме гендера, хотя на уровне общественной дискуссии сохраняется полное непонимание наполнения и специфики термина и его проблемного поля удручающими. Гендер все еще остается чем-то абстрактным, находящимся в пространстве между биологическим полом и вторым, не до конца понятным, вариантом идентичности. Решение этой проблемы лежит в полноценной институционализации гендерных исследований, которая,

тем не менее, невозможна без предварительного согласования в академической среде. Еще одна проблема интеграции гендерных исследований в академическую среду лежит в пределах вопроса перевода безэквивалентной лексики – многие термины гендерной теории являются таковыми, а необходимость «калькирования»¹ приводит к возникновению посредников – переводчиков. Проблема возникает в тот момент, когда переводчик, доверяя научному статусу ученого, способствует распространению не словарного, а авторского видения терминологии: в таком случае, возникшие на начальном этапе ошибки и неточности с потрясающей скоростью распространяются в дискурсе и историографии. Попытки же русификации терминологии или заведомого упрощения приводят к приостановлению любой обратной связи, так как лишают исследование инновационности как минимум, и смысловой нагрузки как максимум.

Междисциплинарная сущность гендерологии и ее «актуальность» приводит к постоянному расширению круга читателей: ученые различных гуманитарных дисциплин, студенты и аспиранты, непрофессионалы. Здесь не могла не возникнуть проблема столкновения различного набора «базовых знаний». Для облегчения пути междисциплинарной коммуникации необходима единая, обоснованная и переработанная с учетом актуализации знания, теоретико-методологическая база, содержащая конкретные рекомендации в отношении того, что считать гендерным исследованием, какие конкретно методы использовать при работе с источником.

Еще одна причина затрудненной адаптации гендерологии возникает при соприкосновении теории с непосредственной практикой. Как уже было сказано, феминистская теория возникла из феминистского движения и была приспособлена изначально для решения практических проблем

¹ Носова Н., Хайдер К. Проблемы перевода // Пол. Гендер. Культура. М., 2003. С. 24.

узкого слоя женщин (белых, гетеросексуальных, среднего достатка), но в настоящий момент подобная постановка вопроса никак не может быть исчерпывающей¹. Создается впечатление, что несмотря на все попытки научного сообщества, невзирая на многоступенчатую эволюцию феминологии и гендерных исследований, эти труды остаются для большинства современных политических феминисток абсолютно далеким миром. Точек соприкосновения у участников теоретической дискуссии и практического «сражения» на поле битвы за права женщин почти нет.

Нельзя обойти стороной и такую классическую проблему затрудненного восприятия, как новизна отрасли. Тексты по гендерным исследованиям не только наполнены новой терминологией и методологией, весь пласт специфического гендерного знания в принципе является попыткой создания непатриархальной, новой науки, которая, вследствие этого, естественно натывается на дефицит молодых научных кадров в России.

В круг проблем, возникающих в обыденном дискурсе, но имеющих прямое отношение к развитию гендерных исследований, входит идеологическая сторона вопроса. Разница между отечественным феминизмом и американско-европейским течением уже велика в силу целого комплекса обстоятельств: политического строя, культурной парадигмы, периода формирования движения. Особенно стоит учесть тот факт, что западный феминизм с начала своего появления развивался в рамках идеологии новых левых 1960-х гг., имеющей ярко выраженную антикапиталистическую окраску. В текстах, посвященных гендеру, содержится явная критика буржуазных основ и консервативных конструктов, но это еще не значит, что сама гендерология носит просоциалистическую окраску. Скорее, наоборот, данное течение, если

¹ См.: *Weigt J. "I feel like it's a heavier burden...": The Gendered Contours of Heterosexual Partnering after Welfare Reform // Gender and Society. 2010. Vol. 24. № 5. P. 588.*

мы говорим о научном дискурсе, апеллирует к поиску иных, чем классовые, форм идентичности, к расширению поля исследований. Здесь же будет логичным назвать и различное наполнение самого понятия «пол» в западной и советской социологии. В СССР и России эта категория описывает не только биологическую привязанность к группе, но и социальную; пол не воспринимается как единственно демографический показатель, но как элемент социальной структуры. В таком случае, ироничное отношение социологов к зарубежным дискуссиям 1970-х гг. по поводу подчиненного положения женщин, «сексуальной власти» мужчин над женщинами вполне понятно. Если в поле зрения западных исследователей эти две категории попадали отдельно друг от друга, то в России вопросы сексуальных отношений активно в проблему не интегрировалась, так как подобная тема в силу российского менталитета вряд ли могла рассчитывать на массовое одобрение¹. Стоит отметить, что при всем принципе социального детерминизма – основном принципе социологического анализа в советском научном поле – рассматривать женщин как крупную и самостоятельную социально-демографическую единицу со своей моделью поведения, типом мышления и прочим, активно никто не планировал.

Обратившись к культурной парадигме и обыденному знанию, стоит также назвать в качестве весомого аргумента специфики гендерных исследований в России специфическую отечественную гендерную мифологию. В ее пространстве (sic!) женщин никто и никогда не угнетал, а само понятие «гендер» кажется придуманным и чуждым. К примеру, существующая в России культурная традиция предполагает наделение Родины женственными чертами, а русскому народу в целом –

¹ См.: *Силласте Г.Г.* Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 78.

приписывание свойств, стереотипно считающихся женскими¹. На уровне массового сознания этот тезис воспринимается нашими соотечественниками вполне адекватно, будучи подкрепленным массовой культурой и популяризацией таких образов как Родина-Мать, Матушка-Русь. Николай Бердяев в 1918 г. размышляет о том, что вся история русской философии, начиная со славянофилов, несмотря на все признание вторичности женского по отношению к мужскому, и заканчивая Розановым, проникнута идеей женственности². Первая мировая война и Революция, по мнению мыслителя, должны были переставить акценты, заставив выработать в ментальности русского народа другие паттерны, но его прогноз не оправдался, и уже в Советском Союзе образ русской женщины вновь вышел на сцену. Открытое противодействие этой идее вечной миролюбивости русских появилось только после распада СССР. Последствия этого мифотворчества нового поколения мы наблюдаем сейчас, когда на уровень мировой популяризации выходят образы агрессивные и воинственные и, тем не менее, однозначно ностальгирующие по периодам сильной власти – СССР, Российская империя. В 1990-е гг. в общегосударственном масштабе появилась потребность в смене гендерной идентичности России. Речь именно не о поле, но о наборе конкретных определений и моделей поведения – о социокультурных моделях. В ранг общенациональной идеи возводятся маскулинность и сопутствующие ей свойства – «твердость», «воинственность», «жесткость» и «сильная Россия». И несмотря на то, что эта тенденция молода, и принадлежит довольно узкому политическому кругу, она находит своих последователей. Все это не может отразиться на самом восприятии предметной повестки гендерных и женских

¹ См.: *Рябов О.В.* «Матушка-Русь». Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2011.

² См.: *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.

исследований. Но стоит отметить, что маскулинизм угрожает не только женщине. Феминизм в широких кругах воспринимается как женское движение, и даже многие его последовательницы воспринимают течение как борьбу против мужского господства. К сожалению, подобное восприятие лишь подчеркивает низкий уровень информированности и понимания основ философии феминного и гендерного движений в обоих: научном и обыденном знаниях. На самом деле ситуация куда более сложна: требуется не изменить положение слагаемых в иерархии – мужское господство заменить на женское, но вмешаться в легитимность самого гендерного принципа иерархии.

Итак, как мы можем видеть, развитие Gender Studies в России шло и продолжает идти в условиях специфических, характеризуемых множественными теоретическими и культурными противоречиями, в которые входит отечественный научный дискурс с зарубежными разработками и философией. Ставя перед собой цель развития гендерологии и популяризации результатов исторических исследований в рамках экспертизы и социального проектирования, необходимо учитывать все барьеры, возникающие вследствие каждого из названных в статье затруднений, проводя работу с каждым элементом отдельно и комплексно.

Историография как коммуникативный проект

В последней трети XX в. в методологии исторического знания наступил затяжной эпистемологический кризис, поставивший под сомнение доступность и неизменность прошлого, что подорвало способность историков определять себя во времени.

Истоки этого кризиса глубоки и сложны и связаны не столько с кризисом исторической науки, сколько с кризисом человеческого общества XX в. Постмодернизм стал своеобразным вызовом основам современного мира, а история как одна из главных объяснительных систем, организующих общество, как наука о жизни, подверглась его атаке одной из первых. Историю обвинили в схоластике, ей перестали доверять, и престиж профессиональной корпорации историков в конце XX в. по сравнению с его началом резко упал.

Какие же трудности испытывает сегодня история как наука? Прежде всего, оказался размытым единый научный исторический метаязык. Историческая наука рассыпалась на разные отрасли, представители которых утратили представление о своем месте в общем труде. А это приводит к тому, что «территория истории» все более поглощается другими науками. Самый впечатляющий пример – вторжение математических наук в историю. Они быстро стали играть ведущую роль в некоторых отраслях исторического знания, создавая очередную греющую душу иллюзию «точного и объективного научного знания», вылившуюся в сомнительное утверждение, что с научной точки зрения существует только количественная социальная история. Несмотря на призывы гуманитариев, что «считать, конечно, надо. Но прежде

¹ Иллерицкая Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

хорошо бы понять, что мы будем считать»¹, количественные методы исследования претендуют на то, что без них ни один исторический труд не может рассматриваться как научный. Они обрели прочные позиции в социальной и экономической истории и начинают укореняться в источниковедении, текстологии, истории повседневности.

Все это привело к тому, что историческое сообщество заняло следующую позицию: историки, придерживающиеся традиционного исторического познания, пытаются «выпихнуть» все новации в другие гуманитарные науки, объявляя их «неисторическими». Представители современных подходов считают традиционных историков «поставщиками архивов, работающими во имя грызущей критики мышей» (К. Маркс).

В этих условиях доминирующим направлением в современной российской исторической науке все еще остается исторический позитивизм, воплотившийся в реконструктивистском историографическом проекте, который апеллирует к традициям эмпиризма XIX в. Современные позитивисты строят историческое объяснение вокруг свидетельств, придерживаясь веры в происхождение исторических знаний из доступного исторического опыта. Они утверждают, что историческое познание может быть объективным благодаря пристальному и кропотливому изучению источников. При этом они убеждены, что историк способен реконструировать прошлое, установить истину и подлинные факты. Поэтому у позитивистов большую популярность приобрела идея эпистемологической купюры, суть которой в том, что недостатки исторических трудов порождены внешней конъюнктурой, т.е. причины пороков историографии коренятся в презентизме².

¹ *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2001. С. 66–67.

² Там же. С. 219.

Однако в XX столетии историописание претерпело существенные изменения, которые переформатировали базовые аксиомы ремесла историка. Радикально переосмыслены статус прошлого, значение архива, источника и роль историка, обновилась представления о масштабе анализа в историческом поиске, впервые историки задумались о текстуальном измерении (письме) исторической науки, яснее стала гипотетичность любой трактовки явлений прошлого и потенциальный характер целостности истории. Эти идеи почти одновременно появились в разных странах: во Франции, Англии, Германии, России, Италии, США.

В начале XXI в. в условиях России, с ее особенностью так называемого «отложенного восприятия» в культуре интеллектуального заимствования, был воспринят конструктивистский проект в историографии. В европейском интеллектуализме этот проект условно ведет свое начало с основания журнала «Анналы» во Франции. Смысл конструктивистского проекта заключался в обращении к общим законам исторического объяснения. Конструктивисты считают возможным прилагать модели-конструкты к эмпирическому материалу источников, выстраивая генерализации и типизации. Конструирование – это сложный процесс, результатом которого является построение мысленного образа, картины мира, адекватной действительности. Для историков это означает работу по созданию образа прошлой человеческой деятельности. Конструктивисты отказывают себе в возможности исследовать историческую реальность, но оставляют за собой право конструировать ее с помощью дошедших до нас источников и силой собственного воображения. Конструктивисты отдают себе отчет во «внешности» своих теорий по отношению к эмпирическому материалу, но считают, что историческая работа – это всегда интеллектуальное конструирование¹.

¹ См.: *Munslow A. Deconstructing History. L. and N.Y., 2003. P. 48–55.*

Именно в пределах конструктивистского историографического проекта, как мне представляется, в российской историографии была сделана попытка применить антропологический подход к историко-научной проблематике. Согласно ему предметом истории науки становится научный быт. Исследователей интересует уклад жизни ученых, совокупность обычаев, привычек и нравов. Историографы выделили ученых-историков и ввели в научный оборот новый термин – «историографический быт», который включает в себя внутренний мир науки, неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, являющиеся важными структурными элементами сообщества ученых. Введение этого понятия позволяет реконструировать научную повседневность и расширить проблематику историографических исследований, в частности – обратиться к изучению субъективного фактора в развитии науки. Историографы начали исследовать индивидуальность историка, ее влияние на развитие исторической мысли. Параллельно идет поиск образа русского ученого, ценностных ориентаций историков. Особое внимание привлекают и коммуникации русских историков – причем особый акцент делается на способах коммуникации. Здесь объектом исследования становятся кружки, салоны, журфиксы и другие неформальные объединения ученых. «Кружковая» организация повседневности создавала и воспроизводила стереотипы, которыми жили русские ученые.

Таким образом, антропологический подход способствует изменению акцентировки исследовательской проблематики: историографы переключились на анализ творческой личности историка,

его исследовательской лаборатории, что позволило, по их мнению, по-новому взглянуть на раскрытие смысла исторических концепций¹.

Тем не менее, утверждение о качественной новизне антропологического подхода в историографии представляется сомнительным.

Дело в том, что все, о чем мы рассуждаем как о новациях современности, складывалось практически на протяжении всего XX века и, так или иначе, было известно. Анализ процессов, происходящих в социальных науках в XX в. убеждает, что «лингвистический поворот» 1970-х годов – это последний всплеск формирующейся еще с начала XX в. лингвистической парадигмы в гуманитарном знании². Прагматический поворот, связанный с переосмыслением практик (имевший вполне определенное значение в марксизме), также наметился в межвоенный период XX в. Интерес к субъекту периодически то усиливается, то ослабевает в гуманитарном знании. Да и основы теории исторического познания, то, что французы в начале XX в. нарекли эпистемологией, были сформулированы еще в середине века XIX³.

Что касается отечественной историографии, то большинство элементов, из которых сейчас составляется «историографический быт», были сконструированы такими историографами советского периода, как М.В. Нечкина и Л.В. Черепнин, и давно применяются нашими исследователями. Поэтому современный отечественный вариант антропологически ориентированной историографии не представляется чем-то принципиально новым для современной историографической ситуации. Он полностью укладывается в традиционный концепт «истории исторической науки». Кроме того, антропологическая версия

¹ Подробнее см.: *Мамонтова М.А.* Антропологические поиски в современной отечественной историографии // *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы.* М., 2005. С. 151–154.

² См.: *Копосов Н.Е.* Замкнутая вселенная символов / *Хватит убивать кошек!* М., 2005.

³ См.: *Дройзен Й.Г.* *Историка.* СПб., 2004 (первая нем. публикация 1858 г.).

историографии исходит из постулата «двойной прозрачности» историографического источника, а это означает, что антропологическая версия историографии продолжает оставаться в поле модернистской науки.

Борьба с выводным знанием в гуманитаристике последней трети XX в. привела к большим переменам в исторической науке. Историки наконец осознали глубокую теоретичность своего ремесла. Утвердилось представление, что если XIX в. прошел при доминировании источниковедения в историческом знании, то XX в. ознаменовался первенством историографии. Историография была тем локомотивом, который тянул за собой весь разнокалиберный состав исторической науки. Поэтому справедливо заметил Ф. Анкерсмит: «Ясно и имплицитно формулировать общие правила, в соответствии с которыми должны быть сделаны решающие соображения в историографических дебатах – это задача не философов истории, а историков»¹.

Процесс развития российской историографии к концу 90-х гг. XX в. переопределил историческую науку как открытую плюралистическую систему, бытующую в полифоническом пространстве и демонстрирующую ряд качественных изменений: обращение к опыту современной зарубежной и дореволюционной немарксистской историографии, локализации профессиональной корпорации вокруг различных историографических традиций, в результате чего появился феномен саморефлексии.

С этих позиций особое значение приобретает осмысления места в современной российской историографии интеллектуальной истории – самого амбициозного, по мнению Л.П. Репиной, проекта XX в. Автор подчеркивает, что интеллектуальная история представляет собой один из вариантов преодоления перегибов постмодернизма, главный вызов

¹ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 216.

которого направлен на представление об исторической реальности и, следовательно, на объект исторического познания. Л.П. Репина констатирует глубокое внутреннее размежевание исторического сообщества, в котором сформировались три основные позиции: научно-объективистская, лингвистическая и «средняя позиция», которая закрепила новое соотношение сил в проблемно-концептуальной области историознания, задавая, таким образом, модель всей российской исторической науке¹.

Смысл «средней позиции» заключается в использовании результатов лингвистического поворота для выдвижения на авансцену проблемы дискурсивных практик историка. «Средней позиции» придерживается новая интеллектуальная история, поэтому это течение, по мысли Л.П. Репиной, является наиболее перспективным в современной историографии. К этой оценке могут быть подтянуты и иные характеристики современного состояния историознания, например, «сбалансированная оценка» (характеристика В.В. Согринным методологического опыта Б.Г. Могильницкого)².

В этом контексте первенствующее значение приобретает необходимость выработки современного определения предмета историографии, этой важнейшей методологической категории, конструирующей все содержание общей историографии как самоценной исторической дисциплины, от которой зависят границы ее проблемных полей и исследовательская культура.

В наследство от периода советской исторической науки мы получили понимание историографии как специальной отрасли

¹ См.: Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории// Одиссей. М., 1996. С. 25–38.

² Подробнее см.: Бухараев В.М., Мягков Г.П. По обе стороны от «средней позиции»: что же дальше, историческое познание? // Методологический синтез... С. 52.

исторического знания, значение которой постоянно возрастало. Внимание к определению предмета историографии было привлечено во введении к первому тому «Очерков истории исторической науки в СССР» (1955) и в курсе лекций Л.В. Черепнина «Русская историография до XIX века» (1957). В этих трудах была дана развернутая характеристика предмета историографии: 1) изучение процесса накопления знаний о человеческом обществе; 2) история введения в оборот ранее неизвестных историографических источников и историографических памятников; 3) история борьбы различных течений в исторической науке, классовая обусловленность теории исторического процесса¹.

Такое понимание алгоритма историографии было закреплено выходом в свет первого учебника по историографии «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», подготовка которого полностью была заслугой коллектива Историко-архивного института².

В 60-е же годы стало распространяться более широкое понимание истории исторической науки. Так, А.Л. Шапиро сформулировал следующую дефиницию: «История всякой науки – это прежде всего новые научные открытия и их внедрение в жизнь и практику»³. Эта позиция нашла своих сторонников, и расширенное понимание историографии вошло в историографический оборот. Теоретическое обоснование такого подхода предложил Л.В. Черепнин: «Было время, когда предметом историографии считались лишь труды так называемых академических историков, т. е. специалистов-профессионалов... Но этот

¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 7–9; Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 4–5.

² См.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1971. С. 3.

³ Шапиро А.Л. Некоторые замечания о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 81.

этап уже пройден нашей отечественной историографией... Историческая литература далеко выходит за рамки так называемой академической науки, но именно она-то и прокладывает новые пути в понимании исторического развития...»¹.

Таким образом, эволюция понимания предмета историографии в советской исторической литературе шла в направлении от сведения историографии к разновидности истории общественно-политической мысли до самого широкого охвата всех возможных произведений на историческую тему; от историографии – истории исторической мысли к историографии – истории исторической науки и, далее, к историографии – истории исторических знаний. В результате эта конфигурация оказалась чрезвычайно перегруженной, рыхлой, а когда к ней, с легкой руки специалистов по советскому периоду, прибавился еще и научно-организационный аспект, то горизонты историографических штудий раздвинулись до неоправданных размеров. И понимание этого присутствовало: не случайно раздавались предложения выделить собственно «историографию» как анализ исследовательской литературы по проблеме из истории исторической науки (А.М. Сахаров). В 80-е годы дискуссия о предмете историографии постепенно сошла на нет, так и не предложив единого понимания вопроса. Современные историографы видимых усилий в этом направлении не прилагают: одни из них по умолчанию исходят из советской интерпретации предмета историографии, другие, тоже по умолчанию, рассматривают историографию как часть интеллектуальной истории.

В начале третьего тысячелетия профессиональное историческое сообщество ищет способы легитимации собственной познавательной деятельности. Об этом свидетельствуют историографические труды нового типа, в которых анализируются теоретические проблемы

¹ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 3.

исторического исследования. В лучших своих работах историки демонстрируют эвристические возможности нового понимания соотношения теории и практики историописания. Историография оказалась поколеблена релятивизацией истины и идеей предпосылочного характера всякого научного писания. В то время вполне можно было предположить превращение истории в составную часть культурологического комплекса дисциплин. Этого не произошло, благодаря не только непоколебимости историков, ведущих новые бои за историю. Дело в том, что структура современного социального бытия все еще нуждается и долго будет нуждаться в оправдывающей и объяснительной функциях истории.

В настоящее время стало очевидным, что единственным критерием современного восприятия исторического может быть признание его разнообразия. В историко-философской литературе обосновывается плодотворная мысль о том, что для выражения многомерности состояний социальной реальности в терминах различных методологий целесообразно утвердить концепт «историчность»¹. Это будет означать введение в дополнение к линейному времени (классическая рациональность) событийного (неклассическая рациональность) и презентативного (постнеклассическая рациональность) времени. Положенные в основу описания социальной реальности новые временные характеристики предлагают различные трактовки истории. В классической рациональности история представлена как последовательная смена состояний с выраженной зависимостью последующего состояния от предыдущего (принцип детерменизма). Такое понимание истории фиксируется в теориях классического образца,

¹ См.: *Зубкова И.Л.* Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций / Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2005. С. 57–65.

носящих завершенный характер. В неклассической рациональности социум трактуется как открытая система и история мыслится вариативно. В постнеклассической рациональности история распространяется на сферу бытия мысли, где речь идет о смыслообразующем ее содержании. Все это обосновывает многообразие теоретических подходов в исторических исследованиях.

Все эти теоретические новации имеют важные последствия для историографии. Историография превращается в основную форму коммуникации в исторической науке. Хотя отношения с другими социальными науками в разные периоды складывались неоднозначно, представители историографии всегда верили в общее коммуникативное пространство общественных наук. Эта вера сохраняется и сегодня. Поубавилось только восторгов по поводу неограниченных возможностей универсальных законов, исторического синтеза, математических методов и т.п. Изменилось представление о характере нашего знания о прошлом. Да и само прошлое теперь уже не то, что было на самом деле, и даже не реконструкция, а образ, репрезентация или конструкция. Многократно увеличилось количество тем и сюжетов, интересных и доступных для историков. И хотя междисциплинарное взаимодействие не является односторонним – исторический подход сохраняется как общенаучный метод, – именно история по-прежнему является главной дисциплиной, создающей научное знание о прошлом.

Ситуация кризиса часто воспринимается драматически, и совершенно зря. Оптимизм и уверенность в состоятельности исторического познания произрастает на кризисах историографии, которые являются необходимыми моментами в перманентном обновлении исторической мысли, которое надо понимать как атрибутивное свойство ее научности.

**Современные тенденции исторического знания
в деятельности военно-исторических музеев**

30 октября 2018 г. на пленарном заседании проходившей в стенах РГГУ конференции «Мировые тренды и музейная практика России» проректором университета О.В. Павленко было отмечено, что на современном этапе естественные науки и дисциплины имеют куда больший статус в научной сфере, нежели социально-гуманитарное знание. В связи с этим такой социальный институт как музей, формирующий коллективную память современного общества, по мнению О.В. Павленко, может служить одним из рычагов утверждения антропологической составляющей и способствовать сокращению существующей дистанции между естественными науками и науками о человеке.

Безусловно, музей является важным средством не только в области передачи исторической памяти, но и укрепления в рамках социума определенных норм и правил². В то же время данный социальный институт обладает целым рядом других функций, которые можно свести к трем основным пунктам: 1) сохранение, актуализация и трансляция культурного наследия; 2) организация досуга; 3) обеспечение образовательной составляющей.

Здесь, однако, возникает вопрос: каким образом музей при всем вышеперечисленном может способствовать укреплению в обществе наук

¹ Медведев Константин Александрович – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ; научный сотрудник ЦМВС МО РФ.

² См.: Колесникова А.Г. Роль музея в формировании исторического сознания россиян // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 55.

о человеке? Давая на него ответ, нельзя обойти вниманием взаимодействие музейного дела с исторической наукой.

История является, пожалуй, одной из самых главных жертв эпистемологической трансформации XX столетия. Не раз теряя статус научного знания, муза Клио не только смогла выстоять под напором научных революций, но в непростых «боях» открыть новые сферы исследования прошлой социальной реальности. Появившись почти одновременно в разных странах, новые идеи исторической науки наметили горизонты антропологически ориентированной истории¹. В центр внимания исследователей был поставлен человек, а его изучение было тесно связано с междисциплинарной составляющей.

Историческая наука является прекрасным фундаментом для любой из социально-гуманитарных дисциплин. В контексте взаимодействия с музейным делом история может оказывать неоценимую помощь в процессе трансляции культурного наследия, а также формирования коллективной памяти общества, тем самым укрепляя статус наук о человеке. Но еще более интересно, каким образом в музейном деле может проявляться антропологическая составляющая исторического знания. В этой связи представляется весьма любопытным, какие направления современной исторической науки могут быть полезны в рамках деятельности музеев военно-исторического профиля.

Не будет преувеличением сказать, что военно-исторические музеи входят в когорту тех учреждений культуры, что проводят наиболее плодотворную работу в области конструирования исторической памяти. И дело здесь не только в весьма «чувствительных» вопросах, которые нередко поднимаются специалистами в этой области. Коммеморативная

¹ См.: *Иллерицкая Н.В.* Историография как коммуникативный проект // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2007. № 1. С. 175.

практика, применяющаяся в российской действительности, напрямую связана с отечественной военной историей. Ярким примером тому могут служить государственные праздники, которые зачастую связаны с прошлым отечественных Вооруженных Сил. В этой связи работа военно-исторических музеев является важным звеном разветвленной системы по конструированию исторической памяти, а сама история способствует не только формированию новых социально-ориентированных сюжетов, но и их раскрытию с новых позиций.

Между тем сюжеты военно-исторического характера даже на современном этапе с большими трудностями впитывают в себя новые тенденции научного знания, оставаясь в русле традиционной позитивистской методологии. По мнению Н.В. Иллерицкой, исторический позитивизм по-прежнему остается доминирующим направлением российской исторической науки. Позитивисты убеждены в том, что историк способен реконструировать прошлое, установить истину и подлинные факты¹. Особенно явно это можно видеть на примере военной истории. Весьма специфический предмет изучения, который в значительной мере подвержен влиянию субъективных факторов, вынуждает исследователей идти в процессе познания не интенсивным, а экстенсивным путем. Вместо привлечения новых методов исследования военно-историческая наука предпочитает углубляться в поиск новых источников и выстраивать очередные «простые схемы» в качестве альтернативы уже изученным сюжетам. Как результат можно видеть пересмотр итогов сражений или переподсчеты количества войск накануне боевых действий, которые совершенно незначительно влияют на ход конструирования прошлой социальной реальности.

В то же время особенность современного музееведения заключается в активном привлечении междисциплинарной составляющей,

¹ Там же. С. 172.

позволяющей музею развиваться в качестве культурной формы¹. Для успешного функционирования музеев военно-исторического профиля необходимо использование тех направлений исторической науки, которые успешно заимствуют подходы и методы иных дисциплин. Примером тому может служить военно-историческая антропология.

Согласно одному из ведущих представителей данного направления – Е.С. Сенявской, военно-историческая антропология является ответом на проблему отсутствия системности в военно-исторических исследованиях, касающихся «человеческого измерения» войн и вооруженных конфликтов². Военная антропология интегрирует достижения, предметные области и исследовательский инструментарий других наук, которые изучают человека в условиях военной деятельности: психологии, социологии, педагогики, медицины и т.д.³.

Однако здесь возникает новый вопрос: каким образом знание о человеке может быть использовано в рамках музейной работы? Учитывая то, что тематика музеев обычно коррелируется с традиционной историографией, направленной на освещение конкретного события военной истории.

Как правило, отечественные военно-исторические музеи представляют историю крупных военных конфликтов (Великая Отечественная война, Первая мировая война, Отечественная война 1812 г.), конкретных видов и родов войск (артиллерийские войска, ВМФ и др.), либо значимых битв и сражений (Сталинградская битва, Куликовская битва и др.). При этом основным и практически неизменным элементом

¹ См.: *Смирнова Э.В.* Трансформация функций музея в современном социокультурном пространстве // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2014. № 2. С. 86.

² См.: *Сенявская Е.С.* «Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли (по итогам первого пятнадцатилетия XXI в.)» // История и историки 2013-2014: историографический вестник. М., 2015. С. 89.

³ Там же. С. 99.

любой военно-исторической экспозиции остается оружие ¹, захватывающее внимание посетителей. Антропологическая составляющая здесь теряется, уступая место все тому же стандартному позитивистскому знанию. Не человек, а представленный в экспозиции артефакт реконструируется сотрудниками музея со всех сторон.

Некоторые военно-исторические музеи выходят из сложившегося положения радикальным путем. Примером тому является Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Экспозиция музея, деятельность его сотрудников направлены на передачу посетителям знания путем реконструкции объектов прошлого (например, воссоздание части Рейхстага или обычного берлинского дома, в стенах которого вели бои воины Красной Армии), а также использования различных визуальных эффектов. Традиционная экспозиция, где главным объектом внимания является артефакт, заменяется мультимедийной составляющей. Прошлое передается с помощью текстовых данных или многочисленного видеоряда, который включает и игру актеров, рассказывающих о жизни на войне, о переживаниях участников боевых действий. События 1941–1945 гг., таким образом, раскрываются с новых позиций, включающих в себя и человеческую составляющую.

Важно, однако, понимать, что военно-историческая антропология все же концентрирует свое внимание на психологическом аспекте прошлого. Память о войне, ее восприятие участниками, безусловно, являются важными моментами в понимании военной истории. Тем не менее ряд других направлений современного научного знания может принести куда большую пользу в процессе организации музейного дела. В первую очередь важно сказать несколько слов об истории повседневности.

¹ См.: *Кудрец А.В.* Музеи Великой войны: проекты и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3. С. 83.

Экспозиция практически любого военно-исторического музея содержит информацию о специфике военного быта. Одежда, питание, предметы личной гигиены, реконструкция походной жизни все больше привлекают посетителей, поскольку позволяют сформировать определенный образ, рассказ о военной действительности. Однако было бы ошибкой сводить историю повседневности к истории быта. Краеугольным камнем данного направления, согласно А. Людтке, является обращение к «истории снизу» в противовес «великим людям», как главным действующим лицам в историческом процессе¹. Повседневная жизнь простых людей, включая не только солдат и офицеров, но и гражданское население, в период боевых действий – вот те аспекты, которые получили освещение в экспозиции военных музеев. Интерес к уникальному, редкому экспонату отчасти уступил место экспонату типичному.

Музеи, таким образом, пытаются продемонстрировать, что говорит о войне простой человек. Так, в стенах Государственного музея обороны Москвы экспозиция демонстрирует письма участников боев за столицу. Внимание концентрируется не на известных героях войны, а на повседневности простого солдата Красной Армии. Жизнь на линии фронта, будни осажденного москвича, культурная жизнь столицы прекрасно дополняют экспозицию, рассказывающую о противостоянии Красной Армии и вермахта. Главной задачей сотрудников музея становится поместить посетителей в среду фронтовой Москвы, транслировать информацию о типичном дне Москвича 1941–1942 гг. В связи с тем, что военные музеи все больше стремятся к широкой подаче материала и представлению войны как комплексного явления², методы

¹ См.: Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 53.

² См.: Кудрец А.С. Указ. Соч. С. 84.

истории повседневности прекрасно дополняют основные аспекты современной музейной работы.

История повседневности имеет тесное соприкосновение с еще одним направлением, получившим распространение во второй половине XX в. – устной историей. Задача данного направления состоит в изучении прошлого преимущественно на источниках устного происхождения¹. В этой связи деятельность музеев военно-исторического профиля является особо примечательной, поскольку музей является учреждением, которое аккумулирует устные свидетельства. Во многом данный момент вызван регулярным взаимодействием военных музеев с представителями Вооруженных Сил. Полученная информация может быть использована как в музейной работе, так и в рамках исторических исследований.

Несмотря на определенную популярность «истории снизу», великие сюжеты и великие люди продолжают оставаться в центре внимания общественности. Биография полководцев, героев, государственных деятелей по-прежнему занимает важное место в экспозиции многих военно-исторических музеев. Привлекательность биографического жанра, как известно, опирается на устойчивый интерес общественности к жизни других людей². В то же время рассказ о жизни человека на данном этапе вовсе не должен замыкаться на конкретной персоналии. История конкретной личности может служить основанием для раскрытия других военно-исторических сюжетов. В частности, экспозиция Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, содержащая информацию о героях различных войн, может стать прекрасным фундаментом для раскрытия контекста эпохи, а также понимания того, насколько уникальной является та или иная личность для своего времени.

¹ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 503.

² См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011. С. 287.

Наконец, еще одним направлением исторической науки, которое может быть использовано в рамках деятельности военно-исторических музеев, является региональная история. Впрочем, в данном случае региональный аспект, как правило, используется для выделения уникальности того или иного пространства, нежели укрепления антропологической составляющей в рамках музейной работы. В качестве примера регионального военно-исторического музея можно привести Ржевский краеведческий музей, рассказывающий о боях 1942–1943 гг.

Таким образом, музейное дело является важным элементом укрепления знания о человеке. В то же время передача посетителям знания об антропологической составляющей во многом зависит от навыков и возможностей самих музейных работников. Дело в том, что сама экспозиция далеко не всегда дает необходимую информацию о прошлом. Задача музееведов заключается в том, чтобы соединить разрозненные элементы в единый рассказ, раскрывающий типичные и уникальные моменты военной истории. Зачастую привычная музейная работа в рамках экспозиции на данном этапе дополняется курсом лекций, а также занятиями и мастер-классами. В связи с этим для работников военно-исторических музеев крайне важно быть в курсе современных тенденций в исторической науке.

Немаловажным является и тот факт, что в процессе передачи культурного наследия традиционный монолог музейного сотрудника с посетителем все больше уступает место диалогу¹. Коммуникация во многом помогает музееведам понимать запросы общества и давать на них впоследствии конструктивные ответы. Данный момент является особенно важным в текущих условиях, когда понятие «исторической истины» во многом обуславливается общественными ценностями, а музейная работа в результате этого подвергается существенной трансформации.

¹ См.: Смирнова Э.В. Указ. соч. С. 87.

Интеллектуальная биография в отечественной историографии: проблемы научной коммуникации

Взаимодействие ученых между собой в рамках одной дисциплины является основной проблемой в понимании схоларного подхода к истории науки. Особую актуальность этот вопрос приобретает при определении теоретико-методологических контуров молодых областей исторического знания, в которых рефлексия о методах, как правило, отстает от исследовательской практики. В качестве примера можно привести интеллектуальную биографию, институциональное оформление которой приходится на начало 2000-х годов.

Научная биография в широком её понимании долгое время находилась на периферии отечественной историографии. Естественный читательский интерес к жизнеописаниям великих деятелей прошлого привел к тому, что данный вид исследований даже в начале XX в. существовал в рамках романтической культуры историописания. Так, например, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1891) дается следующее определение: биография как произведение научное не ограничивается «изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе»².

¹ Морозов Дмитрий Владимирович – магистрант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

² *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2010. С. 39.

Попытки некоторых гуманитариев в 1920-х годах осмыслить теоретико-методологические основы дисциплины были прерваны с приходом в историческую науку марксистской методологии познания. Своеобразным образцом марксистской биографии можно считать работу Е.В. Тарле, посвященную Шарлю Талейрану – французскому политическому деятелю конца XVIII – начала XIX века. Герой биографии интересен историку, прежде всего, как представитель буржуазии, действовавший в интересах исключительно своего класса и выполнявший прогрессивный «социальный заказ»¹. Образ Талейрана на протяжении всего труда остается статичным и неизменным, так как в центре внимания находится не сам человек, а анализ исторической значимости его поступков. «Иной раз даже трудно бывает провести четкую разграничительную линию между собственно биографией и обширными социальной, военной, политической областями, в которых живет и действует личность»² – одобрительно пишет В.В. Баженов о методике своего коллеги. Интересен и подход к работе с источниками личного происхождения. Комментируя мемуары Талейрана, Е.В. Тарле отмечает, что «с чисто биографической стороны, в точном смысле слова, эти пять томов особого интереса для нас не представляют»³, так как они в большинстве своем необъективны: «автор мемуаров о многом предпочитает вовсе не говорить, а о многом говорит не то, и не так как было»⁴.

В 1970–80-х годах ослабление идеологического контроля, рост интереса к психологии и усталость от исторического материализма привели к тому, что прежняя стратегия написания научных биографий

¹ Тарле Е.В. Собрание сочинений. М., 1961. Т. 11. С. 16.

² Баженов В.В. Биографический метод в научном творчестве академика Е.В. Тарле // История и историки. М., 1973. С. 295.

³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 186.

⁴ Там же. С. 189.

перестала удовлетворять некоторых историков. Марксизм стал латентно критиковаться за чрезмерное внимание к социальному происхождению человека: «Такой взгляд часто не позволяет объяснить, почему при сходных, казалось бы, внешних обстоятельствах, например, одних Муравьевых "вешают", другие же Муравьевы сами "вешают"»¹. Появляется представление о динамике сознания человека: «Верность идеалам от юности до старости, которую мы наблюдаем у многих исторических лиц, также не должна рассматриваться как первоначально заданная, постоянная в изучаемом характере»². Непременным элементом работы над исторической биографией впервые за несколько десятилетий провозглашался «длительный процесс вживания в образ»³. Ученые начали изучать социально-культурный контекст и привлекать источники личного происхождения с целью исследования творческого пути своих персонажей. Например, М.В. Нечкина в своей монографии, посвященной творческому пути В.О. Ключевского, критикует своих предшественников, создававших формальные биографические очерки, дополненные характеристикой основных трудов без «связи с автором, с его жизнью, эпохой, развитием науки»⁴. «Я предпочла другую структуру: историческое развитие творческих процессов, взаимосвязанных с его временем и с вплетающимся в них биографическим потоком событий. Жизнь историка и создание им научных трудов должны на фоне эпохи и в тесной связи с ней пройти перед нами этап за этапом»⁵.

К сожалению, процессы, произошедшие в исторической науке в 1990-х годах, не привели к пересмотру статуса научной биографии. Он

¹ Эйдельман Н.Я. Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX в.) // История СССР. 1970. № 4. С. 22.

² Там же. С. 21–22.

³ Биография как историческое исследование: мат. конференции, состоявшейся в редакции журнала // История СССР. 1970. № 4. С. 235.

⁴ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 53.

⁵ Там же.

по-прежнему оставался периферийным. Перестройка, с одной стороны, действительно несла в себе положительный заряд для исторического сообщества, сняв существовавшие теоретико-методологические ограничения. Свой расцвет получила биографика – новая «старая» дисциплина, зародившаяся в 1920-х годах. В рамках неё гуманитарии обратили свое внимание на философские, историко-культурные, литературоведческие и источниковедческие проблемы биографического исследования.

Но, с другой стороны, Перестройка привела к возникновению «синдрома самобичевания и покаяния» в среде интеллектуалов и появлению мифологемы «об отсутствии "истории в лицах" в СССР»¹. Советская историческая наука была охарактеризована как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»². Сказались и настроения самих ученых-профессионалов, оказавшихся психологически уязвимыми перед кажущимися представлениями об отсталости и провинциальности отечественной науки³. Все это привело к тому, что опыт предшествующей научной биографии, как это будет рассмотрено далее, был практически полностью проигнорирован постсоветской историографией.

В этих условиях большое влияние на развитие данного вида исследований оказали актуальные направления западной историографии – микроистория и интеллектуальная история. Усталость историков-антропологов от культурологического, обобщенного облика человека

¹ *Попова Т.Н.* Историография в человеческом измерении // *Історіографічні дослідження в Україні.* 2012. Вып. 22. С. 275.

² *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // *Советская историография* Серия: Россия XX век. М., 1996. С. 38.

³ См.: *Могильницкий Б.Г.* Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // *Новая и новейшая история.* 1993. № 3. С. 17.

привела к переносу акцента в исследованиях с изучения коллективных представлений на то, как преломляются последние в сознании отдельного человека. Сначала для решения этой задачи историки обратились к изучению малых объектов (деревня, приход или небольшой город), но впоследствии в поле зрения исследователей попал давно забытый исследовательский объект – отдельный индивид. Во второй половине 1990-х годов в российской научной литературе появились первые рецензии на зарубежные работы, выполненные на пересечении двух областей исторического знания — исторической антропологии и биографии¹.

Схожую трансформацию в западной историографии испытала и история идей, остававшаяся вплоть до последней трети XX века на принципах позитивистского историописания. Благодаря лингвистическому повороту, который освободил исследовательское сознание от мысли о существовании неизменного смысла текста исторического источника, а затем и контекстуальному — который, наоборот, сместил внимание историков с самого текста на процесс его возникновения в сознании автора — место истории идей заняла интеллектуальная история. В рамках последней составление биографий во всей взаимозависимости «внешних» и «внутренних» факторов стало тем исследовательским инструментом, который позволяет лучше понимать возникновение тех или иных мыслительных конструкций. Первые сведения о практике интеллектуальной истории в отечественной историографии появились благодаря Л.П. Репиной в конце 1990-х годов.

¹ См.: *Оболенская С.В.* Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта: Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1996. С. 58–95; *Бессмертный Ю.Л.* Коллизия микро и макроподходов в современной британской и американской историографии: несколько казусов и опыт их прочтения // *Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М., 1999. С. 10–30 и др.*

Именно в её работах ¹ были впервые раскрыты новации, присущие зарубежным биографическим работам (внимание к психологическому миру изучаемой личности, взаимоотношениям между человеком и социально-культурным контекстом и др.) и очерчены новые проблемные области, которыми могут заняться современные биографы.

Хотя новации в области биографического исследования в последней четверти XX века сформировались в историографии, микроистории и истории идей, свое институциональное оформление они получили именно в рамках структур интеллектуальной истории. Центр интеллектуальной истории в Институте всеобщей истории РАН во главе с Л.П. Репиной был основан в 1998 г. Уже в 1999 г. вышел первый номер специализированного научного журнала «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории» ², ставшего впоследствии центром притяжения работ в области биографии. В 2001 г. было создано Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ), ставшее крупным сетевым сообществом, объединившим усилия гуманитариев-профессионалов на всем постсоветском пространстве. В рамках РОИИ в 2003 г. был создан крупнейший проект, посвященный теоретико-методологическим проблемам биографического исследования, под названием «Человек второго плана в истории». Впоследствии он вылился в ежегодно проводимые конференции, куда стали съезжаться историки со всего постсоветского пространства.

Но обратной стороной институционализации интеллектуальной биографии стала утрата опыта отечественных биографий – так как свои теоретико-методологические основания интеллектуальная биография, в первое время, формировала на основе западной научной литературы.

¹ См.: *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., С. 76–101.

² См.: *Зверева Г.И.* Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 290.

Немалую роль, как это было указано выше, сыграло и общее неприятие опыта советской историографии в 1990-х годах. По этим причинам многие отечественные исследователи полагают, что новации, которые в действительности были выработаны еще отечественными учеными в 1970–80-х годах, появились впервые в российской историографии в начале 2000-х годов¹. Утрата историографического опыта и смешение традиций сразу нескольких областей исторической науки невольно «омолодили» интеллектуальную биографию, что привело к отставанию рефлексии о теоретико-методологических основах данного вида исследований.

В отечественной литературе нет точного определения того, чем является интеллектуальная биография сегодня. Как справедливо отмечает П.А. Алипов, «большинству исследователей характеристики указанного жанра представляются самоочевидными»², что, в свою очередь, ведет к методологическому эклектизму и появлению громоздкого категориального аппарата. Даже сама «интеллектуальная биография» включает в себя два значения: в широком смысле её понимают как подраздел интеллектуальной истории (биографический метод интеллектуальной истории) и, одновременно, в узком смысле – биографией интеллектуалов³. В немалой степени эта проблема вызвана столкновением между собой достижений зарубежной историографии и теоретико-методологических новаций, выработанных отечественными исследователями в 1970–1980-х гг. По этим причинам для того, чтобы избавиться от наслоения и взаимовлияния разных научных традиций при

¹ См.: Например, *Базанов М. А.* Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // *Диалог со временем.* 2016. Вып. 55. С. 221; *Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // *Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011.* С. 7 и др.

² *Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии... С. 17.

³ См.: *Попова Т.Н.* Биоисториописания в контексте научных традиций: концепты и модели // *Диалог со временем.* 2015. Вып. 53. С. 34.

определении контуров интеллектуальной биографии, следует обратить внимание на своеобразие предмета и объекта – ключевых компонентов любого исторического исследования. Исходя из этого, представляется возможным выделить несколько подходов к созданию биографий.

«Новая биографическая история» в качестве своей цели провозглашает изучение социально-культурной ситуации через призму отдельного индивида. Конкретные задачи исследования каждый раз варьируются. Например, И.Р. Чикалова¹ рассматривает судьбы двух женщин, Паулины и Зинаиды Венгеровых, в контексте ломки национально-конфессиональной идентичности евреев в России в конце XIX в. О.М. Морозова² изучает жизненный путь Д.П. Жлобы, легендарного командира Стальной дивизии, с точки зрения того, какими типичными чертами обладал командир-выдвиженец в годы Гражданской войны, в чем заключалась уникальность его поведения, и как складывались отношения таких людей с властями в мирное время. П.П. Шкаренков³ находит в мировоззрении Квинта Аврелия Симмаха, римского сенатора IV века н.э., отражение «римского мифа» – гармоничного образа римского государства, основанного на традиционных римских ценностях. Несмотря на многообразие применяемых методик, ученых в рамках «новой биографической истории» объединяет одно – они все отрицают всякий социально-культурный и экономический детерминизм.

¹ См.: Чикалова И.Р. «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом»: сопротивление и эмансипация евреев на периферии империи (на примере биографий Паулины и Зинаиды Венгеровых) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 333–346.

² См.: Морозова О.М. Д. П. Жлоба глазами своих бойцов: портрет легендарного командира Стальной дивизии // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. СПб., 2010. С. 375–393.

³ См.: Шкаренков П.П. «Последние римляне»: Квинт Аврелий Симмах и Кассиодор Сенатор // История через личность: историческая биография сегодня / отв. ред. Л.П. Репина. М. 2010. С. 607–641.

«Интеллектуальная биография» в её узком понимании включает в себя исследования, предметно посвященные воззрениям «индивида по основному предмету его непосредственной творческой или научной деятельности»¹. Причем, в отличие от классической истории идей, этот анализ происходит с учетом органичной взаимосвязи «внешнего» и «внутреннего» контекстов, в рамках которых возникли те или иные мыслительные конструкции. Изучению может быть подвергнут как и генезис самих идей (например, создание М.И. Ростовцевым теории упадка и последующего коллапса Римского государства ²), так и взаимоотношения между ученым, научным сообществом и политическими структурами (например, стратегия поведения Н.И. Кареева в первое десятилетие советской власти ³). Своеобразным методологическим идеалом интеллектуальной биографии можно считать исследование человека в «тотальности». Ученый, сконцентрировавшись на творческом пути своего героя и учитывая динамику эмоционально-чувственной сферы, должен рассмотреть процесс накопления научного капитала и одновременно прояснить ту интеллектуальную среду, в рамках которой работал изучаемый персонаж.

Исследовательская практика показывает, что объект интеллектуальной биографии включает в себя не только самого индивида, но и тот социальный, культурный и экономический контекст, который его окружает: признается органичная, неразрывная и недетерминированная взаимосвязь между эпохой и самим человеком. В таком случае при определении теоретико-методологических контуров интеллектуальной биографии можно использовать определение объекта М.А. Базанова как

¹ Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии... С. 19.

² См.: *Он же*. М.И. Ростовцев – историк Древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

³ См.: *Долгова Е.А.* Научная биография Н.И. Кареева (1917–1931 гг.) // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в.: Сборник трудов молодых ученых / отв. ред. А.С. Усачев. М.; СПб., 2012. С. 151–205.

«динамически развивающейся системы когнитивных взаимодействий индивида и окружающей его социально-интеллектуальной среды»¹, в то время как предметом интеллектуальной биографии выступает творчество человека («интеллектуальная биография») или окружающая его эпоха («новая биографическая история»).

¹ *Базанов М.А.* Указ. соч. С. 231.

Современные подходы к изучению социальной стратификации советского общества (1917–1930-е гг.)

Социальная стратификация выступает одним из наиболее важных понятий в изучении общества. Общество постоянно трансформируется, обретая все новые и новые, иногда даже более сложные характеристики. Именно благодаря этому исследования социальной стратификации не теряют своей уникальности в современной как отечественной, так и зарубежной науке. Более того, вследствие распространения междисциплинарности в научной среде важным становится рассмотрение научных подходов к исследованию социальной стратификации. Таким образом, цель данной статьи — выявить современные подходы к исследованию социальной стратификации советского общества в 1917–1930-е гг.

Классическими теоретическими исследованиями, положившими начало изучению понятия социальной стратификации, можно назвать работы К. Маркса, П. А. Сорокина и М. Вебера. Теории Маркса и Вебера объединяет выделение экономического фактора как единственного ведущего в основе деления общества на классы. Теория Сорокина является многофакторной, то есть в основу деления людей на различные иерархически выстроенные группы ученый вкладывал политические, экономические, культурные и даже национальные условия.

Исследования социальной стратификации советского общества периода с 1917 по 1930-е гг. находятся в поле современной социологии.

¹ Москалевич Александра Сергеевна — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

Так как в СССР интерпретация затрагиваемого нами понятия напрямую зависела от официальной марксистско-ленинской идеологии, то с наступлением перестройки, а потом и масштабных изменений в отечественной науке 1990-х гг. появились исследования, основной целью которых являлось применение новых, часто западных теоретико-методологических подходов.

Именно с этого времени в отечественной социологии проявляется четкий отказ от традиционной советской «трехчленки»¹, то есть представления структуры общества в виде двух слоев (колхозных крестьян и рабочих) и интеллигенции как прослойки. Данное представление было полностью сконструированным государственной властью и транслируемым официальными документами 1930-х гг. Конституция СССР 1936 г. закрепляла собой идею о том, что в стране развилась такая система общества, в которой не осталось эксплуататоров — это «социалистическое государство рабочих и крестьян»².

В современной социологии большинство ученых отошло от подобной интерпретации социального расслоения. Ряд исследователей, в частности, С.А. Батуренко отмечают возврат отечественной науки к классической многофакторной теории Сорокина³. Таким образом, с 1990-х гг. в отечественной социологии основной становится стратификационно-статусная концепция социальной структуры советского, а позже и российского общества. Исследователи берут во внимание такие факторы как собственность, власть, различные виды

¹ См.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура и стратификация // Социология в России. М., 1998. С. 108.

² См.: Конституция СССР 1936 года // 100 главных документов российской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/>, свободный (дата обращения: 20.10.2019).

³ См.: *Батуренко С.А.* Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. 2016. № 3. С. 101.

доходов и приписываемый социальный статус. О.И. Шкаратан, В.И. Ильин и З.Т. Голенкова¹ работают именно в рамках данного подхода.

Исследованию расслоения общества с точки зрения культурологического подхода посвящены научные труды И.В. Глущенко², которая делает попытку проследить связь становления и развития системы советского общественного питания с процессами социальной трансформации и модернизации общества. Говоря о важности роли государства в формировании повседневных практик питания в СССР, Глущенко старается отойти от традиционного подхода к изучению питания в СССР как управления дефицитом среди всех классов страны, предлагает посмотреть на эту проблему с новой стороны. Важно отметить, что советская кухня воспринимается исследователем как феномен, который намеренно конструировался государством в качестве инструмента модернизации. Очевидно, что на формирование подхода автора большое влияние оказали работы теоретиков миросистемного анализа, так как именно модернизация выступает важнейшим феноменом в данном подходе. А СССР становится лишь одним из непосредственных участников этой модернизации в мире, конечно, обладая собственными чертами и характеристиками.

Большинство стран мира в первой четверти XX в. пыталось найти пути перехода к индустриальному обществу, а государственная политика по созданию советской кухни была одним из орудий в этом процессе. Благодаря подобному допущению автор концепции приходит к выводу, что по трансформации системы общественного питания среди всех классов можно проследить и общие тенденции развития государственной

¹ См.: Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012; Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000; Голенкова З.Т. Избранные труды. М., 2014.

² См.: Глущенко И.В. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920-1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. культ. М., 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/502817/a>, свободный (дата обращения: 21.10.2019).

политики СССР. Большое внимание при этом уделяется изменению быта и образа жизни сельского и городского населения.

Другим важным выводом автора становится идея об основе питания общества. Можно предположить, что это кулинарный принцип, однако ученый доказывает, что в основу заложен принцип социальный. Государственные задачи требовали унификации во всех сферах, даже в сфере общественного питания. Становление советской кухни было напрямую связано с экономическими, социальными и производственными нормами так, чтобы оно могло служить именно городскому населению. Благодаря этому в СССР сформировалась традиция городского питания. Более того, эти новые обычаи распространялись не только на население городов, но и на деревню.

Таким образом, Глущенко использует многофакторный подход, но, анализируя систему питания, выделяет лишь несколько классов: государственную власть, которая диктует тоталитарными методами новую систему питания; горожан, которые становятся основным действующим лицом данной политики; сельское население, культура которого служит базой для формирования системы советского питания, однако трансформации этой системы направлены не на нее.

В современной исторической науке существует несколько подходов к изучению социальной стратификации. В рамках новой социальной истории к проблеме социальной стратификации обращаются С.Г. Кара-Мурза, Б.Н. Миронов и Ш. Фитцпатрик, которые признают, что советская система общества трансформировалась никак не в общемировом контексте. Это была трансформация, которая взаимодействовала с другими западными странами, но обладала собственными характеристиками.

Исследования Фитцпатрик касаются именно периода 1917–1930-х гг. Австралийский историк в одной из своих работ¹ выдвигает идею, что после революции 1917 г. класс в советском обществе стал понятием, которое присваивалось, а не вытекало из различных экономических и социальных характеристик группы. Данная система возникает благодаря наличию юридических и институциональных структур, при помощи которых могла существовать дискриминация по классовому признаку, и происходившим изменениям внутри общества, из-за которых того или иного человека было практически невозможно определить в какой-либо класс. Таким образом, Фитцпатрик считает, что «советская практика “приписывания к классу” возникла как комбинация марксистской теории и слабой структурированности российского общества»². Она также выделяет возникновение в 1920-е гг. института классового клейма, благодаря которому и осуществлялось приписывание к классу.

Уже в следующее десятилетие марксизм стал больше походить на традицию, а не руководство к действию. А сталинские репрессии были построены не на классовом принципе, а на точечной изоляции или истреблении тех или иных групп населения. В 1930-е гг. класс служил лишь способом идентификации граждан СССР. Это можно понять по введенной в 1932 г. форме паспортов, в которых обязательной была графа с указанием социального положения. Фитцпатрик сравнивает эту графу с графой о сословной принадлежности человека в существовавших до революции документах. Более того, она делает вывод о том, что понятие класса в 1930-е гг. на практике было максимально сближено с сословием³. Таким образом, подход Фитцпатрик отличается новаторским взглядом на

¹ См.: *Фитцпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // *Россия и современный мир.* 2003. № 2 (39). С. 133–151.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 142.

сами характеристики классов в первые десятилетия существования советского государства.

Наиболее современным подходом среди историков стало изучение социальной стратификации в ее связи с общественным питанием. Этой проблеме посвящены исследования таких историков, как Е.В. Барышева и А.А. Ильюхов.

Согласно концепции Барышевой, продовольственное распределение предстает способом политической стратификации советского общества¹. Обращая особое внимание на пищевое насыщение как представление о лучшей жизни в народе, она анализирует продовольственное распределение в СССР как способ социальной стратификации.

Основным выводом данной статьи можно считать то, что суть распределительной системы большевистской власти была в выполнении ее собственных задач, основной из которых являлась поддержание легитимности власти. Более подробный анализ помогает сделать вывод о том, что рабочие и служащие не были монолитными социальными группами. Складывалось абсолютно сегментированное общество, и представление официальной власти о равноправии и «трёхчленке» абсолютно не подтверждается фактами. Исследователь приходит к выводу, что советское общество с самого начала существования страны было разделено на классы. Более того, эти классы общества обладали иерархической структурой.

Ильюхов² анализирует материальное положение городских жителей в период с 1917 г. до конца 1930-х гг. Важнейшей частью его

¹ См.: *Барышева Е.В.* Продовольственное распределение как способ политической стратификации советского общества // *Российская политика XXI века: неолитический потенциал политического: Материалы международной научной конференции.* М., 2009. С. 143–152.

² См.: *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М., 2007.

исследования является изучение характера питания общества и способов распределения продуктов.

Историк отмечает, что в годы Гражданской войны голод и недоедание отличало рабочих от крестьян. Происходило повсеместное обнищание населения страны, но именно класс рабочих был угнетенным. Вследствие нехватки продуктов падала трудовая дисциплина и производительность рабочих. Крестьяне имели гораздо более широкие пути насыщения, хотя и они были довольно скудными. Распределительная система работала плохо¹. Даже система общественного питания начинала разрушаться в эти годы, люди стали все больше питаться дома.

Таким образом, подход Ильюхова является схожим с подходом Барышевой. Исследователем также отвергается идея о возможности существования «трехчленки». Вместо этого отмечается существование сложной иерархии в обществе. Это показано на примере городского населения.

В заключение можно сделать вывод, что в современной науке существуют различные подходы к изучению социальной стратификации советского общества в 1917–1930-е гг. Если в социологии все еще идет период теоретизации знания, разработки различных категорий деления общества, то в культурологии и истории встречаются попытки практического осмысления социальной стратификации. Наиболее интересные исследования направлены на изучение взаимосвязи социальной стратификации и системы общественного питания. Но даже среди историков нет абсолютного согласия по поводу деления общества в советский период до 1930-х гг.

¹ Там же. С. 93.

Коммуникативное взаимодействие с читателем в историческом нарративе Ф.А. Эмина

Формирование исторической науки в XVIII веке, отсутствие закрепленных стандартов по написанию исторических трудов давало возможность авторам исторических нарративов оставлять в текстах свой неповторимый отпечаток. Одним из нестандартных историописателей XVIII века был Федор Александрович Эмин (1735–1770). Этот деятель XVIII века был «человеком экзотической биографии»². Он «промелькнул в русской литературе с необычайным эффектом и оставил в ней заметный след... Современники взирали на него с удивлением: он был слишком непохож на всех русских писателей того времени»³. Его исторический нарратив был издан в Императорской Академии наук, его работа состояла из трех томов. «Судя по названию, эта работа должна была стать многотомной и излагать российскую историю до 1760-х гг., но повествование доведено в третьем томе только до 1213 г. Разыскания автора остановила смерть»⁴.

¹ Нисковская Мария Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН.

² *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. С. 213. «Все попытки установить подлинную биографию Федора Эмина были безуспешны; он создал о себе столько легенд, так запутал вопрос о своем происхождении, что отличить выдумку от правды крайне затруднительно. Существуют, по крайней мере, четыре различные версии его биографии» (*Западов А.В.* История русской литературы. М. –Л., 1941–1956. В 10 т. Т. IV. Ч. 2. 1947. С. 256).

³ *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 2003. С. 182.

⁴ *Свердлов М.Б.* К изучению наследия Ф.А. Эмина-историка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Серия История. № 2. С. 68.

Написание исторического нарратива, тем более такого внушительного объема, как у Ф.А. Эмина, требовало значительного труда, автору приходилось проводить серьезный анализ источников и литературы. Данная работа инициировалась историописателем и для того, чтобы улучшить свое материальное положение, и для творческой самореализации. Созданный интеллектуальный продукт оказался уязвимым перед критиками, которые наносили удары по самому болезненному для Ф.А. Эмина, по его интеллектуальной и профессиональной репутации. Оппоненты автора исторического нарратива не стремились искать в его работе положительных сторон, в своем большинстве они указывали только на ее недостатки, зачастую задевая чувство собственного достоинства у Ф.А. Эмина.

Коммуникативные практики историописателей и представителей интеллектуальной элиты XVIII века формировали устойчивое общественное мнение о некомпетентности этого автора исторического нарратива еще до публикации его сочинения. Сложившаяся вокруг Ф.А. Эмина социальная реальность, солидарность неудовлетворенных его работой представителей интеллектуальной элиты, коммуникативные преграды, при которых его доводы не были услышаны оппонентами, привели к тому, что в своем историческом нарративе автор «Российской истории...» стремился не только описать ход исторических событий, но и вести диалог с читателем. Ф.А. Эмин во введении к своему историческому нарративу общался с теми, кому был предназначен его текст, тем самым наполнял свою историю новым смыслом, искал признание, которое не смог найти в повседневных практиках коммуникации с другими интеллектуалами-современниками. При выстраивании коммуникации с будущим читателем его сочинения он стремился показать, как он писал историю, какими принципами руководствовался, на каких авторов опирался, подчеркивал важность изучения отечественной истории от

самой древности. «Все почти летописцы считают за большую трудность, узнать начала описуемых ими земель, происхождения народов, оных нравы, действия, склонности, обыкновения, оных перемены и разные тому причины. И подлинно счастливым такового Историка назвать можно, который устремясь в самую глубину Древности, мог хотя бы несвободно, по крайней мере с великим трудом вытти из темной бездны...»¹. Коммуникации в историческом нарративе Ф.А. Эмина присущ прагматизм, главным для него было донести до читателя, что он пошел не общей дорогой для остальных историков, а выбрал свою собственную, поэтому его путь был сложнее, чем для других авторов: «Такие упражнения новейшие Писатели по большей части оставляют, и стараются идти тем путем, который им известен; однако должность Историка заставляет меня пройти хотя мимо той дороги, которая почти со всем заросла, так что едва следы оной видны»².

Выстраивание коммуникативного пространства в историческом нарративе было вызвано необходимостью защитить свои позиции перед критиками его сочинения, а также привлечь на свою сторону тех читателей, которые не были знакомы с отрицательными отзывами на его историческую работу, «... критики не бояться, но желать оной должно. По моему мнению Критик и Писатель должны быть великие друзья; но если часто случается, что они один другого ненавидят, то по крайней мере дела их одно другому могут зделать великие благодеяния и обществу пользу...»³. В отличие от обычного общения, в своем тексте Ф.А. Эмин мог полностью изложить свою позицию, свои мысли он мог поместить в свое сочинение в той форме, которая, по его мнению, должна была быть понятна читателю. Авторское воздействие осознанно направлялось на

¹ Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала государей. СПб., 1767. Т. 1. С. 4.

² Там же. С. 4–5.

³ Там же. С. XXXII.

формирование мыслей у читателей, что он вложил много труда в свою «Российскую историю...», что ошибки в его работе не указывают на его некомпетентность, а появились из-за неточностей в источниках или литературе.

Создавая пространство для читателя, Ф.А. Эмин искал эмоциональные и рациональные пути для ослабления критики в адрес его исторического нарратива. Его текст должен был направить рефлексию читателя в сторону положительного в его истории, а поиск погрешностей мог быть только с целью улучшить его текст, а не полностью перечеркнуть значимость его работы, «... путешествие каждого Историка. В таком пути потребно ему иметь живых и мертвых проводников. Мертвыми и лучшими живых проводниками я разумею примерные записки к описуемой им Истории принадлежащие; а живые провожатые суть те разумные Критики, кои не пристрастием, не завистью, не легкомыслием, но усердием к обществу и желанием тому добра, кого поправляют, будучи побуждаемы, делают разумные свои на чужие дела примечания, и стараются оных погрешности разумом своим на справедливости основанном исправить»¹.

В свое историческое сочинение Ф.А. Эмин пытался включить слова, предложения, через которые читатель точно поймет мысли автора. По тексту «Российской истории...» можно сказать, что автор не стремился к тому, чтобы его сочинение понравилось каждому прочитавшему. Он лишь старался, чтобы социальная реальность не была унифицированной, чтобы в ней находилось место и для тех историописателей, кто мыслит иначе. «Может статься, что и мое описание Древности многим покажется сомнительным. Каждый волен прилепляться к такому Автору, который ему нравится. О Древности же писали окого 1000 человек, но почти всегда не согласовано. Во всем надобно иметь щастие; и Автор по

¹ Там же. С. XXVIII.

большей части тот хорош, которой кому нравится. На пример: некоторым Никонов список весьма понравился, и Издатель онаго в своем к оному списку предисловии утверждает, что оный писан обстоятельнее и с правдою сходнее всех прочих Российских летописей»¹.

Имея богатую фантазию, будучи автором многих романов, Ф.А. Эмин во введении к своему сочинению отделяет историю от литературного произведения, говорит о том, что отечественная история должна строиться на доступных и достоверных исторических источниках, «записках», летописях. Именно это должно отличать отечественную историю от западноевропейских, и поэтому русский исторический нарратив по Ф.А. Эмину не уступает, а превосходит истории других народов. Уникальность русской истории состоит в том, что в ее основе, по мнению Ф.А. Эмина, лежат научные изыскания, критический взгляд, а в других историях много литературных и мифических выдумок, например, мифы Древней Греции. «Но есть ли из онаго выбрать только то, что до Российской Истории надлежит... то из онаго едва выйдет один том действий с правдою сходных; а прочие все будут наполнены грубым суеверием несправедливым описанием действий Греческих Царей, и разными больше смешными, нежели удивительными приключениями множественных колдунов и волшебниц»². Для того, чтобы и свою историю избавить от «баснословия», Ф.А. Эмин пользовался списком Нестора. «Есть ли я на оный список часть ссылаюсь, то единственно для того, что в нем много есть списанного из Нестора; я в том только оному списку верю...»³. Отмечая достоинства данного источника, автор «Российской истории...» говорил, что многие историки им пользуются, но и в нем было много неточностей, что необходимо учитывать

¹ Там же. С. XVII.

² Там же. С. XVII–XVIII.

³ Там же.

историописателям. «Я по большей части держался Нестора... Правда, что и в нем много ошибок, без которых человек быть не может, и коим может стать, тогдашнее во всем свете общее суеверие было причиною»¹. Для Ф.А. Эмина было важно донести до читателя, что труд Нестора являлся авторитетным источником, но при этом в нем содержались ошибки.

Описывая работу с другими источниками, Ф.А. Эмин отмечал, что многие тексты сложно разобрать, что очень усложнило его работу над написанием исторического нарратива, поэтому он обратился к чтению иностранных авторов, в этом ему помогало знание большого количества языков, Ф.А. Эмин указывал на знание шести иностранных языков. «Я признаюсь, что собрав до двенадцати одних только рукописных летописей, не считая множественных записок, из которых многие так писаны, что едва их разобрать можно, как в некотором темном нахожусь лесу. Все силы употребляю выйти из онаго темноты. Усердие мое к Отечеству и случайное знание нескольких языков много мне вспомоществуют в моем пути»².

Ф.А. Эмин в своем историческом нарративе подчеркивал, что исторические события нужно передавать не иносказательно, через выдуманных персонажей, а прямо рассказывать о произошедших исторических событиях, при этом использовать понятный читателю стиль изложения. «Таковым лучше покажется прочесть сказки о Озирисе, о Бахусе, о Геркулесе, о Тезее, нежели простым слогом описанные истинные исторические действия, для того что слабые воображения и малые мысли больше пленяют повествования о разодрании живых львов, о побитии многих великанов, нежели описание действий всякому внятных и обществу полезных»³. Действия реальных исторических деятелей

¹ Там же. С. XXV.

² Там же. С. XXVI.

³ Там же. С. XX.

гораздо важнее в историческом нарративе, в качестве примера Ф.А. Эмин приводит правление Петра I и Екатерины II.

Создавая при коммуникативном взаимодействии способы вовлеченности его текстом, Ф.А. Эмин показал, что не старался скрыть свои слабые места, он наоборот заострял внимание на своем «выдумывании», призывая посмотреть на это с другой стороны, что это наоборот является одним из преимуществ его текста. «Но должен я всех уведомить, что многие речи, которые в сей Истории разные говорят лица, выдуманы; на пример: речь, которую говорит Гостомысл к мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы призвать Рюрика на владение, ни в одном нашем Летописце не обрящется. Но есть ли Гостомысл оной не говорил, то по малой мере должен был говорить что нибудь тому подобное, что бы взволновавшийся, гордый и ничего неразсуждающий народ мог усмирить, и привести к здоровому рассуждению»¹.

Интересным наблюдением Ф.А. Эмина, которым он поделился с читателем, явилось то, что иностранные и русские историки разнились в наличии и отсутствии научного тщеславия, что в иностранных землях исторические тексты писались под влиянием агонального духа и индивидуализма. «В иностранных землях, есть ли кто сочинит Историю, то наследник его или еще его современщик будучи ученый, а часто при учености и тщеславный человек, читает издание Историческое своего предка глазками чрезмерно критическими. Ежели найдет в нем какую малейшую ошибку, или какую либо двойного знаменования речь, то привязавшись к оной, пишет целый том, и вместо изъяснения больше прежнее повествование затмевает. Сие происходит от вольности в писании и от самолюбия человека ученого, который не погрешности других исправлять, но себя свету человеком показать желает»². А при

¹ Там же. С. XLVI–XLVII.

² Там же. С. XXXV.

создании русских летописей никакой вольности не было, их должны были писать, опираясь на то, что определялось свыше, поэтому критики текстов для уточнения реальных исторических событий, а не только указанных в тексте источника, не было, поэтому в русской истории много дискуссионных вопросов. «На против наши Летописцы со всем другого рода. Наши Историки ученой гордости не знали; они же выросли в такой земле, где ничего в древние времена без воли Государей не сделать, ни написать было не можно. Многие из них препровели жизнь свою в монастырях, где привыкши к монашеской строй жизни, о делах общественных вольно разсуждать не смели»¹. Поэтому информацию в русских летописях надо перепроверять, а не безоговорочно доверять тому, что там написано, даже тексты Нестора Летописца он предлагал перепроверять, потому, как «... после смерти в число Святых включен. Тогда уже и помыслить о том наши Летописцы боялись, что бы в Нестор мог ошибиться: ибо в то время разсуждали, что святость чрез угождение богу, а не чрез знание Истории или иных наук приобреталась. И так и на согласие наших Летописцов положиться не можно; следовательно должно всему им писанному доискиваться в чужестранных безпристрастных Писателях подтверждения»².

Также автор «Российской истории...» видел опасность ссылаться только на русское летописание в том, что данный способ изучения истории может быть отрицательно воспринят иностранными государствами, по мнению Ф.А. Эмина игнорирование иностранных текстов не улучшит исторический нарратив. «Когда же нашу Историю чужестранные Государства прочетши на своем языке, найдут оную основанную на одних только наших Летописцов мнения, и то часто с

¹ Там же. С. XXXVI.

² Там же.

правдою несходных, то почтут оную за пространственную баснь от нашего самолюбия, либо от невежества происшедшую»¹.

В своем коммуникационном пространстве исторического нарратива Ф.А. Эмин пытался поставить под сомнение привилегии ученых в написании истории. «Я думаю никто еще такой не видел привилегии, в которой бы изображено было, что делать добро и пользу обществу приносить, одним только ученым местам принадлежит»². Скорее всего, он считал, что после данной фразы неизбежно в сознании читателя возникнет негодование по поводу необоснованной привилегии у ученых на написание исторических нарративов. Далее Ф.А. Эмин углубляет данную тему, показывая непредвзятому читателю, что ученые-историки не создали единого и понятного способа для изучения русской истории, «... ни один из неизчисленных почти Авторов о принадлежностях Истории писавших, не мог показать прямого пути, которым бы Историографу свободно до желанного места достигь было можно. Всегда потребно с одной дороги на разные сходить стези, ни одной почти из оных не пропуская; следовательно в таком путешествии находящемся надобно идти оглядываясь на все стороны...»³. Поэтому Ф.А. Эмин приходит к выводу о том, что каждый волен писать исторический нарратив, применяя свои методы исследования, выделяя то, что он считает важным, а незначительное на его взгляд упускать из своего текста или уделять ему мало места. «Можно ли на него негодовать, есть ли он на толь многих дорогах, стезях и малейших тропинках чего нибудь такого не приметить, что ему мелкою вещью по причине множественных им прежде виденных предметов показалось, а в самом деле лучшего его внимания достойно?»⁴.

¹ Там же. С. XXXVI–XXXVII.

² Там же. С. XLVI.

³ Там же. С. XXVII.

⁴ Там же С. XXVIII.

Понятно, что, выстраивая коммуникацию в «Российской истории...», Ф.А. Эмин воображал понимающего читателя, который полностью разделяет его исследовательские позиции. Но при чтении книги нужно не только прочесть текст, но и проинтерпретировать его, опираясь на индивидуальный опыт, ценности и взгляды, авторский текст воспринимается не так, как его видит сам писатель, соотносясь с психологической реальностью читателя. Возможно, поэтому коммуникативные преграды не позволили стать читателю исторического нарратива Ф.А. Эмина ему «своим», близким. Скорее всего, межличностные контакты современников создали ему такой образ, что читатели вели диалог с его текстом неохотно, их мысли были заранее predeterminedены. Так произошел конфликт между интенциями автора «Российской истории...», желаемого им воздействия на воображаемого читателя и реальными людьми, ознакомившимися с его текстом. Поэтому произошел коммуникационный провал, Ф.А. Эмину не удалось сформировать необходимое ему отношение у читателя к его историческому нарративу.

Таким образом, Ф.А. Эмин создал условия для коммуникативного взаимодействия с читателем в своем историческом нарративе. Автор преследовал цель улучшить образ своей истории в глазах читателей, сформировать представление о своей профессиональной компетентности в условиях, когда его еще неопубликованное сочинение подверглось жесткому порицанию со стороны критиков.

Императорский двор Екатерины II: историографический анализ

Эпоха правления Екатерины II нашла довольно полное отражение в работах отечественных и зарубежных историков. Вопросы внешней и внутренней политики, личность императрицы, социальные, культурные и экономические аспекты правления и жизни страны во второй половине XVIII в., биографии выдающихся личностей екатерининской эпохи являлись предметом изучения исследователей на протяжении уже более чем двухсот лет с момента окончания царствования. При этом оценки всего периода правления Екатерины II, отдельных преобразований, а также личности императрицы эволюционировали вместе с развитием истории страны и отечественной историографии, претерпевая подчас радикальные изменения.

Несмотря на довольно большое число работ, посвященных либо царствованию и биографии императрицы, либо другим вопросам общего характера относительно истории XVIII в., специальных исследований, предметом которых стал императорский двор периода правления Екатерины II, относительно немного. В той или иной степени сюжеты придворной жизни, организационной структуры двора, функционирования тех или иных служб, церемониала, системы придворных чинов, взаимоотношений придворных друг с другом, с правителем, степени политического и общественного влияния тех или иных вельмож косвенно освещались в работах отечественных авторов на протяжении двух последних столетий. При этом изменялись

¹ Оксамитная Дарья Александровна – аспирант кафедры истории России средневековья и нового времени ФАД ИАИ РГГУ.

«тональность» подачи материала, оценка значения этого института в системе государственных отношений, взгляд научного сообщества на актуальность темы исследования. В данной работе предпринята попытка обобщить опыт отечественной историографии, касающийся темы императорского двора Екатерины II, а также проследить изменения в изложении материала историками различных периодов развития нашей страны.

Ключевые аспекты царствования императрицы освещены в трудах уже дореволюционных историков. С развитием отечественной исторической науки на протяжении XIX века оценки исследователей становились все более взвешенными, далекими от преимущественно апологетического характера работ первых десятилетий после смерти императрицы. Тем не менее, даже у Н.М. Карамзина в «Записке о древней и новой России», заключившего, что «едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время»¹, появляется довольно негативная характеристика вельмож императорского двора: «Любимец вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно; вельможа не стыдился быть развратным»². Как следует из работы Е.Н. Марасиновой³, такая характеристика придворных очевидца событий Карамзина являлась некоторым общим мнением, встречавшимся часто в переписке элиты второй половины XVIII, и далее, как устоявшееся представление с негативным оттенком, возникает в научных и публицистических работах. По оценке Пушкина, фаворитизм и облагодетельствование «любимцев» унижало сам «дух дворянства»:

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 44.

² Там же.

³ См.: Марасинова Е.Н. Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников). М., 1999. С. 141–177.

«Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием»¹. Высказывание поэта на контрасте с похвальным словом Карамзина² отражает наметившуюся после смерти императрицы тенденцию полярных оценок ее царствования и ее личности, основанных во многом на еще свежих впечатлениях аристократии, которую затем констатирует как отжившую в своей работе В.О. Ключевский³. А.Б. Каменский, давая краткую характеристику историографии XIX века по теме правления императрицы⁴, оценивает первые работы в начале столетия как в целом комплиментарные по отношению к Екатерине с довольно осторожно звучащей критикой. О времени правления императрицы писали в этот период в большей степени публицисты, поэты и писатели, принадлежавшие к различным политическим течениям (А.А. Бестужев, П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, А.С. Хомяков), что во многом и определяло их оценки. Относительно первой половины XIX века также следует упомянуть и труды П.Ф. Карабанова, собравшего обширный просопографический материал, опубликованный впоследствии историками П.В. Долгоруковым и А.Б. Лобановым-Ростовским, в частности, составившего список придворных дам XVIII–XIX веков⁵.

¹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 Т. 8. Л., 1977. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/zametki/po-russkoj-istorii-xviii.htm>, свободный (дата обращения: 30.10.2019).

² См.: Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802.

³ См.: Ключевский В.О. Императрица Екатерина II // Ключевский В.О. Сборник статей. Сб. 2. М., 1913. С. 312–385.

⁴ См.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999.

⁵ См.: Карабанов П.Ф. Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ); Лобанов-Ростовский А.Б. Исторические рассказы и анекдоты; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв.: списки. М.,

Наибольшее количество научных публикаций в дореволюционной России пришлось на последнюю четверть XIX – начало XX в., что часто обуславливалось столетними юбилеями тех или иных реформ и памятных дат царствования императрицы. По мнению А.Б. Каменского¹, историографию этого периода условно можно разделить на два основных направления: «государственную школу» и «либерально-демократическое направление». Историки, относимые к первой группе (А.Д. Градовский, И.И. Дитятин, С.М. Соловьев и близкие к ним В.С. Иконников, Н.Д. Чечулин, А.С. Лаппо-Данилевский), склонны были скорее положительно оценивать итоги правления, значение преобразований императрицы для европеизации и развития страны. К условно либеральному направлению относятся по этой классификации А.А. Кизеветтер, В.О. Ключевский, В.И. Семевский, относившиеся более критично к царствованию самодержицы и указывавшие в большей степени на двойственность правления, несоответствие декларируемого осуществляемому.

Основные темы исследований, возникшие в дореволюционной историографии, унаследованные советской и в большей степени постсоветской историографией, – это «Наказ», Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., областная реформа 1775 г., состояние экономики и государственных финансов. Сюжеты, связанные с императорским двором затрагивались либо в исследованиях, посвящённых дворянству как сословию, принятию Манифеста о вольности дворянства и Жалованной грамоты, а также роли дворянской

2012; Карабанов П.Ф. Списки замечательных лиц русских, составленные П.Ф. Карабановым и дополненные князем П. В. Долгоруковым. М., 2000.

¹ См.: *Каменский А.Б.* Указ. соч.

элиты в политической системе второй половины XVIII в.¹, либо в литературе невысокого научного значения, посвященной фаворитизму и придворным интригам. Здесь следует упомянуть также и спорные с научной точки зрения работы Казимира Валишевского («Вокруг трона», «Роман одной императрицы», «Царство женщин», «Екатерина Великая: историческое исследование»).

В конце XIX века появляется первое специальное исследование по истории императорского двора – работа Н.Е. Волкова 1900 г. «Двор русских императоров в его прошлом и настоящем». Небольшая по объему публикация только намечает полноценное изучение темы и представляет, по выражению автора, «лишь свод в одно целое материала, разбросанного по разнообразным сочинениям и находящимся в архивах»². Тем не менее, это первое издание, обобщающее ценный для данной проблематики материал. Список придворных служителей за два века русской истории Волкова, хоть и содержащий некоторые ошибки, все же на данный момент является наиболее полным.

Судя по опубликованному в недавнем времени Сборнику материалов по истории учреждений придворного управления России IX–XIX вв.³, попытки провести подобное исследование двора в его историческом развитии от приказной системы до Министерства императорского двора предпринимались ранее 1900 г. и были, скорее всего, приурочены к памятным датам создания Министерства, но остались незавершенными рукописями. Характерно, что во вступительном слове авторы вышеуказанных сочинений схожим образом обосновывают актуальность такого исследования для патриотически настроенного

¹ Например, см.: *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912.; *Порай-Кошиц И.А. Яновский А.Д.* История русского дворянства от IX до конца XVIII века. М., 2003.

² *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2013. С. 7.

³ См.: *Приходько М.А.* Указ. соч.

россиянина. Николай Егорович Волков полагает, что определенное придворное устройство проистекает из всей исторической жизни народа, а изучение императорского двора необходимо для понимания всей истории XVIII в., понимания влияния на ход исторических событий временщиков и собственно придворной жизни, «имевшей необыкновенную роль во всех этих переменах, касающейся особ, занимавших российский престол»¹. Оставшийся неизвестным автор материалов по истории учреждений придворного управления, опубликованных в упомянутом выше Сборнике, во введении к своему труду так обосновывает значимость всей работы: «читатель ... приносит в душе дань благоговейной признательности к тем венценосным деятелям, которые, правя государством, твердой рукой стремились к усовершенствованию внутренней жизни нашего отечества. Равно как и к просвещенному развитию и устройству установлений высочайшего двора русских монархов»².

Помимо указанных работ отдельные аспекты придворной жизни и хозяйства императорского двора глубоко и подробно описываются в публикациях рубежа XIX–XX вв., посвященных царской охоте, конюшенному ведомству, развитию театрального искусства. С точки зрения изучения придворного общества, интересны работы биографического характера, публиковавшиеся в издании «Русские портреты XVIII–XIX столетий» великого князя Николая Михайловича, в энциклопедиях рубежа XIX–XX вв. издательской фирмы «Брокгауз и Эфрон» и 25-томном «Русском биографическом словаре», изданном под наблюдением А.А. Половцева. Предисловия указанных работ также проникнуты патриотическим настроением, авторы декларируют стремление сохранить историческое наследие и славу Отечества, для тех «коим дороги успехи отечественной истории, сердцу коих близка наша

¹ Волков Н.Е. Указ. соч. С. 7.

² Приходько М.А. Указ. соч.

государственная и народная слава»¹, поскольку «изучение отечественной старины представляет глубокий интерес для всякого, кто любит отчизну»².

В советской историографии характер интереса к эпохе екатерининского правления диктовался господствующей идеологией. Историков, работавших в рамках официальной марксистской методологии, интересовали прежде всего классово-экономические аспекты, закономерности происхождения и становления абсолютизма. При этом исследователи склонны были в большей степени негативно оценивать деятельность императрицы, особенно в отношении усиления крепостного права. Неудивительно, что вопросы, связанные с историей непосредственно императорского двора, затрагивались вскользь и в негативном свете, исключая комплексное и всестороннее исследование, как неактуальное для выявления закономерностей развития государства. Косвенно сюжеты придворной жизни появлялись в трудах, посвященных Табели о рангах и чинопроизводству. В работе «Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторического наследия» Л.Е. Шепелев затрагивает вопросы придворной иерархии чинов и ее значения для жизни и карьеры знатного дворянства, эволюцию численности высших придворных званий, а также значение двора как такового, но в рамках становления абсолютной монархии. Указывая на необходимость разработки своего рода сводного справочника, посвященного дореволюционной системе чинопроизводства в общем и придворного чинопроизводства в частности, историк тем не менее делает вполне характерный для советской исторической концепции вывод, что «система придворной иерархии

¹ Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 1: Аарон – император Александр II. СПб., 1896. С. 3.

² Кутепов Н.И. Русская охота: исторический очерк: (книга-альбом). М., 2005. С. 6.

оказывала разлагающее влияние на русское общество, что сознавалось многими современниками»¹, почему была упразднена еще Февральской революцией. Изучение данного вопроса, по мнению Леонида Ефимовича, носит скорее прикладной характер и необходимо лишь в той мере, в какой позволит историку-исследователю лучше понимать значение архивных документов.

Тему дореволюционных чинов и значения Табели о рангах для знатного дворянства изучает в своих исследованиях советский историк С.М. Троицкий («Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии»). В работах С.И. Волкова и Е.И. Индовой освещены вопросы организации и функционирования дворцового хозяйства². Сюжеты официальной придворной жизни, празднеств и церемоний затрагивались в работах по истории Петербурга и истории русской культуры. Но специальных исследований по императорскому двору в советский период проведено не было.

Постсоветское время характеризуется возродившимся интересом к периоду правления Екатерины II в целом и теме императорского двора в частности. Рост научных публикаций, посвященных как всему царствованию императрицы, так и отдельным аспектам жизни страны во второй половине XVIII в., отчасти обусловлен двухсотлетним юбилеем со дня окончания царствования, но в большей степени изменившейся политической ситуацией в стране, пересмотром взглядов советской школы на вопросы истории. Если в советский период характерны скорее негативные характеристики правления, то в 1990-х гг. точка зрения изменяется на более положительную, иногда даже несколько

¹ Шепелев Л.Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований. Л., 1976. С.163.

² См.: Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. М., 1964; Волков С.И. Хорошевская конюшенная школа в 30-40-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1951. Т. 38. С. 274–280.

идеализированную оценку деятельности императрицы.

Царствованию императрицы в постсоветский период посвящены работы А.Б. Каменского «Под сенью Екатерины...» и «Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой», О.Г. Чайковской «Императрица. Царствование Екатерины II», Н.И. Павленко «Екатерина Великая», О.А. Омельченко «Законная монархия Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России», монографические работы Е.В. Анисимова о дамах на российском престоле, косвенно касающиеся и придворной жизни второй половины XVIII в. На рубеже веков появилось довольно много работ биографического характера, также затрагивающих тему взаимоотношений при дворе¹, вновь стал популярным жанр сборников биографий русских аристократов².

В последние десятилетия опубликованы первые после труда Н.Е. Волкова специализированные исследования по императорскому двору. В этом отношении наиболее полным представляется работа О.Г. Агеевой «Императорский двор России, 1700–1796 годы», раскрывающая вопросы внутренней организации и функционирования придворных ведомств, значения церемониала в придворной жизни, эволюции придворных учреждений и штатов на протяжении всего XVIII в. в контексте европеизации русского общества. Давая хорошее представление о «механизме» императорского двора, автор не затрагивает вопросы участия двора в политической жизни страны. В незначительной степени рассматриваются высшие чины придворного общества как особая социальная группа. Данные аспекты придворной жизни, взгляд на двор как на властный институт на данный момент не стали предметом

¹ Например, см.: *Кондаков Ю.Е.* Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: монография. СПб., 2014.; *Елисеева О.И.* Е.Р. Дашкова и Г.А. Потемкин (внешнеполитические аспекты придворной жизни) // Е.Р. Дашкова и ее время. Исследования и материалы: (Сборник). М., 1999. С. 45–65.

² См.: *Федорченко В.И.* Двор российских императоров: Энциклопедия биографий. Красноярск, 2004.

полноценного исследования.

Вопросы настроений элиты дворянства второй половины XVIII в., отношения к службе, образованию и культурному развитию освещены в работах Е.Н. Марасиновой, А.А. Козловой, Т.Л. Лабутиной¹. Становление театрального искусства и влияние политики на драматургию придворных представлений рассмотрены в диссертации А.Г. Евстратова². Церемониальной части придворной жизни также посвящен ряд публикаций современных авторов³. Повседневной жизни двора и императорских резиденций посвящены работы И.В. Зимина. Это далеко не исчерпывающий список публикаций по данной теме, что говорит о стабильном интересе современных исследователей к данной проблематике.

Обобщая изложенное и оценивая используемую историками различных периодов коммуникацию, следует сделать следующие выводы. Современные исследователи эпохи правления Екатерины II склонны скорее идеализировать и в какой-то степени оправдывать действия императрицы существовавшими условиями и необходимостью. Это в первую очередь касается работ общего плана, освещающих правление и личность императрицы в рамках традиционной политической истории. Специальные исследования современных историков по структуре и организации императорского двора, отдельным аспектам культурной

¹ См.: *Марасинова Е.Н.* Указ. соч.; *Козлова А.А.* Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Лабутина Т.Л.* «Вестернизация» политической элиты России в XVIII веке. Рязань, 2003.

² См.: *Евстратов А.Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х – начале 1770-х годов: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2009.

³ См.: *Агеева О.Г.* Придворная служба при императорском дворе России XVIII века: обер-церемониймейстеры и церемониальная часть // Проблемы социальной и политической истории России: сборник научных статей (по материалам конференции, декабрь 2007 г., Москва). М., 2009. С. 140–150; *Клюкова К.А.* Придворные церемонии Российской империи: практика организации // Известия Смоленского государственного университета: Ежеквартальный журнал. № 3 (11). Смоленск, 2010. С. 226–235.

жизни двора, характеризуются большей объективностью и беспристрастностью авторов, избегающих непрофессиональной эмоциональной окрашенности изложения материала, в большей степени характерной для исторических трудов предыдущих поколений исследователей. В дореволюционное время патриотический дух и любовь к Отчизне, как декларируется часто в обосновании авторами актуальности своих работ этого периода, побуждают к научному исследованию тех или иных тем. В советский период господствующая парадигма науки приносила свои устойчивые конструкции и логические обоснования в тексты историков, базировавшиеся на неотступном следовании официальной идеологии. Авторы настоящего времени актуализируют работы по истории императорского двора в первую очередь недостаточной изученностью данной темы, свободной «нишей» в историографии, концентрируются на отдельных аспектах, избегая подведения какой-либо фундаментальной концептуальной базы для своих исследований.

Роль школы «Сомнения в древности» в развитии исторического знания в Китае

Первая четверть XX века в Китае проходила в обстановке сильных общественно-политических потрясений. «Движение за новую культуру» 4 мая 1919 г. (新文化運動). Помимо требований демократических прав и свобод, участники Движения агитировали за упрощение китайского письменного языка и приближение его к разговорному языку, пересмотр конфуцианских догм и ориентированность исторического знания на будущее, а не на прошлое. Одним из основных идеологов движения принято считать Ху Ши 胡適 (1891–1962)², который вместе со своим учеником Гу Цзеганом 顧頡剛 (1893–1980) и коллегой Цянь Сюаньтуном 錢玄同 (1887–1939) в 1920-е гг. станут основателями школы «Сомнения в древности» (Игу пай 疑古派).

Главным идеологом данной школы был Гу Цзеган. В методологическую основу школы лег выявленный Гу Цзеганом трехфазный эволюционный метод: 1) выявление ложных исторических конструкций и исторических «фактов», а также истоков их происхождения и их изменения в более поздних текстах; 2) сравнение каждого ложного «факта»; и 3) выявление общих моделей фальсификаций. Революционным по меркам китайского общества того времени был тот факт, что Гу Цзеган подверг критике канонические книги, а также высказал сомнение в подлинности изложенных в них

¹ Петрова Сильвия Григоровна – магистрант Института стран Востока.

² См.: *Schneider A., Tanaka S. The Transformation of History in China and Japan. // The Oxford History of Historical Writing: Volume 4. 1800-1945. Oxford, 2011. P. 511.*

событий о древности. Для любого образованного китайца того времени каноны обладали сильным непререкаемым авторитетом.

В результате своих текстологических исследований Гу Цзеган выявил гипотезу «Послойного создания древней истории Китая» («层累地造成的中国古史»), согласно которой «знания о древнем Китае заложены в последовательных слоях, но в порядке, полностью противоположном фактическому ходу событий, ибо постепенно мифы и легенды записывались и становились частью истории, занимая стартовую точку хронологии»¹. При этом стоит отметить, что как метод, так и гипотеза имеют филологические прототипы, автором которых был Ху Ши. В 1920 г. им был написан труд по эволюции сюжета романа «Речные заводи» («水浒传»). Ху Ши проследил все этапы формирования романа от зарождения фольклорного произведения к роману и вплоть до полноценного сценария пекинской оперы². Но историческая гипотеза, в отличие от литературной, приводит к выводу, что истории китайской цивилизации нет и 3 тыс. лет. Также используемое Гу Цзеганом слово 疑 в значении «сомневаться» является прямым антонимом слову «верить» 信, которое употребляется в постулате «только древность есть правда» («唯古是信»).

Впервые Гу Цзеган поделился результатами своих исследований в переписке с Цянь Сюаньтуном. Письма датируются 25 февраля, 27 и 28 апреля 1923 г. Гу Цзеган нашел изложение весьма успешным, потому письмо было опубликовано в девятом номере журнала «Чтение» («Душу

¹См.: 顧頡剛. 古史辨第一冊自序. // 古史辨自序. 石家莊, 2000. 頁 69.

(Гу Цзеган. Предисловие к первому тому Гуши бянь. // Предисловие к Споры о древней истории. Шицзячжуан, 2000. С. 69).

²См.: 顧頡剛. 古史辨第一冊自序. // 古史辨自序. 石家莊, 2000. 頁 35.

(Гу Цзеган. Предисловие к первому тому Гуши бянь. // Предисловие к Споры о древней истории. Шицзячжуан, 2000. С. 35).

цзачжи» «讀書雜誌»)¹ [6 марта 1923 г.]. В следующем, десятом номере [10 июня 1923 г.] был опубликован длинный ответ Цянь Сюаньтуна, в котором он одобрял взгляды Гу Цзегана и дополнил его гипотезы своими материалами по изучению канонических книг и отношение Конфуция к канонам².

Освещенные в переписке идеи вызвали широкий резонанс в историческом сообществе. В период с 1923 по 1926 гг. велись ожесточенные дискуссии о древнем периоде китайской истории.

Начиная с публикации переписки Гу Цзегана с Цянь Сюаньтуном, центром дискуссии о древнем периоде истории стал журнал «Чтение». В последующем дискуссии распространились на еженедельное издание «Современная критика» («現代評論»), еженедельник Пекинского университета и другие академические периодические издания по всему Китаю.

Сторонники Гу Цзегана призывали составить полное собрание работ о споре древней истории и выпустить его в своем издательском кооперативе Пушэ 樸社. В апреле 1926 г. вышел первый том «Гуши бянь» («Спор о древней истории» «古史辨»), который начинается с длинного предисловия Гу Цзегана. Книга в основном состоит из отредактированных более ранних писем из переписки (с 1920 г.) с Ху Ши, Цянь Сюаньтуном и др., а также письмами и эссе, полученными от разных людей между 1923 и 1926 гг. Помимо хороших продаж, вышедший том усилил дискуссии и даже привлек внимание иностранных ученых, о чем

¹ См.: 顧頡剛. 與錢玄同先生論古史書. // 古史辨自序. 石家莊, 2000. 頁 3 – 12. (Гу Цзеган. Беседа с господином Цянь Сюаньтуном о древних исторических источниках. Предисловие к первому тому Гуши бянь. // Предисловие к Спору о древней истории. Шицзячжуан, 2000. С. 3–12).

² См.: 顧頡剛. 與錢玄同先生論古史書. // 古史辨自序. 石家莊, 2000. 頁 10. (Гу Цзеган. Беседа с господином Цянь Сюаньтуном о древних исторических источниках. Предисловие к первому тому Гуши бянь. // Предисловие к Спору о древней истории. Шицзячжуан, 2000. С. 10).

свидетельствует перевод предисловия 1 тома Артуром Хуммелем¹ и в последующем публикации статей американца во втором томе. Сборник «Спор о древней истории» отличала открытость, с которой Гу включал не только поддерживающие его взгляды комментарии, но даже самые субъективно критические высказывания². В 1941 г. серия состояла из 7 томов, включавших в себя 350 рубрик (не считая приложений), написанных 110 авторами, среди которых фигурировали в основном сторонники «движения за новую культуру»³. Сборник не имеет общих выводов, представив собой пространство для дискуссий о древней истории, концепция которого отвечает научным требованиям.

Появление школы сомнения в древности ознаменовало переход от традиционной исторической учености к современной академической научности.

Традиционная модель китайского исторического знания, сохранившаяся до первой четверти XX в., отличалась от европейской, принявшей еще в начале XIX в. научную форму. Традиционная китайская историография была богата по форме, но архаична в концепции истории. Историописание было тесно связано с государственностью, её создавали чиновники/жрецы (ши 史) при дворах, влияние конфуцианства на историописание установило морализаторскую стандартизацию исторического повествования, для придания достоверности использовались цитирования речей деятелей прошлого и текстологические ссылки на древние авторитетные трактаты. В целом все историописание было направлено на укрепление власти.

¹ См.: *Hummel A.W.* Introduction. — [Translate by Hummel, Arthur William], *The autobiography of a Chinese Historian. Being the Preface to a Symposium on Ancient Chinese History (Ku shih pien)*. // *Sinica Leidensia*, vol. 1, Leiden (Brill), 1931. P. VI-VII.

² См.: *Richter U.* Historical Scepticism in the New Culture Era: Gu Jiegang and the 'Debate on Ancient History'. // *近代中國史研究通訊* (Корреспонденция современных исследований истории Китая). 1994. № 23. P. 371.

³ См.: *Richter. U.* Op. cit. P. 371.

Однако традиции историописания не могли оставаться статичными на протяжении более чем двух тысяч лет. На их облик сильно влияли этико-философские и религиозные течения, при этом образцовой оставалась придворная историография. Уже с эпохи Тан прослеживаются текстуальные стремления, которые достигают своего апогея в XVII веке, когда накопленное на протяжении многих веков историографическое наследие требовало критического осмысления. Выразилось это в филологических исследованиях достоверности фактов, изложенных в источниках. Критика распространялась исключительно на аутентичность текстов, а не на их канонический статус или их историческую функцию в системе знания и власти¹. Иными словами, в это время проводилась ревизия неоконфуцианства предыдущих шести веков, которое, по мнению сторонников данного направления, «исказило» первоначальное конфуцианство, следовательно, историки опирались на концепции первоначального конфуцианства, которые им служили эталонами.

С середины XVIII века появляется направление текстологической критики «Цянь-Цзя» (乾嘉學派)², своё название получило по девизам правления Цяньлун 乾隆 (1736–1795) и Цзяцин 嘉慶 (1796–1820). В рамках это направления существовал метод «Као-чжэн» (考證 пер. «поиск доказательств»), который впоследствии собрал вокруг себя школу историко-филологических разысканий «Исследование свидетельств» («考據學»).

Сторонниками «Као-чжэн» была проведена ревизия всех сохранившихся к тому времени исторических источников. Канонические книги не разбирались, более того, выступали в роли эталонов. Эталонными считались тексты, восходящие ко времени Конфуция. В

¹ См.: *Richter U.* La tradition de l'antitraditionalisme dans l'historiographie chinoise, Extrême-Orient. // Extrême-Occident. 1987. № 9. P. 64.

² Ibid. P. 64–65.

центре внимания историков снова оказалось утверждение ортодоксального начала исторического знания.

Одним из видных представителей школы «Као-чжэн» был Цуй Шу (崔述) (1740–1816) известный также как Цуй Дунби. Он испытывал доверие к каноническим текстам, но при этом находил ошибки в отдельных главах основных канонов, сделав важный с точки зрения источниковедения вывод о несоответствии дошедших текстов памятников их прежним оригиналам. Причину этого он видел в предпринятом перетолковании конфуцианских текстов ханьскими учеными, поскольку в основном находил расхождения между трудами, написанными до империи Цинь и в период Хань.

Возвращаясь к школе «Сомнения в древности», можно смело сказать, что она представляет собой продолжение развития полутрадиционного направления рубежа XVIII–XIX веков Као-чжэн¹. Поскольку лидеры школы ссылаются именно на цинских историографов-критиков, в основном на Яо Цзихэна 姚际恒 (1647–1715) и Цуй Шу 崔述 (1740–1816)². Как европейский рационализм предваряет скептицизм эпохи Просвещения, так и текстологическая критика не могла появиться внезапно, и изолировано по отношению к самой традиции историописания.

Считается, что концепция исторического скептицизма Гу Цзегана и используемый им метод переняты у западной науки³, но при этом сторонники западной модели историографии говорили о традиционности

¹ См.: *Richter U.* Op. cit. P. 66.

² См.: 顧頌剛. 古史辨第一冊自序. // 古史辨自序. 石家莊, 2000. 頁 65.

(Гу Цзеган. Предисловие к первому тому Гуши бянь. // Предисловие к Спору о древней истории. Шицзячжуан, 2000. С. 65).

³ См.: *Dirlik. A.* Revolution and History: the Origins of Marxist Historiography in China, 1919–1937. Berkeley, 1978. P. 27.

мышления Гу, в то время как представители традиционной историографии выступали основными критиками его концепции.

Школа «Сомнения в древности» была ключевой в интеллектуальном пространстве Китая на протяжении 1920-х гг. В 1941 г. серия сборников «Спора о древней истории» состояла из 7 томов, включавших в себя 350 статей (не считая приложений), написанных 110 авторами. Среди авторов фигурировали в основном сторонники «движения за новую культуру»¹. Хотя сборник не получил общих выводов или обобщающего заключения, однако стал своего рода пространством для дискуссий о древней истории, формат которого отвечает научным требованиям.

С приходом к власти коммунистов в 1949 г. китайское историческое сообщество приняло марксистские концепции. Наиболее выдающийся историк-марксист Го Можо 郭沫若 (1892–1978) также исследовал древний период китайской истории, но уже доказывая существование рабовладельческого строя в соответствии с марксистской теорией формационного развития. Однако после окончания «Культурной революции» начался постепенный отход от формационного подхода. В конце 1970-х гг. с реабилитацией интеллигенции, постепенно возвращалась концепция «сомнения», которая уже не имела былого масштаба и практически совсем угасла после смерти в 1980 г. Гу Цзегана.

В 1992 г. известный историк Ли Сюэцинъ 李學勤 (1933–2019) выступил в Пекинском университете с докладом «Выход из эры “Сомнения в древности”» («走出疑古時代»), в которой он объявил концепцию исторического скептицизма Гу Цзегана и его школы «Сомнения в древности» изжившей себя, поскольку археологические

¹ См.: *Richter. U. Historical Scepticism in the New Culture Era: Gu Jiegang and the 'Debate on Ancient History // 近代中國史研究通訊* (Корреспонденция современных исследований истории Китая). 1994. № 23. P. 371.

находки опровергают гипотезу Гу Цзегана¹. По мнению Ли Сюэцина, ни «вера», ни «сомнение» не являются подходящей позицией для исследования древнего периода истории. Историк предложил свой метод «Двух типов доказательств» («二重證據法»), согласно которому древность стоит исследовать по данным письменных и археологических источников. При этом не стоит искать достоверность изложенных фактов и событий о древности, их нужно «интерпретировать» 釋. В 1994 г. была опубликована программная статья приведенного выше доклада, а также работа под названием «Дискуссия о “доверии древности, сомнении древности и интерпретации древности”» («談“信古、疑古、釋古”»).

Подобный подход вызвал споры в академической среде, поскольку данная концепция отвечает потребностям официальной идеологии и в целом представляет собой возвращение к традиционной модели историографии только лишь с той разницей, что теперь учитываются археологические находки. Данный подход Ли Сюэцина не стал лидирующим, в тоже время «Сомнение в древности» сейчас вызывает интерес китайских историков уже в качестве страницы истории китайской историографии, нежели как действующая концепция.

Антитрадиционалистские взгляды школы не только нарушили постулаты традиционной концепции «唯古是信», но также повлияли на формирование академической китайской историографии и внесли огромный вклад в исследования представлений людей разных эпох о древности, расширили методы текстологического исследования. Канонические тексты впервые были использованы как рядовые исторические источники, а не как авторитетные эталоны. Результаты исследований сторонников школы имеют большую справочную ценность.

¹ См: *Дмитриев С.В.* Ли Сюэ-цинъ 李學勤 (28.03.1933 — 24.02.2019) // XLIX НКОГК, Ч. 1. М., 2019. С. 652–662.

«Новый быт» 1920-х гг.

как коммуникативный проект: между утопией и реальностью

Установление Советской власти потребовало немедленного введения порядков, соответствовавших большевистским представлениям о социалистической организации не только политических, социальных, культурных отношений в новом Советском государстве, но и жилищно-бытовых. Для большевиков проблема бытовой реорганизации имела принципиальное значение, т.к. лежала в основе коммунистической идеологии. Но крайняя необходимость скорейших преобразований столкнулась с проблемой отсутствия комплексного представления о формах необходимых изменений.

Углубившись в разработку теоретических основ коммунистической идеологии, идеологи марксизма не уделяли должного внимания практическим планам преобразования быта на социалистических началах. Так, разрабатывая идеи бытовой организации в социалистическом обществе, Ф. Энгельс в одной из своих ранних работ «Принципы коммунизма» (1847) поддерживает идею социалистов-утопистов о будущем расселении коммун граждан, занимающихся промышленностью и сельским хозяйством, в больших дворцах². Этот взгляд полностью повторяет утопические идеи Ш. Фурье, в соответствии с проектом которого община будущего должна была расселяться в фаланстерах, которые предполагали создание всех условий для полного

¹ Савосткина Регина – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

² См.: *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Сочинения: в 50 т. Т. 4. М., 1955. С. 333.

обобществления быта¹. Схожие идеи разделял и Р. Оуэн, предлагая проект расселения в поселках на 1200 жителей с обязательным устройством элементов обобществленного быта: общественной кухни, дошкольных и школьных учреждений, библиотек. Предполагалось создание системы обобществленного питания и воспитания детей² – это и должно было стать основой будущей бытовой организации. Уже позже Ф. Энгельс отказывается от подобных проектов, осуждает утопичность идей Р. Оуэна и Ш. Фурье, эта позиция была поддержана и К. Марксом, обвинявшим идеи социалистов-утопистов общественной реорганизации в «фантастичности»³. Данная точка зрения отразилась в труде Ф. Энгельса «К жилищному вопросу», написанном им в 1872 г. Здесь теоретик марксизма, отвергая проекты социалистов-утопистов, указывает на то, что практическое решение вопроса бытовой организации связано исключительно со временем и местом социалистической революции. Ф. Энгельс предлагает не заниматься «сочинением утопических систем устройства будущего общества»⁴ до тех пор, пока не будет уничтожен капиталистический способ производства⁵. Трансформация жилищно-бытового устройства, в представлении Ф. Энгельса, должна была произойти естественным путем в результате установления социалистической системы общественных отношений, когда уничтожение капитализма должно было высвободить необходимые ресурсы для преобразования рабочего быта.

¹ См.: *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям построенным на страстях. // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1939. С. 124.

² См.: *Оуэн Р.* Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.;Л., 1950. С. 110.

³ *Маркс К.* Второй набросок «Гражданской войны во Франции» // Сочинения: в 50 т. Т. 17. М., 1960. С. 562–563.

⁴ *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Сочинения: в 50 т. Т. 18. М., 1955. С. 221.

⁵ Там же. С. 259.

Отсутствие какой-либо модели практического решения вопроса бытовой реорганизации стало важной проблемой для большевиков после Октябрьской революции. Не имея возможности с должным вниманием обратиться к проблеме жилищно-бытового строительства, большевики в то же время не могли полностью отказаться от этой задачи – слишком большое значение уделяли коммунисты вопросу трансформации бытовых условий жизни пролетариата. Идея К. Маркса, высказанная им в «К критике политической экономии»: «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹, предполагала не только изменение системы политической организации, социального управления и устройства, уничтожение частной собственности, но и преобразование системы бытовой и жилищной организации. Изменение повседневных бытовых практик населения рассматривалось как необходимое условие в воспитании «Нового советского человека», в основе этой концепции лежало представление К. Маркса и Ф. Энгельса о тесной взаимосвязи быта и сознания: «какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами...»². Жилое пространство должно было не только создавать комфортные условия для жизни людей в новом обществе, но формировать мировоззрение, осуществлять идеологическое воспитание и вовлекать массы в строительство социалистического государства.

Таким образом, осознавая идеологическую важность жилищно-бытовой реорганизации, большевики после Октябрьской революции постоянно держали этот вопрос в фокусе своего внимания, пытаясь по мере сил уделять внимание его решению. Непосредственно после революции единственным возможным способом решить проблему

¹ Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения: в 30 т. Т. 13. М., 1959. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения: в 50 т. Т. 3. М., 1955. С. 19.

обеспечения жильем рабочих Петрограда, Москвы и других городов, находившихся под контролем большевиков, стало изъятие жилой площади, находившейся в собственности чуждых рабочему классу сословий. Правовой основой для этих действий стало Постановление «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса» Народного Комиссариата по внутренним делам РСФСР от 30 октября 1917 года¹, в соответствии с которым, городским самоуправлениям было дано право «секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья»². Это решение соответствовало предложенной Ф. Энгельсом программе о временном решении проблемы рабочего жилищного кризиса, высказанного им в его работе «К жилищному вопросу»: предписанием Ф. Энгельса была рекомендация разумно воспользоваться уже имеющимся в городах жилищным фондом, экспроприация которого позволит на первых этапах разрешить проблему пролетарского жилищного кризиса³.

Перераспределив жилой фонд, большевики на время решили проблему жилищного кризиса, который в первые годы гражданской войны ослаб в том числе и ввиду интенсивного оттока населения из городов. Но уже в первые годы Советской власти ни Гражданская война, ни глубочайший экономический кризис не мешали большевикам разрабатывать проекты будущего жилищно-бытового устройства, которое уже на тот момент начало приобретать формы искаженной утопии. С одной стороны, в общественном дискурсе, в архитектурных проектах этой эпохи начинают повторяться идеи Ш. Фурье о строительстве фаланстеров,

¹ См.: Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса // Полное собрание законодательства СССР. [Б. м.], 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_14.htm, свободный (дата обращения: 26.10.2019).

² Там же. П. 1.

³ См.: *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу... С. 221.

об устройстве пролетариата в коммунах, которые позволили бы реализовать идею обобществления быта, столь необходимую для создания истинно социалистической системы отношений в строящемся советском социуме. С другой стороны, именно необходимость налаживания жесткой системы перераспределения в условиях военного коммунизма порождала ситуацию, когда идеи организации системы общественного питания, совместного проживания становились вопросами выживания. По замечанию историка архитектуры А.В. Иконникова, после Октябрьской революции Ленин предложил создание свехутопии¹, реализация которой была просто невозможной. Следует же отметить, что формы бытовой реорганизации, реализуемой в 1917–1920-е гг., скорее приобретали черты антиутопии, в которой действительность настолько искажала сам проект утопии, что это привело к ее дальнейшему отторжению. Утопия социалистического преобразования быта, развиваясь в условиях советской действительности, привела к противоположному эффекту – к развитию индивидуалистических отношений в жилищно-бытовом устройстве.

Наиболее ярким примером формирования советской антиутопии бытового устройства становится организация социалистической системы общественного питания. Символическое значение совместной трапезы отмечают этнографы, антропологи, культурологи. Для социалистической идеологии организация системы общественного питания является основополагающей, так как не только является воплощением идеи социального равенства, но и отражает тенденцию к рационализации домашнего хозяйства, которое должно было стать основой эмансипации женщины. Так, например, Ш. Фурье настаивал на том, что именно система общественного питания должна стать базой для будущей социальной реорганизации, которая обеспечит, во-первых, освобождение женщины от необходимости заниматься этим для многих неподходящим

¹ См.: *Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура.* М., 2004. С. 291.

трудом, а, во-вторых, даст колоссальную экономию: «Десятка знатоков своего дела будет достаточно, чтобы заменить 300 женщин, необходимых при режиме цивилизации, не обладающем многими механизмами, используемыми кухней, приготавливающей пищу на 1 800 человек. [...] При таком положении вещей народ будет затрачивать на обильное питание гораздо меньше того, что он тратит теперь на свой скудный стол»¹.

И если в вопросах жилищной организации на разных этапах строительства советского социума возникали дискуссии и выдвигались порой диаметрально противоположные идеи, то в отношении необходимости создания системы общественного питания споров в коммунистическом дискурсе не возникало. Система питания в гигантских столовых, высказанная еще Ш. Фурье и Р. Оуэном, была практически без изменений поддержана большевиками в 1917 г. Но именно с этого момента советская действительность начинает искажать идею, придавая ей форму не желанного идеала, а неотвратимой действительности, которая должна быть отвергнута сразу, как только это станет возможным.

Началом формирования антиутопии становится тот самый момент, когда система общественного питания приобретает важность для советской действительности военного коммунизма как система перераспределения продовольствия. Обеспечение трудящихся пайком происходила, как правило, через пункты общественного питания, которые устраивались при производствах. Как замечает историк Н. Лебина, в Москве в начале 1919 г. в столовых питалось около миллиона человек, а в Петрограде пунктов общественного питания в начале 1920-го г. насчитывалось около 700². Насущная необходимость скорой организации многочисленных столовых при отсутствии необходимых средств,

¹ Фурье Ш. Указ. соч. С. 16.

² См.: Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 19.

приводила к нелепым, неуклюжим формам общественного питания. Примечательны замечания доктора М.И. Покровской, сделанные ей в 1921 г. при обследовании столовых Петрограда. Так, например, описывая одну из «столовых» той эпохи, она дает ей следующую характеристику: «Есть столовая, но в ней не готовят, но дают только кипяток»¹. Большинство заведений общественного питания, описываемых в этот период, имеет грязный, неухоженный, неопрятный вид, который не только отторгает, но и стимулирует желание обособиться, отстраниться, непременно вернуть прежние индивидуальные формы семейного питания, которые являлись не только способом принятия пищи, но и элементом внутрисемейной коммуникации. Поэтому незамедлительно после устранения жизненно важной необходимости получения пайка, советские граждане в годы НЭПа начинают массово отказываться от питания в советских столовых.

Уже с 1923 г. на страницах журнала «Работница» начинается активная пропаганда не только возвращения к системе обобщественного питания, но и активного участия женщин в ее устройстве и контроле. В попытке преодолеть отторжение системы общественного питания советскими женщинами, происходит анализ причин, служивших нежеланию граждан переходить на систему обобщественного питания. Так среди них отмечается дороговизна питания в столовых², неустройство, грязь, антисанитария. По замечанию активистки Е. Микулиной, проводившей обследования столовых в 1929 г., «из всех посетителей столовых Москвы женщин не больше 1,5–2 процентов»³. Тем не менее, пропаганда участия женского населения в устройстве столовых будет продолжаться вплоть до середины 1930-х гг., когда от

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 1Б. Л. 15.

² См.: Нужна ли работнице организация быта на общественных началах // Работница. 1923. № 2. С. 17.

³ Микулина Е. По рабочим столовым // Там же. 1929. № 5. С. 4

общественной инициативы постепенно начнут отказываться, а общественная организация начнет приобретать новые формы, удовлетворяя уже иные общественно-политические запросы эпохи. Но до этого времени будет предпринято еще несколько попыток реанимировать идею обобществления питания.

В самом начале 1930-х гг. стимулом для возрождения идеи организации столовых становится возвращение системы дифференцированного питания в зависимости от трудовых успехов – предлагается не только улучшать паек ударников, но и создавать для них более обособленные и комфортные условия: предлагается организовывать для них отдельные столы для питания, накрытые белыми скатертями¹ с улучшенным пайком. Улучшенное питание предлагалось организовывать за счет создания собственной производственной базы – рабочих огородов, выращивания скота, «озер для разведения рыбы»². Но и эти меры не дали должного результата: проект по созданию советской системы общественного питания можно было считать провалившимся, даже несмотря на строительство фабрик-кухонь и последующие попытки расширения системы обобществления питания.

Система работала только там, где пользование системой общественного питания было вынужденной мерой – на производствах, в детских учреждениях. В сфере же индивидуального домашнего хозяйства идея отказа от домашней кухни не получила никакого распространения. Напротив, с середины 1930-х все больше внимания уделяется в женских журналах рубрикам по ведению домашнего хозяйства, все меньше призывов к участию в обобществлении быта. Символическим отказом от утопии становится, пожалуй, публикация в 1939 г. знаменитой «Книги о

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 8.

² Там же.

вкусной и здоровой пище», ставшей символом «сытых» предвоенных лет Третьей пятилетки.

Отказ от утопии создания системы общественного питания, превратившейся в антиутопию в условиях советской послереволюционной действительности, стал серьезным шагом и к общему уходу от идей обобществления быта, провозглашавшихся социалистами-утопистами и во многих чертах поддержанных и большевиками после Октябрьской революции. Причин подобной трансформации представлений об идеале общественного устройства, разумеется, много. Но основной, несомненно, становится та неорганизованность реализации идеи обобществления быта, которая была осуществлена непосредственно после установления Советской власти. Постоянная нужда не искореняла, а, напротив, подпитывала индивидуалистические тенденции, столь противные коммунистической идеологии. Но голод, неопределенность, отсутствие действительной веры в пропагандируемые идеи у большинства населения рождает двойную реальность: глубинную, личную, отражающуюся в повседневных практиках советских людей, и демонстративную, публичную, выражаемую в общественном дискурсе, пропагандируемых идеях, в конформистском повторении заученных тезисов.

Отсутствие коммуникации между властью и массой, которая позволила бы учитывать настроения, предпочтения, идеи, намерения, устремления граждан. Насильственное навязывание ценностей, не разделяемых большей частью населения, более того, с уверенностью можно сказать, что не только не разделяемых, но и не понимаемых. Отсутствие плана преобразования жилищно-бытовой организации на социалистических началах. Разобщенность действий, подчиняющихся не идее, а только ее форме, порождает ту искаженную действительность, которая не только мешает внедрению утопии, которая должна была стать

основой для формирования нового социума, воспитания «Нового советского человека», но и навсегда уничтожает ее, отторгая и превращая не только в недостижимый идеал, но и в антиутопию.

Особенности формирования историографии о Первой Мировой войне в России и на Западе

Первая мировая война – одно из самых трагических и роковых событий в истории человечества. Возникшая в результате социальных, межгосударственных и межэтнических противоречий, она оказала колоссальное влияние на дальнейший ход истории и по-прежнему занимает заметное место в сознании людей, привлекая к себе их внимание. Несмотря на прошедшие десятилетия, интерес к Первой мировой войне не иссякает, а даже возрастает. В Европе отношение к Первой мировой войне особое – ее считают одним из главных событий XX в. В то время как в России в течение долгого времени это событие было практически забыто. История Первой мировой войны была искажена советской пропагандой: ее оценивали, как «захватническую» и «империалистическую бойню». Вследствие чего не так много трудов было посвящено Первой мировой войне в советский период.

В мировой историографии многие десятилетия остаются дискуссионными вопросы о происхождении и целях Первой мировой войны. В национальных историографиях Великобритании, США, Франции просматривалось желание оправдать предвоенную политику своих правительств. Причины войны виделись, как правило, в стремлении Германии к мировому господству. Однако в немецкой исторической науке долгое время отрицалось стремление Германии к мировой гегемонии. Господствовал тезис о том, что Германия вела превентивную,

¹ Ступанская Елизавета Сергеевна – аспирант кафедры Американских исследований ФЗРиМО ИАИ РГГУ.

оборонительную войну. Утверждалось, что это была война и против западного либерализма, и против русского царизма, «азиатского деспота», которые хотели навязать немцам чуждый им образ жизни. Об этом же писали в мемуарах бывшие германские рейхсканцлеры Теобальд Бетман-Гольвег, Георг фон Гертлинг, Макс Баденский, министры и дипломаты Маттиас Эрцбергер, Карл Гельферих, Рихард фон Кюльман, генералы Пауль фон Гинденбург, Эрих Людендорф, Эрих фон Фалькенхайн и др.

Создание историографии истории России в период Первой мировой войны началось уже в 1920-е гг., когда формировалось само названное направление исторических исследований. Как правило, в этот период выходили в основном рецензии, предисловия к различным документальным и монографическим изданиям, комментарии и отклики ученых. Так, воспоминания Т. Бетмана-Гольвега «Мысли о войне»-канцлера Германии в 1909–1917 гг. вышли с предисловием В. Гурко-Кряжина¹. Он характеризовал мемуариста как совершенно неспособного, растерявшегося политика, провалившегося в своей политике компромиссов. Доводы Бетмана-Гольвега касательно миролюбия Германии и ее лидеров накануне и в годы мировой войны он расценивал как трусливую политику выгадывания времени². Этот курс рецензент считал характерным и для Германии 1920-х гг. В целом подобного рода предисловия имели прежде всего политически заданный характер.

Крупных историографических трудов по истории России в 1914–1918 гг. вплоть до второй половины XX века в нашей стране не появлялось. Анализируя основные проблемы и некоторые итоги развития советской историографии, А.Л. Сидоров в 1955 г. резюмировал, что основное внимание советские историки уделяли международным отношениям эпохи империализма, много сделали для выявления и

¹ См.: *Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне*. М., 1925.

² Там же.

публикации документальных материалов о внешней политике стран – участниц Антанты и Тройственного Союза в годы мировой войны¹. Доказывалась решающая роль англогерманского антагонизма в развязывании глобального конфликта. Приоритетное место в советской историографии занимала революционная тематика и все аспекты истории военного времени, связанные с этим направлением.

Заметно активизировалась научная мысль в изучении истории Первой мировой войны с 1960-х гг. В частности, значительное внимание в историографическом осмыслении проблем истории Первой мировой войны советские историографы уделяли критике западной, немарксистской исторической литературы о происхождении войны, международных отношениях в начале века и непосредственно во время войны, политике отдельных держав и блоков в 1914–1918 гг.

При этом на историографические труды заметный отпечаток накладывали идеология «холодной войны», оторванность от достижений передовой научной мысли за рубежом. В частности, В.И. Бовыкин в 1961 г. подробно анализировал труды западных ученых об истории возникновения войны². Он подчеркивал, что при всем разнообразии методов освещения происхождения мировой войны буржуазных историков объединяет стремление обойти вопрос об ее империалистическом характере.

Советская историография (М.Э. Айрапетян, В.И. Бовыкин, К.Б. Виноградов, А.С. Ерусалимский, Ф.И. Нотович, К.Ф. Шаццлло и др.) видела главный источник войны в межимпериалистических противоречиях, обострившихся в результате борьбы великих держав за передел мира. Германия признавалась самой агрессивной

¹ См.: *Исламов Т.М.* Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 3.

² См.: *Бовыкин В.И.* Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961. С. 21–22, 43, 52.

империалистической страной капиталистического мира, стремившейся разрушить существующий миропорядок.

Важное место в историографии истории Первой мировой войны в 1970–80-е гг. заняли вопросы эволюции политической системы России. Существенный вклад в конкретно-историческое изучение и историографическое осмысление проблемы внес своими трудами А.Я. Аврех¹. В частности, в монографии «Третьеиюньская система» он высказал свою точку зрения по поводу дискуссионных вопросов темы. Так, историк обращал внимание на то, что именно в либеральной оппозиции западная буржуазная историография видела так или иначе ту реальную альтернативу, которая противостояла социалистической революции в России.

Конец XX в. открыл новый период в исследовании проблемы происхождения Первой мировой войны. Этому способствовал ряд факторов. Крах биполярной системы, участвовавшие с 1990-х гг. международные кризисы и локальные войны придали особую актуальность отдаленным от нас вековой дистанцией событиям, которые дали импульс развалу Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй и революционной трансформации мира. На страницах научных изданий появляются не характерные для такого рода литературы параллели между современностью и предвоенным временем, отличавшимся возникновением глобальной экономики, множественностью центров силы на международной арене и серьезными изменениями в обществах европейских стран².

Новый поворот в развитии историографии истории России в годы Первой мировой войны обозначился в последнее 15-летие XX в. Его

¹ См.: Аврех А.Я. Третьеиюньская система. М., 1985.

² См.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008; Согрин В.В. Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 99–106.

качественное отличие определяется общими сдвигами в развитии отечественной исторической науки – расширение источниковой базы исследований, обновление и дополнение тематики научных работ, освобождение от идеологической и иной ангажированности, снятие запретов на изучение различных эпизодов истории, диктовавшихся политической конъюнктурой (впрочем, до конца эта проблема, характерная и для зарубежной историографии, не решена), утверждение плюрализма мнений и развитие творческого сотрудничества, интеграции исследований российских и зарубежных специалистов и др.¹

В западной исторической науке все чаще выдвигаются идеи о невозможности объективного оценивания прогрессивности или регрессивности общественных процессов. На первый план вышла теория «согласованных интересов», которой придерживался, например, Ричард Хофстедтер². Теория говорит, что американское общество на его историческом пути всегда отличало единство по фундаментальным вопросам общественного устройства и отсутствием значительных конфликтов политического характера.

В целом все же для западной историографии традиционно более важен был вопрос вины в развязывании войны. Статья 231 Версальского мирного договора о том, что война была навязана нападением Германии и ее союзников и именно они несут ответственность за убытки, причинённые государствам Антанты, стала подвергаться сомнению фактически сразу же после завершения Парижской мирной конференции, и не только в Германии.

В Великобритании, США и даже во Франции нашлись историки, утверждавшие, что Европа не столь уж сопротивлялась попыткам

¹ См.: *Васюков В.С.* Мир на пороге войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 32.

² См.: *Mombauer A.* The Origins of the First World War: controversies and consensus. L., P. 202.

Германии навязать ей войну. «Миротворцы, которых мучила совесть, размышляли, а справедливо ли то, что они сотворили», – подметил Г. Киссинджер¹. Однако, после Второй мировой войны в 1961 г. в Гамбурге немецкий историк Ф. Фишер пришёл к выводу о подготовке в Германии превентивного удара. К 80-м гг. XX в. «парадигма Фишера» о значительной ответственности Германии за развязывание не только Второй, но и Первой мировой войны утвердилась в германской историографии, школьных учебниках, СМИ². Сегодня она вновь поставлена под сомнение³. Иначе говоря, проблема причин начала Великой войны пережила уже много периодов радикальных изменений в подходах и интерпретациях, но по-прежнему остаётся сложнейшей головоломкой исторической науки. В последние десятилетия можно наблюдать очередную волну ревизии устоявшихся концепций, особенно усилившуюся в преддверии 100-летнего юбилея. В западной части Старого Света ревизионизм связан с новыми реалиями европейского объединения, требующего формирования общей миролюбивой концепции исторического прошлого, а также с усилением Германии. В Восточной Европе радикальное переписывание истории обусловлено сбрасыванием в 1989 г. "цепей пролетарского интернационализма" и созданием новых национальных историй, призванных разоблачить прежних союзников по Варшавскому договору. Ревизионизм имеет как общие черты, так и национальные особенности⁴.

Актуальным для современных специалистов по германской истории является изучение представлений о войне не только военной элиты, но и широких слоев общества. В историографии продолжаются дискуссии об

¹ См.: *Kissinger H. World Order. L., 2015. P. 113.*

² См.: *Brose E.D. A history of the Great War: World War One and the international crisis of the early twentieth century. N. Y.; Oxford, 2010. P. 41.*

³ См.: *Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L., 2004. P. 299.*

⁴ См.: *Walsh B. Modern World History. Cambridge, 2013. P. 1–3.*

истоках, носителях и степени распространения милитаристских настроений в Германии накануне Первой мировой войны¹.

Для англосаксонской историографии характерно обращаться к глубинным причинам войны, что особенно хорошо видно на примере учебной литературы, больше придерживающейся традиционных схем. Прежде всего учебники выделяют соревнование европейских держав и их борьбу за колонии. Важную причину войны исследователи видят в противоречиях между великими державами: в борьбе Великобритании и Германии за господство в военно-морском пространстве, в франко-германском соперничестве после войны 1870–1871 гг., в пересечении на Балканах интересов Турции, России и Австрии. При этом они более склонны искать предпосылки этих противоречий в стремлении европейских стран не потерять статус великой державы и сохранить престиж на международной арене, нежели в их экономической подоплеке. Так, ирландский военный историк У. Маллиган² считает, что агрессивная внешняя политика России проистекала из ощущения военной слабости после поражения в Русско-японской войне, а роль в судьбе Балкан рассматривалась ею как «тестовая площадка статуса великой державы». Американские историки С. Уильямсон и Р. ван Вик³ также отмечают, что Россия чувствовала себя униженной во время Боснийского кризиса, когда в обмен на признание аннексии Боснии и Герцеговины она не получила обещанного права на проход боевых кораблей через Черноморские проливы и не смогла вмешаться, опасаясь конфликта с Германией и Австро-Венгрией. Не могла отказаться от союза с Россией и Франция, так

¹ См.: *Krüger C.* Fronterfahrung und Heimatalltag im Ersten Weltkrieg: Feldpost als Quelle. Schwalbach, 2010. S. 45.

² См.: *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010. P. 153–154.

³ См.: *Williamson S., Van Wyk R.* July 1914: soldiers, statesmen, and the coming of the Great War. Boston; N. Y., 2003. P. 115.

как боялась потерять статус великой силы, отмечает английский историк Д. Стивенсон¹.

В последние 30-40 лет наметились новые тенденции в изучении проблемы происхождения Первой мировой войны. Значительный вклад в ее разработку внесла французская школа историков академика Пьера Ренувена². Она отказалась от принципа монизма в происхождении войны и признала ее истоком взаимодействие формально равноправных по своей значимости факторов. В настоящее время большинство историков, в том числе и российских, считают, что Первая мировая война была результатом длительного действия «глубинных сил» материального и духовного характера. Война представляется следствием сложного переплетения экономических, геополитических, дипломатических, идеологических, психологических, национальных факторов.

В исторической науке усиливается характерный для эпохи постструктурализма интерес к альтернативной истории и придаётся особая важность роли и амбициям отдельных лиц в процессе принятия решений. В самой же России, несмотря на растущий интерес к проблемам истории Первой мировой войны в последние годы, в исторических исследованиях события 1914–1918 гг. по-прежнему остаются в тени других конфликтов, участницей которых была Россия, что особенно заметно на фоне зарубежной историографии.

¹ См.: *Стивънсън Д.* 1914–1918. Историята на Първата световна война. София, 2008. С. 93.

² См.: *Keiger J.F.V.* The Fischer Controversy, the War Origins Debate and France: a Non-History // *Journal of Contemporary History*. 2013. V. 48. № 2.

Тенденции изучения истории России в Новое время в Японии

Исследование истории России в Японии началось относительно недавно – с окончанием Второй мировой войны. На данный момент можно выделить три этапа японской историографии:

1) Первое поколение – работы С. Ториямы и Ц. Дохи, которые стали основой для последующих трудов. Целью авторов было представить историографию по указанной теме, а также продемонстрировать сходство или отличие государственной и социальной систем России и европейских стран. Собственных концепций историки не выдвигали, поскольку в то время не имели возможности использовать архивы в России. В связи с этим авторам приходилось использовать опубликованные в России или в Европе работы.

2) Второе поколение – работы К. Тоекавы и его коллег. Преимущество этого поколения состояло в том, что исследовали получили возможность работать в российских архивах.

3) Третье поколение – работы Е. Танаки и других исследователей.

Каждое из представленных поколений сформировало свои уникальные черты в процессе исследования истории России. Задача этой статьи – показать, какие проблемы российской истории Нового времени (в особенности – XVIII столетия) оказались в поле зрения японских историков.

Работы С. Ториямы можно считать базой для изучения истории России в XVIII веке. В период творческой деятельности историка

¹ Судзуки Юри – аспирант кафедры истории России средневековья и Нового времени ФАД ИАИ РГГУ.

исследователям было еще сложно пользоваться архивами, поэтому, используя опубликованные работы в России или Европе, С. Торияма рассмотрел и представил историографический анализ работ российских и европейских авторов, посвященных истории России Нового времени¹. В частности, его работа о дворянстве и бюрократии в XVIII в. рассказывает о представлениях С.М. Троицкого, который отметил довольно высокий процент лиц недворянского происхождения в российской чиновничьей среде. Используя также работы Х.М. Пинтнера (W.M. Pintner) и К. Герки (C. Goehrke), С. Торияма представляет российский социум в XVIII в. как «открытое общество», которое разрешает «недворянам» становится чиновниками, что, по мнению автора, выделяет Россию на фоне Западной Европы².

Исследования С. Ториямы продолжил Ц. Дохи, изучавший проблемы историографии и социально-экономической истории. В работе о русской деревне в период правления Петра I автор осветил отношения крестьян с помещиками, а также представил результаты введения в России подушной подати. Автор отмечает противодействие крестьян введению данного налога, рост недоимок, снижения суммы подушного налога, жалобы чиновников по поводу данной реформы и др. С точки зрения автора, это является свидетельством жертв, приносимых крестьянским населением в период социальных реформ Петра I. Согласно Ц. Дохи, по сравнению с подворной податью подушный налог был более тяжелым для крестьян, поскольку не позволял скрывать в рамках одного

¹ См.: Торияма Сигето Государство и общество в России и Восточной Европе. Кобун-ся, Токио, 1985. (鳥山成人『ロシア・東欧の国家と社会』恒文社、1985年。).

² См.: Торияма Сигето. Дворянство и бюрократия в России в XVIII веке // Разнообразные вопросы о формировании государства в Новое время. Бокутаку-ся, Токио, 1979.

(鳥山成人「18世紀ロシアの貴族と官僚」吉岡昭彦・成瀬治編『近代国家形成の諸問題』木鐸社、1979年、72-92頁。).

двора несколько семей, а государство, в свою очередь, сурово наказывало за нарушения в данной сфере¹. В то же время Е.В. Анисимов представил данные о подушном налоге, которые показывают, что, по сравнению с подворной податью, бремя данного налога увеличилось незначительно. Хотя взгляд Ц. Дохи сейчас можно считать не вполне верным, однако работа японского историка позволила другим исследователям узнать несколько аспектов об отношениях между государством и крестьянским населением.

Об отношении крестьян к церкви автор рассказал в другой своей работе, посвященной самоуправлению крестьян в северной России в XVII в. В ней автор показал двойственный характер имевших место отношений. С одной стороны, крестьяне поклонялись святым и не скупились жертвовать в церкви и монастыри. С другой – боролись против монастырей в судах по вопросам землевладения и выплаты налогов².

Как мы видим, работы С. Ториямы и Ц. Дохи базируются на опубликованных в России и Европе трудах. В их взглядах и методах исследования отражаются тенденции своего времени: внимание к проблемам социальной истории, а также активное использование просопографического метода и др.

В настоящее время, темы исследований японских историков довольно разнообразны. Здесь выделим лишь несколько тенденций.

В последнее время в японской историографии активно появляются исследования, посвященные национальным меньшинствам. В частности, японским авторам принадлежат работы о старообрядчестве, мифах о Беловодье, или же о веривших в подобные мифы старообрядцах, которые

¹ См.: Дохи Цунёюки. История сельского общества в Новое время в России. Соубун-ся, Токио, 1987. (土肥恒之『ロシア近世農村社会史』創文社、1987年。)

² См.: Он же. Социальный мир России. Токио, 2010. (土肥恒之『ロシア社会史の世界』日本エディターズスクール出版部、2010年。)

жили или приезжали в Японию в XIX в. В 2019 г. была опубликована одна из таких работ¹. Данный труд впервые демонстрирует самые разные оценки данного феномена.

К. Тоекава, изучая «дело» Ярова в Симбирске в 1732 г., показал, как государство относится к народным нравам и обычаям. По итогам суда государство наказало его как еретика, а не как лекаря. Хотя некоторые историки считают, что XVIII в. – это эпоха конфликта между традиционным мировоззрением и разумной верой, автор полагает его характер гибридным, судя по сохранению народных нравов и обычаев (например, в деревне существовала традиция приглашать на свадьбу чародея, как в картине «Приход колдуна на свадьбу» В.М. Максимова)².

Другая работа К. Тоекавы показывает значение Российской академии наук, в особенности значение экспедиций, которые были отправлены в разные уголки России. Государство постепенно начинает изучать страну и населяющие ее народы. Экспедиции Беринга и других исследователей изучали топографию, историю, природу отдельных мест, дабы сделать их управление более эффективным. Целями Оренбургской экспедиции Кирилова являлись научное исследование, постройка оборонительной линии и укрепление контроля государства за юго-восточной частью России, в т. ч. развитие торговли с Центральной Азией, Индией и Китаем. Однако местные жители, в особенности башкиры, довольно болезненно реагировали на действия экспедиции. Они восприняли ее как нарушение договора о покровительстве и колонизацию их земель. Началось восстание, которое было жестоко подавлено. Сам

¹ См.: *Сакамото Хидеаки, Наказава Ацуко и др.* История и культура православного старообрядчества. Токио, 2019.

(阪本秀明、中澤敦夫編著『ロシア正教古儀式派の歴史と文化』明石書店、2019年。)

² См.: *Тоекава Коити.* «Экспедиция» и изменяющееся познание пространства России в XVIII веке: Оренбургская экспедиция Кирилова и дело Ярова. 2016. (豊川浩一『18世紀ロシアの「探検」と変容する空間認識』山川出版社、東京、2016年。)

организатор экспедиции полагал, что восставшие должны быть строго наказаны и даже подвергнуться уничтожению¹.

В последние годы в японской историографии вновь возникает интерес к проблемам государственной системы. Можно заметить обращение исследователей к изучению правящей элиты. Исследование Е. Танаки о кавалергардском корпусе при Екатерине I раскрывает особенности этой «прослойки» общества. Проводя сравнение с гвардейскими войсками, автор представил цель создания корпуса, его структуру, задачи, жалование, а также судьбу после расформирования и т.д. Применяя просопографический метод в качестве ключевого, автор обращал внимание на происхождение и прошлое членов корпуса. Е.Танаки было отмечено, что образование корпуса являлось попыткой перераспределения и возвышения способных людей – но не представителей знати, а офицеров из обычных армейских полков.

В итоге автор пришел к заключению, что кавалергардский корпус и гвардия функционировали как элита, в которой воспитываются и назначаются талантливые люди, способные служить государству в самых разных сферах. Автор обратил внимание, что на составление (прием) и управление кавалергардским корпусом оказывал влияние непосредственно А.Д. Меншиков. Так, историком было подчеркнуто его влияние на прием в корпус 8 апреля 1726 г. 30 человек, ибо еще 29 марта Александр Данилович инспектировал кандидатов на прием, что было отмечено в повседневных записках².

¹ См.: *Токава Коити* Россия во время просвещения и колониальной политики И.К. Кирилова // Славянское и восточное европейское исследование. 2010. № 30. С. 45–58. (豊川浩一「啓蒙時代のロシアと I. K. キリ-コフの植民政策」『Japanese Slavic and East European studies』第 30 号、2010 年、45–58 頁。).

² См.: *Танака Есихиде* Армия и русское дворянство в первой половине XVIII века: создание и действие кавалергардского корпуса 1720-х // Исследование России и

При исследовании интеграции иностранных элит в чиновнической сфере во второй половине XVIII в. автор вначале показывает отношение государственной власти к иностранцам с эпохи Петра I до царствования Екатерины II. По его словам, при Петре I приглашались разнообразные иностранные специалисты на выгодных условиях; затем отбор стал строже и проводился в индивидуальном порядке. При Екатерине II приезд иностранцев опять стал массовым, исключая иудеев. Ее политика предусматривала переезд или переселение, которое можно назвать «колонизацией».

В сферу интересов Е. Танака также входило изучение тех мест, откуда прибывали иноземцы (Германия, Прибалтика, Англия, Франция, Греция и т. д.), начинавшие службу в Российском государстве XVIII в. При этом автор прибегал к изучению адрес-календарей и календарей другого типа при помощи генеалогических и просопографических методов. Из-за изменения политической и религиозной ситуации на родине, англичане и поляки стали реже приезжать в Россию, в то время как увеличилось количество французов и людей из стран между католическим, православным и мусульманским мирами: Молдавии и Валахии. Исключая дипломатическую сферу, которая требует знакомства с иностранными языками и нравами, автором отмечается, что в других сферах чиновничьего мира происходило снижение влияния иностранцев¹.

Восточной Европы. 2009. № 38. С. 72–88. (田中良英「18世紀前半における軍隊とロシア貴族—近衛重騎兵隊の創設と活動を中心に—」『ロシア・東欧研究』第38号、2009年、72-88頁。).

¹ См.: Танака Есихиде. Интеграция иностранных элит в чиновническом мире во второй половине XVIII века // Бюллетень Мияги педагогический университет. № 51. 2017. С. 65–82.

(田中良英「18世紀後半におけるロシア官界と非ロシア人エリート」『宮城教育大学紀要』第51巻、2017年、65–82頁。).

В исследованиях, посвященных А.И. Остерману и А.М. Девиеру, историком был использован традиционный биографический метод¹. В работе, рассказывающей об А.И. Остермане, обращалось внимание, что идеологическая и образовательная атмосфера, которая окружала чиновника на родине, способствовала его успешному продвижению по карьерной лестнице в дипломатической сфере. Как отметил Д.П. ЛеДонн (J.P. LeDonne), брак А.И. Остермана с Марфой Ивановной Стрешневой означал присоединение таких выдвиженцев к верхушке правящего сословия. Вслед за этим автор анализирует деятельность и отношения Остермана с другими людьми через изучение мемуаров И.И. Неплюева. Данный источник показывает, что в 1723–1724 гг. Остерман уже считался превосходным дипломатом.

При дворе Остермана часто устраивали собрания, в которых участвовали иностранные посланники и министры. Собрания служили местом контактов высших российских чиновников с иностранцами. Кроме того, автор обращает внимание на атмосферу на родине Остермана. На момент его рождения в Германии были популярны пиетизм, камеральные науки и просвещение. У всех этих направлений имелись общие черты: критика Церкви; оценка реформ государя с позиции общего блага; представление конкретного материала в процессе управления страной. Такая атмосфера в Германии более или менее оказывала влияние на Остермана. Автор также обращает внимание на успешную карьеру в

¹ См.: *Танака Есихиде* Самодержавие и немецкая элита в Российской империи в XVIII веке: роль Остермана в российской дипломатии // Исследование Российской истории. 2009. № 84. С. 64–81.

(田中良英「一八世紀ロシア帝国における専制とドイツ人エリート：ロシア外交に対するオステルマンの役割を手がかりに(<特集>2008 年度大会)」『ロシア史研究』第 84 号、2009 年、64-81 頁。); *Танака Есихиде* Португалец Девиер и полиция во время построения Санкт-Петербурга // Бюллетень Мяги педагогический университет. № 52. 2018. С. 57–70. (田中良英「ポルトガル人デ=ヴィエイラと創建時ペテルブルク市のポリツアイ」『宮城教育大学紀要』第 52 巻、2018 年、57–70 頁。).

российском государстве как самого Остермана, так и его сына (Ивана Андреевича Остермана). Он считает, что именно благодаря немецким наукам они могли достичь успеха, вопреки российскому окружению и влиянию православия.

Воспитание И.А. Остермана отличалось от обычного воспитания других русских дворян, потому что в то время в дворянской среде Германии домашнее обучение этикету играло крайне важную роль. Карьерные успехи А.И. Остермана и И.А. Остермана доказывают, что на протяжении XVIII в. в российском государстве способные, талантливые иноземцы были очень востребованы.

В заключение автор отмечает, что причиной, которая определила успех Остермана в сфере государственной деятельности, являлась сильная власть монарха в XVIII в. Русский царь имел возможность использовать на государственной службе способных людей, вне зависимости от их происхождения. В связи с этим мы имеем возможность оценивать систему самодержавия как систему рациональную, способствовавшую развитию российского государства. Самодержавие имело возможность использовать способных людей быстрее и проще, чем другая правящая система. Кроме того, в то время в Российской империи иноземцы могли свободно исповедовать свою веру. От способных иностранцев не требовалось слишком высоких знаний. Такие люди, которых на родине не считали самыми способными, могли успешно служить и приносить пользу России.

В империи иностранцы более всего были востребованы в практических сферах – в административных органах и армии, нежели в научных или теоретических областях. К тому же иноземцы легко покидали свою родину, чтобы служить в подходящем для себя месте. Такой характер (лучше сказать менталитет, по которому люди не стремятся или не могут служить родной стране) тоже шел на благо России.

Несмотря на то, что изучение Российской истории в японской историографии не имеет длительной традиции, данное направление постепенно и целенаправленно развивается. Можно отметить, что в настоящее время в научной литературе присутствует интерес к изучению национальных меньшинств и государственной системы России, равно как и Англии, Франции, Германии и ряда других государств. Открытие российских архивов для иностранных исследователей позволит более глубоко изучить представленные темы.

Государственная Дума Российской империи и межпарламентская дипломатия в 1906–1914 гг. (по материалам прессы)

Созыв Государственной Думы в 1906 г. стал беспрецедентным внутриполитическим событием в русской истории. Впервые русский народ получил возможность влиять на принятие законов через выборный орган, которым стала Дума. Она являлась символом новой, демократической жизни. Однако и внешнеполитический аспект этого события имел значительное влияние. Россия, ранее бывшая самодержавной, вошла в клуб парламентских держав, которые горячо приветствовали ее в своих рядах.

Межпарламентская дипломатия в рассматриваемый период – совершенно новая форма активности депутатов стран Европы. Делегаты не получали мандаты от собственных правительств, их полномочия были не определены, а в чем могла заключаться повестка межпарламентских форумов, мало кто догадывался. В тоже время западноевропейские парламентарии представляли политические элиты своих стран, поэтому переговоры между ними имели существенное значение – сегодняшний депутат мог завтра оказаться министром.

В отношении российских парламентариев такого сказать нельзя, статус депутата Государственной Думы сильно уступал статусу английского и французского парламентариев. Главное, что было в распоряжении думцев – возможность воздействовать на общественное мнение России и Западной Европы. Таким образом, внутри России можно

¹ Тихонов Петр Петрович – магистрант второго года обучения кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

было рассчитывать упрочить положение Думы, а за ее пределами – изменить образ страны. Этот аспект межпарламентской дипломатии и будет специально рассмотрен в данной работе. В российской науке проблема межпарламентской дипломатии находит отражение в современной политологической литературе, однако в исторических работах внешнеполитический аспект работы Государственной Думы, который сыграл важную роль в формировании образа России на западе, в полной мере раскрыт не был.

Исследуемые вопросы были частично затронуты в работах И.В. Бестужева¹, И.В. Алексеевой². Их объединяет попытка объяснить внешнеполитическую стратегию думцев с позиций их собственных интересов. Если И.В. Бестужев связывает их с экономическими интересами буржуазии, то И.В. Алексеева концентрируется на тезисе, что межпарламентские контакты были инструментом политики либеральных партий, использовавшимся в целях борьбы против царского правительства. Однако оценка межпарламентской дипломатии общественными силами исследователем затронута не была. Проблема межпарламентской дипломатии была поднята в статьях В.А. Кустова³. Автор анализирует идеи Государственной думы относительно вмешательства во внешнюю политику Российской империи, упоминает о парламентских дискуссиях по этому поводу и упоминает участие депутатской делегации на межпарламентской конференции в 1915 г.

¹ См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. М., 1961. С. 34–43, 53–83.

² См.: *Алексеева И.В.* Агония Сердечного согласия. Л., 1990. С. 168–195.

³ См.: *Кустов В.А.* Представительская власть в системе формирования внешней политики Российской империи // *Известия Саратовского ун-та.* Т. 14. 2009. С. 31–39.

Проблема поднимается и в работе Микаеля Хьюза¹, где он освещает неформальную дипломатию с английской стороны через деятельность Бернарда Парса. Именно Парс вместе с корреспондентом Таймс Дональдом Макензи Волласом стал главным британским экспертом по русским делам. Несмотря на то, что так и не поступил на государственную службу, он занял уникальное положение – с одной стороны, был вхож в депутатские круги, а с другой – легко мог попасть на прием к высшим чиновникам Великобритании. Бернард Парс организовывал поездку русских депутатов в Великобританию в 1909 г. и в целом способствовал утверждению благоприятного имиджа Государственной Думы третьего созыва у себя на родине. Главной целью Бернарда Парса было установить дружеские отношения между представителями русской и британской элиты, а не прийти к каким-то договоренностям².

Таким образом, в предшествующих работах не был затронут аспект межпарламентской дипломатии с точки зрения его влияния на общественное мнение участвующих в диалоге стран. Рассмотренные работы в большей степени концентрируются на традиционной проблематике и не привлекают в качестве источника прессу, которая позволила бы раскрыть влияние и эффективность межпарламентской дипломатии.

В качестве источников исследования была привлечена русская (Правительственный вестник, Новое время, Московские ведомости, Речь, Русские ведомости), английская (The Times, The Morning Post, The Daily Telegraph) и французская пресса (Le Monde, Le Figaro). Именно печать становится главным источником по этой теме, позволяя выявить степень

¹ См.: *Michael Hughes*. Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 78. July 2000. № 3. P. 510–535.

² *Ibid.* P. 528.

вовлеченности общества в процесс взаимодействия, а значит, и ответить на вопрос насколько успешной оказалась межпарламентское взаимодействие.

Для депутатов Государственной Думы пресса играла ключевую роль – ее оценки были оценками общества работы той или иной партии или конкретного депутата. Межпарламентская дипломатия не стала исключением, думцы направляли в органы прессы письма, в которых объясняли значение межпарламентских контактов, давали специализированные интервью. Особенно важны были контакты с западной прессой. Через официальные интервью и публичные заявления в газетах русские парламентарии пытались построить диалог с английским и французским обществом.

В указанный период межпарламентская дипломатия стала значимым элементом формирования внешней политики для Англии и Франции и оказала немалую роль на российскую внешнюю политику. Пресса всех трех стран осознавала исключительную важность сближения с Россией, и Государственная Дума могла стать залогом кооперации по вопросам внешней политики.

Для российской прессы этого периода характерен большой интерес к вопросам межпарламентской дипломатии. Однако от издания к изданию понимание проблемы межпарламентской дипломатии сильно разнится. Для российских либералов особенно важен идеологический аспект «мы рассчитываем, что сможем приветствовать Россию как нашего друга и товарища по сплочению Европы, объединенной ее верой в демократию и мир»¹. Либеральные издания были абсолютно уверены, что Государственная Дума не только может, но и должна участвовать в дипломатии². Сближение с Англией и Францией стало ключевым

¹ Речь. 1906. 3 (16) мая. № 63. С. 2.

² Там же. С. 3.

элементом внешнеполитической доктрины либералов, и работа Государственной Думы должна ему поспособствовать.

Либеральная общественность осознавала дипломатический эффект от межпарламентских контактов, особенно это касалось отношений России и Англии¹. Дипломатические ведомства обеих стран по своей сути привыкли конфликтовать, в тоже время депутаты были благожелательно настроены по отношению друг к другу и были способны наладить контакт куда эффективнее. С другой стороны, через межпарламентскую дипломатию шло сближение не государств, но народов. Это важно, поскольку для либералов Англия и Франция – модель будущего развития России – конституционализма и демократии. Наконец межпарламентская дипломатия повышала статус Государственной Думы в России, так что кадеты использовали ее и как способ легитимации, с чем боролось правительство².

Для консерваторов межпарламентская дипломатия была значительно менее ясным явлением. Если в 1906 г. они практически полностью игнорируют межпарламентскую дипломатию³, то в третьей Государственной Думе ситуация в консервативном крыле меняется⁴. Умеренно-правые примыкают в вопросах внешней политики к кадетам, активно поддерживая международную деятельность Думы⁵. Для крайне правых политических сил внешняя политика Государственной Думы также приобрела окраску – крайне негативную. Англия рассматривалась ими как временно выгодный партнер, а делегация русских депутатов

¹ См.: Русские ведомости. 1906. 12 июля. № 177. С. 2.

² См.: Речь. 14 (27) апреля 1907. № 88. С. 2.

³ См.: *Тихонов П.П.* Дипломатическая деятельность Государственной Думы Российской империи I созыва // Встречи в Таврическом 2017. Парламентаризм: история и современность: Молодежная (студенческая) конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. : сб. ст. СПб., 2018. С. 25–28.

⁴ См.: Московские ведомости. 1907. 1 (14) ноября. № 250. С. 1.

⁵ См.: Новое время. 1909. 2 (15) июля. № 11932. С. 3; Там же. 3 (16) июля 1909. № 11933. С. 1; Там же. 1909. 11 (24) июля. № 11941. С. 2.

представлялась чем-то сродни предательству¹. Однако крайне правые вовсе не считали, что Государственная Дума не должна заниматься внешней политикой: должна, но только тогда, когда большинство будет принадлежать им. В тоже время очень показательное отношение консерваторов и либералов в виденье самой Антанты, которая воспринимается как геополитический союз, основанный на общих интересах, но не принципах. Наконец, правительство Российской империи возлагало надежды на межпарламентскую дипломатию как средство укрепления авторитета страны, хотя говорить о продуманной стратегии не приходится².

Если говорить о западной прессе, то Антанта рассматривается как союз демократических государств, и упор делается именно на объединении на основе общих принципов, нежели на основе общих интересов. Учредившая парламент Российская империя рассматривается как идеологический союзник³. Однако оценки английскими и французскими изданиями правительства Российской империи и императора значительно разнятся. Если британская пресса вслед за русскими либеральными изданиями не стесняется критиковать правительство в довольно резких выражениях, то французские журналисты настроены более компромиссно. Эта умеренность стала еще одним фактором повышенного интереса французской прессы к межпарламентской конференции 1906 г., так как ее делегаты, в большинстве своем кадеты, рассматривались изданиями как политическая сила, способная найти компромисс между революционно-настроенными массами и правительством.

¹ См.: Московские ведомости. 1909. 4 июля. № 152. С. 2.

² См.: Правительственный вестник. 1909. 9 (22) июня. № 121. С. 3.

³ См.: Le Temps. 1909. 23 juin. № 17513. P. 2.

Отношение французского общества к русскому парламенту эволюционирует. Вторая Государственная Дума предстает как спорный контрагент¹. Для поддерживающих ее либералов она недостаточно стабильна, взгляды в ней слишком полярны, а компромисса с правительством добиться не удалось². Французские консерваторы же в этот период, безусловно, оказываются на стороне правительства против революционной, неспособной к работе Думы³. Таким образом, о межпарламентской дипломатии в таких условиях не может быть и речи.

Однако с созывом третьей Государственной Думы ситуация меняется. Для французских либералов октябристы – новое большинство и центр Думы – представляются несколько аморфным образованием, но со временем они показывают, что способны организовать работу парламента, умело используя политику компромиссов. Французские консерваторы воспринимают новый парламент как уже рабочий инструмент, в котором достаточно разумных депутатов, практически полностью ликвидированы революционные партии⁴.

Английское общество последовательно поддерживало русскую Думу в ее конфликтах с правительством. На первом этапе эта поддержка была основана на ожиданиях скорого окончательного триумфа Государственной Думы. Английскому обществу льстило, что думское большинство в первой и второй Думе официально, а в третьей фактически, в качестве модели для развития России выбрало именно становление парламентаризма по английскому образцу. Кадеты для английской прессы сделали из России не только потенциального политического союзника, но и союзника идеологического. Межпарламентская дипломатия в свете этого интересна им как для

¹ См.: Le Figaro. 1906. 24 février. № 55. P. 2.

² См.: Le Temps. 1906. 9 août. № 16484. P. 2.

³ См.: Le Figaro. 1906. 5 août. № 217. P.2.

⁴ См.: Ibid. 1907. 11 novembre. № 315. P. 2.

передачи опыта, так и для закрепления теплых отношений с Государственной Думой¹. Именно русский парламент, по мнению англичан, должен стать гарантом взвешенной политики Российской империи.

Однако вторая Дума и для Великобритании оказалась несостоятельным партнером. Как и во Франции в Великобритании яркое противостояние крайностей в парламенте оценивается негативно, поскольку парализует работу². Кадетский центр оказался в ситуации, когда было не до межпарламентских контактов, партия была поглощена делом «бережения Думы»^{3, 4}. Ситуация меняется в третьей Государственной Думе. С одной стороны, английская общественность не может не считать, что с демократической точки зрения Россия сделала шаг назад, с другой не может не приветствовать, особенно после фактической изоляции крайне правых, что в Думе преобладают умеренные силы, готовые к диалогу. Визит русских депутатов летом 1909 г. стал основным закрепляющим элементом англо-русских отношений, сыгравший не меньшую роль для сближения, чем визит самого императора⁵.

Изучение восприятия межпарламентской дипломатии позволяет затронуть новую сторону изучения общественного мнения Российской империи. Межпарламентская дипломатия стала новым и неоднозначным явлением российской политической жизни и формирование мнения разными политическими силами только происходило. Отношение к внешней политике Государственной Думы является в данном контексте показательным примером работы различных сегментов общественно-

¹ См.: Daily Telegraph. 1909. 23 June. № 16898. P. 11.

² См.: The Morning Post. 1907. 11 March. № 42056. P. 8.

³ The Times 1907. 16 February. № 38258. P. 5.

⁴ Ibid. 1907. 1 June. № 38348. P. 7.

⁵ Ibid. P. 8.

политической мысли. Исходя из результатов исследования, подтверждается тезис о крайней поляризации русского общества в исследуемый период. Различные политические силы за редким исключением в виде непрочного союза октябристов и кадетов, были не готовы искать диалога и точки соприкосновения друг с другом. Особенно ярко такая категоричность позиций проявилась у консервативных кругов, которые были готовы принять и поддержать межпарламентскую дипломатию только в случае возможности единолично формулировать цели и задачи делегации. Наконец представляется возможным отказаться от мнения сложившегося еще в советской историографии об априорной поддержке консервативными кругами правительства. Отзывы ультраконсервативной политической мысли с правительственными изданиями в оценке межпарламентской дипломатии не совпадают.

Что же касается изучения отзывов западной прессы о межпарламентской дипломатии, их анализ позволяет выйти на проблему механизмов конструирования образа России. Неформальная дипломатия сыграла здесь ведущую роль, поскольку для английского и французского общества подобные контакты позволили посмотреть не на государственных чиновников, которые могли лишь соответствовать своей роли, а на таких же как они сами представителей общественности. Подобные прямые контакты позволяли разрушить старые стереотипы о странах-партнерах и в какой-то мере сконструировать новые.

На образ России в западной прессе в изучаемый период основное влияние оказывали правительство, Государственная Дума и император. Традиционно, западная общественность критически отзывалась о русском правительстве, которое характеризовалось как архаичное и ассоциировалось с реакционной политикой. Личность императора в целом характеризовалась более позитивно, однако, как представляется, в создании положительного образа России в Англии и Франции ключевую

роль сыграла именно Государственная Дума. Во-первых, русский парламент, будучи представительным органом власти, выступал для них естественным союзником. Однако важнее то, что западное общество воспринимало депутатов как легитимных представителей русского общества, а значит, делало резонный вывод, что независимо от политических интересов правительства, Российская империя всегда будет оставаться на их стороне. Несмотря на то, что деятельность Государственной Думы не привела к однозначной характеристики России как демократического государства, она убедила западное общество, что Российская империя уверенно встала на путь постепенной, но неуклонной демократизации.

Коммуникации советских региональных элит в борьбе с девиантным поведением граждан в период позднего социализма (по материалам Ярославской области)²

В период позднего социализма, согласно известному высказыванию антрополога А.В. Юрчака, «советская система воспринималась большинством граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая»³. Правящему режиму КПСС уже давно не грозило свержение в результате внешнего военного вторжения или массового народного выступления, а существовавшее диссидентское движение было фрагментированным и сравнительно малочисленным. При этом одной из важных проблем общества, признаваемой властями, являлось девиантное поведение граждан⁴. При обсуждении проекта Конституции СССР 1977 г. официальные органы получили от населения страны десятки миллионов писем с жалобами на действия хулиганов или алкоголиков⁵. Упомянутые девиации наносили ущерб экономике страны и

¹ Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет» Минздрава России.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950-1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти».

³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 36.

⁴ О подобных явлениях в Ярославской области период правления Н.С. Хрущёва см.: Тумаков Д.В. Хулиганство в повседневной жизни эпохи оттепели и его причины (по материалам Ярославской области) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых учёных и специалистов «Сlio-2017». М., 2017. С. 484–486.

⁵ См.: Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 394.

благосостоянию народа, а также вели к росту уголовной преступности. В силу этого центральные и местные власти старались вести с ними решительную борьбу. В публикации на основании рассекреченных архивных документов, воспоминаний представителей советских региональных элит и периодической печати данный процесс реконструируется в масштабах Ярославской области.

Масштабы социальных девиаций в регионе в это время были далеко не минимальными, а их опасность оценивалась правоохранительными органами достаточно высоко. Как гласил один из ежегодных отчётов прокурора Ярославской области М.Г. Блинова, в 1974 г. «пьянство ... продолжало оставаться одной из наиболее распространённых причин правонарушений»¹. Его слова подкреплялись соответствующей статистикой. В 1971 г. 49330 жителей региона оказались доставлены в медицинские вытрезвители, 27445 человек были оштрафованы за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, ещё 3978 имели привод и предостережение по той же причине, а 433 злостных алкоголика направлены на принудительное лечение². В последующие годы ситуация претерпела лишь незначительные изменения в лучшую сторону. Так, в 1974 г. 48854 человека были доставлены в вытрезвители, 25963 – оштрафованы, 97 человек за пьянство были ограничены в дееспособности³. При этом количество больных алкоголизмом в Ярославской области, состоявших на учёте в учреждениях здравоохранения, возросло с более чем 9 тысяч человек в 1975 г. до 15 тысяч человек в 1976 г. и более чем 16 тысяч в 1977 г.⁴

¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 272 Оп. 239. Д. 85. Л. 8.

² Там же. Оп. 231. Д. 202. Л. 23.

³ Там же. Оп. 239. Д. 85. Л. 8. 10.

⁴ Там же. Оп. 239. Д. 287. Л. 5; Д. 288. Л. 8; Оп. 244. Д. 92. Л. 10.

В свою очередь, происходившие по причине злоупотребления алкоголем случаи хулиганства характеризовались в официальной документации УВД, отправлявшейся в местный обком КПСС, как наиболее распространённый вид преступности в Ярославской области эпохи позднего социализма¹. Достаточно упомянуть, что только в областном отделении «Сельхозтехника» за хулиганства и хищения в 1973 г. были привлечены к уголовной ответственности 52, а в январе-августе 1974 г. – ещё 24 работника². В 1975 г. на территории области было зафиксировано 1089 случаев хулиганства, а за 1976 г. – ещё 958³. В общей сложности, как гласили официальные данные, в первом полугодии 1974 г. в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления свыше половины жителей области, привлечённых к уголовной ответственности, причём в Гаврилов-Ямском, Даниловском, Некоузском, Некрасовском, некоторых других районах, а также во втором по величине городе региона Рыбинске ситуация оказалась ещё хуже⁴.

Партийные и советские элиты районного, городского и областного уровня в те годы не просто регулярно отслеживали обстановку, но и осуществляли общее руководство действиями правоохранительных структур региона, а также искали причины девиантного поведения граждан и предлагали меры для исправления ситуации. Пример в этом отношении стремились подавать высшие руководители Ярославской области. Так, председатель Ярославского облисполкома В.И. Попов на заседании от 23 марта 1981 г. лично обратил внимание собравшихся на факт пьянства и тесно связанного с ним хулиганства со стороны населения. С его слов, в выходные дни трое пьяных рабочих Ярославского

¹ Там же. Оп. 231. Д. 66. Л. 2–3.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1070а. Л. 23.

³ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 288. Л. 5.

⁴ Там же. Оп. 237. Д. 177. Л. 6.

судостроительного завода на реке Солоница «уничтожили полберега, 34 дерева срубили». Далее ответственный руководитель призвал проверить эти факты, привлечь нарушителей к ответственности и провести с ними воспитательную работу¹. Аналогичные вопросы обсуждались на сессиях сельских и поселковых Советов Любимского, Гаврилов-Ямского, Переславского, Ростовского и других районов области, а также исполкомы райсоветов в Рыбинске².

Для успешного решения данных задач партийный и советский аппарат тесно взаимодействовал с широкой общественностью, промышленными предприятиями, средними и высшими учебными заведениями. На заседании Ярославского горсовета от 17 ноября 1971 г. было принято решение, обязывающее создавать комиссии по борьбе против алкоголизма и пьянства при всех райисполкомах³. В результате при Ярославском облисполкоме, а также гор- и райисполкомах в 1960-1970-е гг. эти комиссии стали нормой. Поскольку 16 мая 1972 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, а 19 июня того же года – указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», местные власти также были вынуждены реагировать. Решением Ярославского облисполкома от 8 августа 1972 г. был утверждён соответствующий комплекс мероприятий⁴.

Хотя на уровне отдельных предприятий к совместной работе привлекались не только партийцы, но и различные общественные организации (комитет ВЛКСМ, фабком профсоюза, добровольная народная дружина, товарищеский суд и т.д.), решающее слово при её планировании всё равно оставалось за инстанциями КПСС. Например, партийно-хозяйственный актив ярославского производственного обувного

¹ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 2068. Л. 128–129.

² ЦДНІАО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 85. Л. 9.

³ Там же. Оп. 231. Д. 202. Л. 22.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1070а. Л. 37–38.

объединения «Североход» на собрании 4 апреля 1978 г. был ознакомлен с мероприятиями горкома КПСС по предупреждению правонарушений¹. Даже на районном уровне все мероприятия по профилактике правонарушений и укреплению общественного порядка по линии партийных, советских, комсомольских, правоохранительных и иных органов утверждались на бюро райкома КПСС².

Как следует из недавно рассекреченных архивных документов, усиление борьбы против пьянства и алкоголизма характеризовалось руководством УВД по Ярославской области в качестве одного из главных факторов нейтрализации опасных видов уголовной преступности³. В силу этого стражи порядка стремились выявить и взять на учёт злостных пьяниц и создавали специальные дружины по борьбе с такого рода девиациями. Лишь за 1974 г. в области прошли 36 рейдов по охране общественного порядка и борьбе с пьянством, в ходе которых были подобраны на улицах 3846 человек, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, а ещё 752 были задержаны за распитие спиртных напитков в общественных местах. Также к ответственности оказались привлечены 678 хулиганов⁴. С 1976 г. вводилось принудительное лечение от алкоголизма – лечебно-трудовой профилакторий.

Однако следует помнить и о том, что брежневская эпоха характеризовалась в целом более мягкими, чем в период сталинизма или даже хрущёвского десятилетия, взаимоотношениями между властью и обществом. В силу этого региональные элиты предлагали и более гуманные способы борьбы с девиантным поведением собственных граждан. Прежде всего, в них видели уже не врагов, а больных людей. В силу этого комиссия по борьбе с алкоголизмом и пьянством фабрики

¹ ЦДНІАЮ. Ф. 272. Оп. 244. Д. 210. Л. 1-2.

² Там же. Д. 211. Л. 1.

³ Там же. Оп. 239. Д. 287. Л. 7.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1070а. Л. 77.

«Североход» работала в тесном контакте с врачом-наркологом, а в отдельных случаях даже устанавливала контакты с членами семей алкоголиков, через них пытаясь воздействовать на нарушителей трудовой дисциплины¹. В автохозяйствах создавались здравпункты, проводившие медицинское обследование водителей до и после рейсов, а маршруты экипажей медвытрезвителей разрабатывались с учётом наиболее популярных в народе мест распития спиртного и появления пьяных².

В период позднего социализма в качестве альтернативы злоупотреблению алкоголем власти стремились найти более достойные и культурные формы отдыха граждан. Как информировал вышестоящие инстанции в 1972 г. секретарь Заволжского райкома КПСС П. Степанов, на подотчётной ему территории активизировалась культурно-просветительская и спортивная работа. Большое значение, в частности, придавалось деятельности клубов, библиотек и художественной самодеятельности на промышленных предприятиях³. К воспитательной работе регулярно привлекались руководящие и инженерно-технические работники⁴. Немаловажную роль была призвана сыграть и регулярная пропаганда правовых знаний среди населения. Как писал начальник отдела юстиции Ярославского облисполкома К.П. Федоренко, лишь в 1976 г. сотрудники народных судов сделали 708 отчётных докладов, прочли 1961 лекцию на тему профилактики правонарушений и преступлений⁵.

При этом усилия местных элит по борьбе с социальными девиациями в 1970-е гг. далеко не всегда приводили к решительному успеху. Виной тому можно считать исторический контекст эпохи. В СССР

¹ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 244. Д. 210. Л. 3.

² Там же. Оп. 239. Д. 288. Л. 8–9.

³ Там же. Оп. 231. Д. 213. Л. 8.

⁴ Там же. Оп. 244. Д. 210. Л. 4.

⁵ Там же. Оп. 239. Д. 506. Л. 6.

уже дали о себе знать первые серьёзные признаки застойных явлений в политической и экономической сфере¹ или, выражаясь языком отставного офицера ярославского Управления КГБ А.Н. Симонова, «какая-то всеобщая расхлябанность, отсутствие порядка там, где он ранее был, постоянный дефицит необходимых для жизни вещей»². Далее всё тот же мемуарист критиковал высшее руководство СССР за «настоящий застой» в сфере идеологии и иронично писал о наступлении в конце правления Л.И. Брежнева «эпохи пофигизма», одновременно упоминая о желании порядка и справедливости» со стороны обычных советских людей³. Симонов не мог не признать факты падения темпов экономического роста в Советском Союзе в этот период и возрастания научно-технической отсталости страны от Запада⁴.

Его нелюбимые оценки эпохи позднего социализма согласуются с некоторыми данными из официальной документации советских правоохранительных структур областного уровня. Например, в справке за подписью заместителя прокурора Ярославской области Н.И. Волгина за 1977 г. упомянуты не менее 10 нарушителей общественного порядка, которые, несмотря на пьянство, были премированы по месту работы, получали льготные путёвки в санаторий. Отношение коллег к ним также оказалось сугубо формальным. В частности, задержанный в пьяном виде рабочий треста «Ярнефтехимстрой» Трубников был лишь строго предупреждён «за халатное отношение к доказательству своей трезвости». Злоупотреблению алкоголем со стороны работников способствовали также выдаваемые

¹ См.: *Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В.* Репрезентация юбилеев Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева в региональных периодических изданиях: коммеморативная практика // *Вопросы истории.* 2019. № 8. С. 64–75.

² *Симонов А.Н.* «Искусствовед» в штатском. Ярославль, 2008. С. 183–184.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 154.

руководством авансовые или вводные премии в размере от 5 до 12 рублей «за выполнение особо важных заданий»¹.

Не проявляли рвения в борьбе с пьянством, мелким хулиганством и прочими нарушениями дисциплины и сами трудовые коллективы. Как были вынуждены признать сами стражи порядка, нередко по этим фактам те ограничивались устными замечаниями и не рассматривали поступившие по линии МВД материалы². В работе комиссий по борьбе с алкоголизмом и пьянством, как был вынужден признать заместитель областного прокурора, было «мало гласности»³. В 1977 г. до 25-30% штрафов, наложенных начальником Кировского РОВД Ярославля за мелкое хулиганство, не взыскивались с виновных по их месту работы. В свою очередь, товарищеские суды рассматривали подобные дела без предварительной подготовки и, в большинстве своём, с нарушением установленных законом сроков. Сами дела оформлялись некачественно, а профсоюзные органы предприятий не контролировали эту работу и не оказывали практической помощи товарищеским судам, хотя по закону должны были этим заниматься⁴.

Хотя ещё в речи на Декабрьском пленуме 1969 г. Л.И. Брежнев лично призывал привлекать к ответственности или даже исключать из рядов КПСС пьяниц⁵, плохой пример беспартийным иногда подавали и сами ярославские коммунисты. В вышеупомянутой справке за подписью Н.И. Волгина были упомянуты 7 фамилий начальников и старших мастеров цехов, а также инженеров-конструкторов из числа членов КПСС, которые были доставлены в вытрезвители в 1976 г. Характерно,

¹ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 642. Л. 15–16.

² Там же. Оп. 244. Д. 210. Л. 6.

³ Там же. Оп. 239. Д. 642. Л. 16.

⁴ Там же. Оп. 244. Д. 210. Л. 8-9; Д. 211. Л. 6.

⁵ См.: *Шаттенберг С.* Указ. соч. С. 367.

что их перечень завершался словосочетанием «и ряд других»¹, что косвенно свидетельствовало о распространенности подобных фактов. К числу вопиющих примеров командование УВД по Ярославской области в 1974 году относило факт заступничества мастера завода «Резинотехника» Бондаревой за задержанного милиционерами во время патрулирования нарушителя общественного порядка². На Ярославском заводе топливной аппаратуры в злоупотреблении алкоголем были замечены главный экономист предприятия и редактор газеты³. Аналогичные факты в большом количестве фиксировались и в других регионах Советского Союза⁴. В дальнейшем ситуация менялась лишь к худшему. К началу 1980-х гг. число членов КПСС и ВЛКСМ, привлечённых в Ярославской области к уголовной ответственности за различные нарушения законности, возросло в 3 и 3,3 раза соответственно⁵.

Очень важную причину сохранения пьянства и совершения актов хулиганства в воспоминаниях называет директор Рыбинского НПО моторостроения П.Ф. Дерунов. По его данным, в 1960-е гг. с завода по причине неудовлетворительных жилищно-бытовых условий увольнялись 25% молодых работников. Тысячи семей рабочих в тот период проживали в аварийных домах, а не менее двух третей жилого фонда объединения составляли перенаселённые коммунальные квартиры⁶. В 1970-е гг., несмотря на то, что ситуация в этом отношении претерпела заметные положительные изменения, в стеснённых условиях продолжали проживать сотни молодых работников вышеназванного предприятия⁷. Ситуацию усугублял продолжавшийся процесс урбанизации советского

¹ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 642. Л. 14.

² Там же. Оп. 237. Д. 177. Л. 12.

³ Там же. Оп. 244. Д. 211. Л. 4.

⁴ См.: Соколов А.К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 118–119.

⁵ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1914. Л. 52.

⁶ См.: Дерунов П.Ф. Моторостроители. Рыбинск, 1998. С. 116.

⁷ Там же. С. 120.

общества. Начальник УВД по Ярославской области генерал-майор милиции А.Д. Макаров полагал интенсивное промышленное развитие и массовое жилищное строительство в городах одним из факторов, отрицательно влиявших на оперативную обстановку в регионе¹.

Таким образом, в период позднего социализма различные региональные элиты (партия, советские органы, комсомол, профсоюзы и т.д.) и общественные организации тесно взаимодействовали между собой в борьбе с получившимися распространение социальными девиациями. Решающее слово, как и при решении прочих задач, оставалось за организациями КПСС различного ранга. Девиации однозначно характеризовались властями как зло, однако одержать победу над этим злом им было не суждено. Проводившиеся анкетирования и опросы лиц, доставленных в медицинские вытрезвители, показывают, что алкоголиками были преимущественно лица с начальным или неоконченным средним образованием, порвавшие связи с прежними трудовыми коллективами. Эти люди не читали книг, зачастую не имели семью и жили за счёт случайных заработков². В силу этого неудивительно, что в период Перестройки власти предпримут столь радикальные способы борьбы с пьянством и алкоголизмом.

¹ ЦДНЛЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 288. Л. 27.

² Там же. Оп. 244. Д. 92. Л. 11.

5–летняя годовщина Отечественной войны 1812 года как пример коммуникативных практик в истории России

Для послевоенной эпохи первой четверти XIX в. Отечественная война 1812 г. стала событием, затронувшим тем или иным образом и наложившим свой отпечаток на судьбы едва ли не каждого жителя Российской империи. Свежи были воспоминания очевидцев и участников этой кампании. Важно отметить, что конструирование коллективной памяти государством началось фактически сразу после завершения самой войны.

Юбилейные торжества являются основной площадкой для реализации коммеморативных практик, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г. Одним из первых по настоящему масштабных коммеморативных мероприятий стали торжества, проведенные по случаю пятилетней годовщины войны в 1817 г. Изучение этого события с точки зрения проблематики мемориальной истории, что является целью настоящей статьи, позволит обнаружить не только появление нарративов исторической памяти, но и станет отправной точкой для дальнейшего изучения их эволюции и изменений. Исследование этой динамики является крайне важным, ведь с помощью использования памяти об Отечественной войне 1812 г. формируется национальная идентичность и самосознание населения России на протяжении последних двух столетий. Важнейшими источниками по

¹ Уланов Филипп Игоревич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

исследованию исторической политики и коммеморативных практик являются материалы периодической печати.

В настоящее время все больше и больше исторических исследований проводятся в рамках направления «мемориальной истории». В этих работах на передний план выходят не сами события прошлого, а память о них, утвердившаяся в сознании общества и различных его слоёв: сохранившиеся в ней события, способы трансформации памяти, ее социальная значимость. Историческая память рассматривается как объект активного формирования, конструирования и манипулирования. И именно это позволяет говорить о коммеморации, как о «коммуникативном проекте»: проникновении исторического знания в различные сферы социальной действительности.

Однако торжества 1817 г. фактически не становились предметом изучения с точки зрения этой методологической парадигмы. В том или ином виде исследователи освещали событийную историю торжественных мероприятий¹ или историю возведения монументов и памятников². Кроме того, Отечественная война 1812 г. становилась объектом изучения историков с точки зрения влияния на журналистику³ и мемуарную литературу⁴ в эпоху правления Александра I, но эти работы не рассматривают публикации о войне 1812 г. через призму «мемориальной истории» и выбранной для настоящей статьи проблематики.

¹ См.: Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в Российской империи // Вестник Екатеринбургского университета. 2017. № 1. С. 24–26; Война 1812 года и концепт "отечество": из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы: монография. Тверь, 2012.

² См.: Сокол К.Г. Монументы империи. М., 2001.

³ См.: Васильева М. Отечественная война 1812 г. на страницах русских журналов первой четверти XIX века (1802–1825 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950; Афанасьев Э.Л. Осмысление Отечественной войны 1812 года в современной ей журналистике и литературе // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. С. 58–80.

⁴ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

12 октября (по юлианскому календарю) 1817 г. в Москве на Воробьевых горах состоялась торжественная церемония закладки Храма Христа Спасителя в память об окончании Отечественной войны 1812 г. и изгнании Наполеона Бонапарта из России. Сама дата мероприятия была выбрана не случайно: автор «Исторического описания...» сообщает, что именно ночью 12-го числа французские войска оставили Москву и пошли по Калужской дороге к селу Тарутино и именно тогда же, и «начало свое восприяло спасение не только России, но и целой Европы, давно уже порабощённой железному скипетру Наполеона»¹.

Началось масштабное мероприятие с торжественного проезда императорской семьи вдоль войск, выстроенных от самого Кремля до Воробьевых гор. На праздничной литургии, которая вскоре началась, присутствовали все высочайшие особы государства, придворные, высшие военные и гражданские чины². Следующим этапом церемонии стал торжественный крестный ход и заложение первого камня в фундамент будущего храма лично императором.

Мероприятие завершила речь архиепископа Августина³. Идея его речи заключалась в том, что Москва, сожженная неприятелем и восставшая из пепла, стала «искупительной жертвой своего Отечества Спасителю»⁴. Архиепископ упоминает, что «без Бога русским людям и другим народам невозможно было бы одолеть неприятеля»⁵. Таким образом, новый храм становится общей «жертвой благодарения Богу» народа и его государя.

¹ Соколов П.И. Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах при высочайшем присутствии. 1817 г. 12 октября. М., 1818. С. 3.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 38.

Отдельно П. Соколов освещает масштаб участия зрителей в этом праздновании: по его словам их количество насчитывало около 400 тысяч человек. Причём автор постарался запечатлеть эмоциональную реакцию и вовлеченность аудитории, описывая чувства растроганных зрителей, когда им довелось увидеть монарха, «с сокрушенным сердцем и чистою верою», поднимавшегося на гору для церемониальной закладки камня в фундамент¹. Ажиотаж возник после завершения церемонии, когда люди попытались приблизиться к месту закладки храма, чтобы своими глазами увидеть камни, заложенные Александром I и царской семьей.

Архитектурный проект храма в основе своей имел тройственную структуру здания, символизирующую Воплощение, Преображение и Воскресение Господа, что очень совпадало с представлениями Александра I о просвещенной, объединенной и христианской Европе².

Церемония закладки Храма Христа Спасителя нашла своё отражение и в официальной периодике. «Московские ведомости»³ опубликовали статью, описывающую торжественную церемонию закладки храма, который несет в себе идею увековечения бессмертного подвига, веры предков и доблести народа, и который станет памятником служению Богу. Петербургская газета «Северная почта» опубликовала полный текст речи архиепископа на церемонии⁴.

Другими публикациями консервативного направления, посвященными церемонии, стал цикл статей под названием «Отрывки из походных записок русского офицера». В целом, автор, будущий писатель И.И. Лажечников, преимущественно описывает нравы, быт и опыт

¹ Там же. С. 25.

² См.: *Крючкова О.Н.* Семиотика храма в русском и английском общественном сознании на примере Храма Христа Спасителя в Москве и Собора Святого Павла в Лондоне : автореф. дис. ... канд. культ. М., 2011. С. 8.

³ См.: Двенадцатый день сего месяца // *Московские ведомости.* 1817. 17 октября. С. 1.

⁴ См.: Известия внутренние из Москвы // *Северная почта или новая Санкт-Петербургская газета.* 1817. 22 октября. С. 2.

общения с жителями тех стран, где ему удалось побывать во время заграничных походов 1813–1814 гг. Но в одном из выпусков он говорит о необходимости передать память об Отечественной войне 1812 г. будущим поколениям, причём при помощи монументального памятника, которым станет Храм Христа Спасителя. Этот памятник должен действовать «на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина, чтобы все они умели понимать его величие и сближаться им со славою сей войны»¹.

В целом, по своему характеру мероприятие представляло собой скорее эмоциональную фиксацию восприятия событий Отечественной войны 1812 г., нежели попытку транслировать конкретный нарратив исторической памяти.

Для большего понимания картины коммеморативной политики Александра I стоит обратиться к воспоминаниям флигель-адъютанта и историка А.И. Михайловского-Данилевского. Он свидетельствовал о том, что император не любил говорить о войне 1812 г. и редко вспоминал о ней. Более того, Михайловский-Данилевский писал и об откровенном пренебрежении Александра I своими обязанностями присутствия при проведении каких-либо памятных мероприятий, посвященных Отечественной войне, например, императора не было на молебне в память о погибших на Бородинском поле в августе 1816 г. (император предпочел бал графини Орловой-Чесменской)².

Такое поведение Александра I можно связать с тем, что 1812 г. не принёс ему ожидаемые лавры и более того стал неудачным лично для его репутации: ограничения власти в чрезвычайных военных условиях, падение авторитета, критика в его адрес в разных слоях общества, критика, разделяемая и членами царской семьи. По этим причинам

¹ Лажечников И. Отрывки из походных записок русского офицера // Вестник Европы. 1817. № 9. С. 66–71.

² См.: Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского // Русский вестник. 1890. № 9. С. 159.

Александр I пытался приуменьшить значение Отечественной войны 1812 г. Так, в ноябре 1816 г. император поручил французскому военному теоретику А. Жомини, перешедшему на русскую службу, создать историю войн 1812–1815 гг. на французском языке и сделать акцент именно на европейских походах российской армии, на фоне которых Отечественная война 1812 г. теряла свой самостоятельный характер. К слову, этот труд так и не был написан¹.

Однако на волне патриотических настроений в обществе всё же были проведены несколько церемоний, одна из которых – упомянутое выше заложение Храма Христа Спасителя. Кроме этого в 1817 г. был построен и торжественно открыт московский Манеж². В 1818 г. император издал рескрипт об установке памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли. Ещё год спустя английский художник Джордж Доу приступил к созданию Военной галереи в Зимнем дворце. Постройка храма, создание галереи и установка памятников были завершены уже после смерти Александра I.

Тенденция принижения роли войны 1812 г. распространялась и в высших правительственных и военных кругах Российской империи. В 1820-е г. интерес государства к мемориализации этой темы стал постепенно утрачиваться, о чем упоминали современники – А.М. Михайловский-Данилевский и Д.В. Давыдов³. Причинами этому явились напряженная политическая обстановка 1820-х гг. (восстание Семеновского полка, что воспринималось правящей элитой как следствие пагубного влияния свободомыслия, заразившего армию во время Заграничных походов и итальянские восстания 1820–1821 гг.) и желание

¹ См.: *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 184.

² См.: *Сокол К.Г.* Монумены империи. М., 2001. С. 130.

³ См.: Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского // *Русский вестник.* 1890. № 9. С. 155–161; Сборник Императорского Российского исторического общества. Т. 73. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. СПб., 1890.

Российской империи сблизиться со ставшей вновь Бурбоновской Францией.

В российской периодической печати 1817 г. тема Отечественной войны 1812 г. была одной из наиболее популярных и востребованных: журналисты и писатели рассматривали это событие со всевозможных сторон, размышляли о нём. Также публиковались мемуары участников войны, описания боевых действий и т.д.

Общественно-политические журналы печатали развернутые материалы о роли Александра I в войне 1812 г. Так, например, в «Русском вестнике», в тематических статьях присутствует идея о том, что Александр I своим личным примером благочестия, веры и мужества воодушевил народ России на то, чтобы подняться на борьбу с Наполеоном¹ и даже «земледельцы оставили плуг», «дворяне спешили под священные знамена»² и «мирные поселяне претворились в воинов и присовокупились к полкам, блиставшим мужеством и опытом»³.

Подробнее об этом писалось в «Вестнике Европы» в статье А.М. Михайловского-Данилевского под названием «Два отрывка из истории 1812 года»⁴. Статья посвящена значению отступления российской армии после Бородинского сражения и сдаче Москвы, взаимодействию регулярных частей российской армии, ополчения, партизанских отрядов и крестьянского сопротивления. Первая часть подробно описывает не только отступление войск, но и затрагивает стратегическую важность этого маневра для судьбы армии и самой России. Повествуя во второй части статьи о переустройстве русских войск, Михайловский-Данилевский упоминает о высоком уровне

¹ См.: Письмо к другу по случаю заложения в Москве храма во имя Христа Спасителя // Русский вестник. 1817. № 21. С. 5–11.

² Заложение храма во имя Христа Спасителя и воспоминания об изгнании врага из России // Русский вестник. 1817. № 19. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ См.: Два отрывка из истории 1812 года // Вестник Европы. 1817. № 22. С. 129–146.

согласованности действий партизанских отрядов, выполнявших разведку и диверсионные операции вместе с крестьянским ополчением. Историк называет причины такой высокой вовлеченности всех сословий и, в частности, крестьян в борьбу с противником: это происходило «по внутреннему побуждению сердца в уверении на могущество России, и с презрением к противнику»¹.

В публицистических материалах часто упоминается о том, что именно Россия стала освободительницей и спасительницей Европы² и по истечении нескольких лет после войны продолжала оказывать активную продовольственную помощь жителям Франции, что в свою очередь помогло снизить общественную напряженность в стране³. Свое развернутое воплощение эта идея находит в статьях консервативного «Исторического, статистического и географического журнала»⁴. В них подробно описывается, почему среди всех европейских держав той эпохи именно Российская империя стала главным гарантом мира: это и географические размеры России, которая граничит со многими странами, и её военная мощь, и фигура Александра I, который объединил европейских монархов, создав Священный союз.

Отдельного упоминания заслуживает использование в публикациях выражений «трехлетняя война»⁵ или «три достопамятных года»⁶, которые подразумевают собой войны 1812–1814 гг. и представляют их одной

¹ Два отрывка из истории 1812 года // Вестник Европы. 1817. № 22. С. 140.

² См.: Письмо к другу по случаю заложения в Москве храма во имя Христа Спасителя // Русский вестник. 1817. № 21. С. 5–11; О новых строениях в Москве // Русский вестник. 1817. № 17. С. 20–27.

³ См.: Продолжение нравственного обозрения областей Европейских // Русский вестник. 1817. № 14. С. 34–37.

⁴ См.: О причинах по каким Европа надеяться может прочного мира // Исторический, статистический и географический журнал. 1817. № 3. С. 169–181; Россия // Исторический, статистический и географический журнал. 1817. № 3. С. 208–212.

⁵ Обозрение первой книжки Военного журнала // Русский вестник. 1817. № 9. С. 91–98.

⁶ Воспоминания о трех достопамятных годах // Там же. № 8. С. 113–119.

неразрывной военной кампанией, что напрямую коррелирует с попытками Александра I изобразить эти события единой войной. Но именно война 1812 г. признается тем периодом, который показал несостоятельность правления Наполеона и продемонстрировал его властолюбие, в конце концов, погубившее Бонапарта, как правителя¹. Множество статей посвящено описаниям подвигов духовенства² и российских офицеров³, а также владению военным искусством М.И. Кутузовым и умышленному отступлению армии, вследствие которого французская армия попала в стратегическую ловушку⁴.

Сама личность французского императора была необычайно интересна для публицистов. В частности, ими предпринимаются попытки изучения образа мыслей Наполеона, используя рукописные комментарии, сделанные лично им на страницах собственного издания Макиавелли «Государь»⁵. В более либеральных изданиях выходят публикации, посвященные вопросу, был ли Наполеон великим человеком и деятелем⁶. Что любопытно, автор приходит к выводу, что боеспособная французская армия и политический курс Наполеона были унаследованы императором от своих предшественников – якобинцев. Явными заслугами самого Наполеона, по утверждению автора, являлось его умение найти и расположить к себе нужных людей, определив кандидатов на ключевые посты в государстве. Такая черта характера Бонапарта как высокомерие стала «источником тех бесчисленных злодейств, коими он заслужил

¹ См.: Мысли при чтении краткого начертания Военного журнала // Там же. № 5. С 57–73.

² См.: *Щукин. А.* Подвиг священника села Новоспасского // Там же. № 23. С. 11–15.

³ См.: Мысли при чтении книжки // Там же. № 10. С. 107–117.

⁴ См.: Мысли при чтении краткого начертания Военного журнала // Там же. № 5. С 57–73.

⁵ См.: Князь или владелец, сочинение Макиавелли с замечаниями Наполеона Бонапарта // Там же. № 1. С. 67–88.

⁶ См.: Подлинно ли Бонапарт был великим человеком? // Дух журналов. 1817. № 40. С. 171–186.

проклятие света»¹. Другие статьи, посвященные теме войны 1812 г. содержат в себе почести М.И. Кутузову, «спасителю России»² и императору Александру I «спасителю Европы»³.

«Военный журнал», издававшийся Обществом военных людей при штабе Гвардейского корпуса в 1817 г. опубликовал целую серию статей под общим названием «Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 года) и Заграничных (1813 и 1814 года) походов». Следует отметить, что описания этих событий начинаются с декабря 1812 г. и не затрагивают, например, таких этапов войны, как Бородинское сражение и т.д.

Помимо подробнейших описаний боевых действий, маневров армий и результатов сражений, даётся историческое сравнение французской агрессии 1812 г. с Греческим походом персидского царя Ксеркса 480 г. до н.э. и Итальянским походом Ганнибала 218 г. до н.э., на примере которых демонстрируются стратегические ошибки Наполеона: ввод войск в оставленную жителями и армией Москву, который впоследствии стал для него ловушкой (тут автор статьи допускает, что Наполеон мог бы разгадать, чем закончится для французов эта операция). Что касается всего ведения войны 1812 г., здесь Наполеон ошибочно делает ставку, в первую очередь, на количество войск, а не на их военное мастерство⁴. Также автор упоминает, что своим нынешним могуществом, позволившим победить французов, Россия обязана преобразованиям Петра I, который сделал страну великой державой⁵.

¹ Там же. С. 185.

² Генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Михайлу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому // Там же. № 7. С. 317–322.

³ Воспоминание о вступлении российских войск в Париж // Там же. № 12. С. 567–568.

⁴ См.: Сравнительные замечания на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1817. № 4. С. 24–40.

⁵ Там же. С. 38.

Послевоенная эпоха в истории Российской империи стала временем активного зарождения и формирования нарративов исторической памяти. Происходит увековечивание памяти о войне 1812 г. путем сооружения монументов и проведения массовых юбилейных мероприятий. В периодике можно увидеть формирование представлений о войне 1812 г., которые впоследствии станут устойчивыми элементами коммеморации на протяжении последующих двух столетий: это идеи об освобождении Европы Российской империей, особая невоенная роль Александра I в достижении победы и представление войны 1812 г., как войны народной, в которой участвовали все слои населения. Показателен тот факт, что консервативные проправительственные журналы, такие как «Русский вестник» и «Исторический, статистический и географический журнал» сосредотачивались на теме Заграничных походов 1813–1814 гг. и концепции спасения Европейских стран параллельно много освещая заслуги императора (в том числе и в мотивации населения в борьбе с французскими захватчиками), в то время как умеренно-консервативный журнал «Вестник Европы» концентрировался на участии народа в Отечественной войне 1812 г. и его заслугах и внутренних духовных мотивах для борьбы. Либеральная общественно-политическая пресса, представленная в 1817 г. «Духом журналов», в большей степени интересовалась «французской стороной», уделяя много внимания персоне Бонапарта, тем не менее, разделяя идеи консерваторов о заслугах российского царя и М.И. Кутузова в войне 1812 г.

Государственные инициативы в мемориализации событий войны 1812 г. оказались активно восприняты обществом: участие народа в церемониальных мероприятиях или использование, хоть и ограниченное, определения войны в публицистике как отечественной, активнейшее обсуждение периода 1812 г. в публицистике. Это ещё раз подчеркивает, что на период 1817 г. в определенной мере существовало совпадение

интересов и запросов общества, по крайней мере образованной его части,
с мемориальной политикой государства.

Маршруты писцов в Московской Руси XVI века

В условиях неразвитости частной переписки в России эпохи Средневековья и раннего Нового времени основу социальных коммуникаций составляли личные контакты. Именно переезды тех или иных лиц из одного места в другое, подчас весьма удаленное, сплачивали лишь недавно объединенное государство многочисленными, хотя и не всегда очевидными личными связями. Последние придавали еще непрочному образованию не только политическое и экономическое, но и социокультурное единство. Маршруты перемещений служилых людей и торговцев уже неоднократно рассматривались в науке². В случае с ними речь идет о весьма немногочисленной группе. Неизбежен вопрос: каков был уровень мобильности представителей прочих, более многочисленных, слоев населения?

В поисках ответа обратимся к массовым источникам, которые в свете задач, стоящих перед социальной историей, системно еще не исследовались. Речь идет о датированных выходных записях рукописных книг XVI в. Ранее они привлекались лишь для решения исключительно книговедческих задач. Это, в частности, было обусловлено тем, что публикация полных текстов известных нам 734 выходных записей книг 1500–1600 гг., хранящихся в 44 архивах, библиотеках и музеях, была

¹ Усачев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

² Обзор основных работ, посвященных миграциям населения в XVI в., см.: *Гоская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 30–35, 40–41, 45–46. Исследование массовых миграций в России раннего Нового времени в исторической науке, как правило, велось на несравнимо лучше сохранившемся материале XVII в.

предпринята лишь в 2018 г.¹ Наряду со сведениями о происхождении манускриптов колофоны содержат информацию об именах, статусе и местах жительства многих сотен лиц, принадлежащих к самым разным – чаще всего многочисленным, но относительно невысоким по своему положению – социальным группам. Свое внимание мы сосредоточим на 477 известных нам писцах. В целом ряде случаев, заканчивая переписку книг, они сообщали не только о месте своей работы, но и о своем происхождении. Они далеко не всегда совпадали.

Но прежде обратим внимание на методологическую проблему, которая несколько затрудняет наше исследование – интерпретация сведений о происхождении переписчиков представляет определенные сложности. Конечно, если писец сообщает о том, что он «рождение имея от града Можайска» или прибыл «из старейшего града Ростова», проблем нет. Трудно сомневаться, что переписчики происходили соответственно из Можайска и Ростова. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с «вологжанами», «москвитинами», «новгородцами», «ярославцами» и прочими. Речь могла идти как о личных антропонимах, так и о катойконимах. В литературе исследователи высказывали различные точки зрения на этот счет². Для нас принципиально важен вывод, к которому склоняется большинство ученых: хотя провести четкую грань между катойконимами и образованными на их основе антропонимами вряд ли возможно, в рассматриваемый период происхождение соответствующих лексем в подавляющем большинстве случаев обуславливалось связью

¹ См.: *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.; СПб., 2018. № 1–733, 324а.

² См.: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен: с прил. / Подг. изд. и предисл. Ф.Б. Успенского. М., 2005; *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968; *Чичагов В.К.* Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959; *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М., 1995; *Кюргишнова И.А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

(происхождением или длительным проживанием) соответствующего лица с тем или иным населенным пунктом (или территорией). В силу этого «вологжан», «москвитинов», «новгородцев» и прочих далее мы будем рассматривать как лиц, скорее всего, либо родившихся, либо какое-то более или менее значительное время проживавших в Вологде, Москве, Новгороде или их округе.

В ходе проведенного сопоставительного анализа мест переписки книг и происхождения писцов удалось установить следующее.

1. За пределами «своего» населенного пункта работало от 76 до 88 переписчиков из 477, имена которых фиксируют известные нам выходные записи. Как видим, речь шла о достаточно значительной части писцов – мигрантов среди них могло быть от примерно 15,9% до примерно 18,4%. Учитывая то, что далеко не все писцы в текстах колофонов сообщили о своем происхождении, можно полагать, что в реальности их было больше.

2. Отсутствие упоминания о происхождении писца может косвенно указывать на то, что он работал в «своем» населенном пункте. Жителю того или иного города, работающему в нем, не было нужды указывать на место своего происхождения или длительного проживания. Географическая самоидентификация отличала представителей слоев, далеких от вершины русского общества XVI в. К ним принадлежало подавляющее большинство писцов.

3. Среди писцов-мигрантов профессиональных книгописцев было относительно немного. Подавляющее большинство переписчиков представляло различные слои русского общества. Среди них мы находим руководителей Русской церкви (8 писцов), прочих иноков (37), представителей белого духовенства (15), иных лиц относительно невысокого статуса (8), а также тех, чей статус нам не удалось определить (14) (вероятно, он также был не слишком высок). Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев мигрантами являлись лица

сравнительно невысокого статуса. Случаи перемещения писцов дают представления о перемещении не столько узкого круга профессионалов в области книжного дела (их, судя по всему, было немного), сколько более многочисленных представителей различных слоев населения, которые в свободное от основных занятий (церковная и воинская служба, выполнение хозяйственных поручений и т.д.) время среди прочего занимались и перепиской книг¹.

4. Сообщая о своем происхождении, переписчики в подавляющем большинстве случаев указывали города. Среди них записи фиксируют жителей Новгорода (4 писца), Ростова (4), Вологды (3), Москвы (2), Костромы (2), Старицы (2), Тотьмы (2), Ярославля (1), Ладоги (1), Старой Руссы (1), Серпухова (1), Радонежа (1), Переславля (1), Каргополя (1), Казани (1), Твери (1), Углича (1), Галича Мерьского (1), Устюга Великого (1), Устюжны Железопольской (1), Каменца Подольского (1) и Полоцка (1). Среди писцов встречались выходцы и из более мелких населенных пунктов: Сенной Губы или Сенногубского погоста (1), сел (?) Онтоново (?) (1), Мисюрово (?) (1), Дермино (?) (1), Никольского Лальского посада (1) и, возможно, Павлова Острога (1). К их числу, вероятно, можно отнести и книжников, которые указали на местность, с которой они происходят – территории, прилегающие к Белому озеру (2), Вычегде (1) и Северной Двине (1). По-видимому, речь шла об относительно небольших населенных пунктах. Нетрудно заметить, что этих писцов существенно меньше: если, согласно данным выходных записей и иным источникам, выходцев из городов 38, то из прочих населенных пунктов – 10.

5. Судя по всему, в целом ряде случаев для работы привлекали переписчиков, проживавших в округе (порой в радиусе до нескольких

¹ О социальном и персональном составе писцов в России XVI в. см.: Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 200–325.

десятков километров). Скорее всего, подавляющее большинство писцов известных нам датированных манускриптов XVI в., не указавших своего происхождения, являлись местными жителями – клириками сельских и городских церквей, монастырскими слугами и т.д. Среди писцов-мигрантов таких тоже немало. Значительная часть из них так или иначе была связана с соответствующим регионом. Это касается как светских лиц, так и представителей духовенства – белого и черного. Значительную часть насельников обителей составляли жители более или менее отдаленной округи. Скорее всего, либо непосредственно в соответствующем населенном пункте, либо в его округе проживало большинство переписчиков.

6. Какая-то более или менее значительная часть писцов-мигрантов происходила и из других регионов, порой весьма отдаленных от мест переписки книг. Это касалось как светских лиц, так и представителей белого и черного духовенства.

7. Важным, возможно, главным вектором миграций был путь писцов из регионов в столицу и в обратном направлении. Из 29 писцов, согласно выходным записям, работавших в XVI в. в Москве (включая находящиеся непосредственно на ее территории обители), не менее 8 (т.е. около 27,6%) являлись мигрантами. Выходные записи в столице фиксируют выходцев из Новгорода, Вологды, Старицы, Каменца Подольского, Костромы, Старой Руссы, Ростова и, вероятно, с Балкан. В свою очередь «москвитин» мы встречаем в различных уголках страны: в подмосковной Троице, Комельской волости Вологодского уезда, в Соловецком и Агапитовом Маркушевском монастырях.

8. При несомненной значимости вектора «столица – регионы»/«регионы – столица» перемещения писцов им не ограничивались. Киевлянин Федор (Фотий) перебрался в Иосифо-Волоколамский монастырь, постриженник Николо-Угрешского монастыря

Деряга (Иосиф) перешел в Кириллов, белозерец Игнатий (Курачев) фиксируется в Троице, ярославец Никифор занимался перепиской книг в Казани, казанец Владимир Иосифов сын перебрался в Астрахань.

9. Помимо перехода в столицу к числу наиболее явных маршрутов можно отнести еще один. Ряд писцов, работавших в Поморье во второй половине XVI в., происходил из Новгорода, Тотьмы, Вологды, т.е. являлись мигрантами. Это хорошо согласуется с давно установленным в историографии фактом – Поморье особенно интенсивно заселялось именно во второй половине XVI в. выходцами с Северо-Запада и Северо-Востока страны.

10. Итоги рассмотрения доступных нам источников побуждают обратить внимание на особое место Новгорода с точки зрения происхождения работавших в нем переписчиков. Если новгородских писцов мы фиксируем в различных регионах страны – в Москве, в Поморье, на Северо-Востоке и в иных городах Северо-Запада – то в самом Новгороде (без пригородных обителей) за исключением, очевидно, приглашенного архиепископом Макарием боровского инок Аркадия мигрантов нам выявить не удалось. И это при том, что в этом городе датированные выходные записи XVI в. фиксируют весьма значительное число писцов – 15. Данная особенность в происхождении писцов резко отличает Новгород от Москвы, в которой, как отмечалось выше, было немало переписчиков-мигрантов. Вероятно, это было связано, во-первых, с тем, что своих писцов этому городу хватало: по крайней мере, до 70-х гг. XVI в. богатейший русский город эпохи Средневековья занимал особое место в истории отечественной культуры (в т.ч. и книжной). Лишь опричный разгром зимы 1569/70 г., а также хозяйственный кризис Северо-Запада в последней трети XVI в. подорвали демографический, экономический и культурный потенциал Новгорода. Во-вторых, потоки миграций, по крайней мере, во второй половине интересующего нас

столетия вели не в Новгород, а в обратном направлении. Выходцы с Северо-Запада активно осваивали Поморье и иные регионы. Массовые переселения в Новгород в этот период источники не фиксируют.

Как нетрудно заметить, меры, которые принимали власти, с конца XV в. последовательно проводя политику, направленную на ограничение перемещения тяглого населения (прежде всего, сельского)¹, имели под собой вполне реальное демографическое основание. Уровень горизонтальной мобильности достаточно многочисленных групп населения был достаточно высок. Она, по сути, пронизывала огромную территорию не поддающимися учету неформальными социальными связями. Вероятно, они оказали свое, пока еще в полной мере неопределенное, влияние на главный итог Смуты: несмотря на политические катаклизмы начала XVII в. лишь относительно недавно объединенная страна сохранила свою целостность.

¹ Последний их обзор см.: *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. С. 282–332.

**Семейная история как контент для социально-значимого проекта:
исследовательские стратегии и коммуникативные практики
(на примере «Книги Памяти Республики Коми»)**

Широкое распространение современных информационных технологий способствовало появлению как новых форматов сохранения исторической памяти, так и новых коммеморативных практик².

С другой стороны, для современной России особое значение приобретают такие практики сохранения памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., которые в условиях нарастающего процесса глобализации не могут не выступать в качестве одного из основных инструментов конструирования культурной и коммуникативной идентичности³.

Еще в конце 1980-х – 1990-е годы во всех регионах страны были созданы многотомные «Книги Памяти», в которых была произведена инвентаризация сведений о фронтовиках. В 2000-е годы прошел массовый процесс перевода «Книг Памяти» из формата традиционного печатного издания в новый облик электронной базы данных, а в следующем

¹ Филимонов Владимир Альбертович – кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; Иванов Федор Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

² См.: Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

³ См.: Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис +. 2017. № 2. С. 66–76; Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.

десятилетия на их основе стали разрабатываться различные интерактивные проекты, в том числе и созданная в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина интернет-мультиэнциклопедия «Книга Памяти Республики Коми»¹. Данный проект является социально значимым и нацелен на сбор, сохранение, репрезентацию и изучение биографических данных о фронтовиках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., родившихся или призванных в армию с территории современной Республики Коми, а также проживавших здесь в последующие годы.

Одной из ключевых особенностей проекта является организация его работы через электронную среду: все вновь обретенные данные оперативно размещаются на специально разработанном сайте и в группе проекта в социальной сети «ВКонтакте», что позволяет последовательно уточнять, дополнять и сохранять информацию в данных².

Каждая из размещенных на сайте 172 179 учётных записей представляет собой биограмму одного отдельно взятого фронтовика, упорядоченную в соответствии со строгим формуляром, который включает в себя следующие рубрики:

- фамилия, имя и отчество
- дата рождения
- место рождения
- место призыва
- последнее отмеченное место
- звание
- должность
- причина выбытия

¹ См.: Книга Памяти Республики Коми [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorybook-rk.ru/>, свободный (дата обращения: 22.10.2019).

² См.: Там же; Книга Памяти Республики Коми [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/publicramyatropoleniy>, свободный (дата обращения 22.10.2019).

- дата смерти
- дата выбытия
- место выбытия
- место захоронения
- откуда перезахоронили
- госпиталь
- лагерь
- дата пленения
- место пленения

Совокупность сведений, сосредоточенных в рубриках, составляет вербальный контент страницы, тогда как визуальный контент включает в себя:

- фотографии персоналий, мест памяти, наград и т.п.;
- скан-копии нормативно-правовых актов (указы о награждении и лишении наград) и делопроизводственных материалов (наградные листы, приказы о награждении и иные документы государственных органов управления, донесения о потерях, «похоронки» и т. п.);
- электронные копии источников личного происхождения (письма, мемуары, воспоминания);
- оцифрованные публикации из «бумажной» периодики;
- прочие материалы (например, онлайн-версии статей и книг о персоналиях).

О большинстве участников войны в электронной базе данных «Книги Памяти Республики Коми» содержится предельно краткая информация, в свое время предоставленная Министерством обороны при создании печатной версии издания и ограничивающаяся самыми общими сведениями, а визуальный контент и вовсе отсутствует. Некоторое

исключение составляют особо отличившиеся на поле боя солдаты и офицеры, представители старшего и высшего командного состава армии, а также те фронтовики, которые своей мирной деятельностью были известны еще до войны или стали таковыми после 1945 года. Это, прежде всего, государственные и партийные деятели, литераторы и журналисты, ученые, артисты, художники, заслуженные преподаватели и учителя, выдающиеся представители других профессий. Усилиями участников проекта их биограммы стали более информативными в силу большей доступности материала как вербального (статьи из энциклопедий и справочников, периодики и т.п.), так и визуального.

Что касается остальных фронтовиков (а это основной массив информации), то помимо традиционной работы в архивах и библиотеках большим подспорьем для исследователей стали опубликованные в Интернете материалы официальных электронных баз данных Министерства обороны ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа», а также подобная информация, размещенная на иных ресурсах («Бессмертный полк», «Герои страны» и т.п.)¹.

Указанный формуляр составляет объективное ядро информации, базирующееся на документальных источниках. При этом два его раздела не имеют столь строгих оснований из-за включения обширного субъективного элемента, нуждающегося в проверке. И если рубрика «Дополнительные сведения» в большей степени зависит от субъективного выбора исследователя-модератора (она включает в себя сделанные составителем комментарии разночтений и противоречий в документах, а также список литературы, в которой упоминается герой страницы), то

¹ См.: Мемориал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://memorialmemorial.ru/>, свободный (дата обращения 22.10.2019); Память народа 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/>, свободный (дата обращения: 22.10.2019); Подвиг народа 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>, свободный (дата обращения 22.10.2019).

раздел «Дальнейшая судьба» может содержать любую биографическую информацию, в том числе прямо (непосредственно) или косвенно (опосредовано) исходящую от участника или очевидца событий.

Чаще всего такая работа проходит в виде сбора материалов, имеющихся у родственников участников войны. В последнем случае информация сохраняется либо в семейном архиве, либо в человеческой памяти. Семейные архивы к настоящему времени либо уже актуализированы, либо безвозвратно утрачены, а вот информация, которая хранится в памяти, еще сохраняет актуальность, несмотря на то, что непосредственных участников событий и даже непосредственных очевидцев их рассказов почти уже не осталось. Так или иначе в результате взаимодействия с родственниками имеется возможность не просто получить, но и активизировать уникальные, зачастую нигде ранее не звучавшие данные, выкристаллизовавшиеся в семейные истории и легенды («мама рассказывала, что бабушка хорошо помнила, как прадед перед уходом на фронт...», «прадед, по словам отца, не любил вспоминать о войне...» и т.п.).

Значение подобного рода контента возрастает ещё и потому, что опубликованные базы данных по погибшим дают лишь самые общие биографические сведения, а по награжденным лицам – не всегда полные. Именно поэтому детские воспоминания о дедовых наградах, подтвержденные скан-копией сохранившейся орденской книжки, способны закрыть информационную лакуну в том случае, когда наградной лист утрачен или пока не опубликован.

Как уже было сказано, для размещения субъективной информации предусмотрена лишь одна рубрика формуляра – «Дальнейшая судьба». Конечно, в идеале можно предусмотреть в формуляре самостоятельную рубрику для публикации материалов такого рода, однако, на наш взгляд, есть другая, более полноценная возможность выводить семейную

историю из короткого прокрустового ложа формуляра и размещать её в виде ссылки или гиперссылки на отдельную публикацию. При этом на основе препарированной семейной легенды должна быть создана научная версия событий – логичная, непротиворечивая и верифицируемая. На наш взгляд, наиболее подходящим форматом для подобной публикации является лонгрид, который, легко проиллюстрировать имеющимися визуальными данными (фото, скан-копии документов и т.п.), удобно разместить в социальной сети, а гиперссылку на него – в рубрике «Дополнительные сведения» на сайте проекта.

То, как из короткой реплики собирается полноценная семейная история уже как жанр научного повествования, можно увидеть на примере реконструкции фронтовой и послефронтовой судьбы Евгения Евгеньевича Полунина. Первоначально его дочь – В.Е. Полунина - обратилась с запросом такого содержания: «... Полунин Евгений Евгеньевич — мой отец, не нашла в Книге Памяти РК. Проживал после войны в пос. Вой-Вож, Ухте, умер в Ухте 02.04.1997 г. Призывался из г. Грозный — до войны жил там ...». Как выяснилось, Е.Е. Полунин был внесен в Книгу Памяти, которая, правда, содержала лишь краткую информацию и при этом в качестве места призыва указывала г. Баку и дату – март 1942 г. После запроса дополнительных данных от родственников и поиска в базах данных было установлено, что в Книге содержатся ошибки, и настоящее место призыва в армию Е.Е. Полунина – г. Грозный, а произошло это в январе 1943 г. Впоследствии были полностью восстановлены боевой путь фронтовика и его послевоенная судьба, учётная запись стала больше по объёму и существенно информативнее¹.

¹ См.: *Филимонов В.А.* В серой шинели рядового... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/@publicramyatpokoleniy-bez-nazvaniya>, свободный (дата обращения: 22.10.2019).

Важным фактором, влияющим на возможность успешной реализации нашего проекта, является его PR-сопровождение, в рамках которого происходит налаживание коммуникации с родственниками фронтовиков через сайт, социальные сети и электронную почту, поддерживается возможность и для личного общения в офисе. Наглядность, репрезентативность и оперативность в размещении материалов на сайте, с одной стороны, позволяет сразу же продемонстрировать результат совместной работы тем, кто предоставляет информацию о своих родственниках, с другой стороны, стимулирует других заинтересованных лиц поделиться своей семейной историей. Основной массив информации от родственников фронтовиков приходит по электронной почте и через группу в социальной сети «ВКонтакте», причем последняя оказалась более эффективной для выстраивания взаимодействия с населением. Получаемые отклики (*«я и вся моя семья очень вам благодарны!»*; *«Я потрясена!! Огромное Вам спасибо за эту работу, и за ответ!!! Это просто прорыв в моих поисках»* и др.) становятся публичным капиталом ресурса и также помогают рекрутировать новых информаторов.

В то же время остается значимым и личное взаимодействие с родственниками, которые на встречах в офисе рассказывают о связанном с Великой Отечественной войной семейном прошлом, приносят для сканирования и фотографирования различные материалы о фронтовиках, боевые награды. Фотоотчеты о таких встречах, публикуемые в социальных сетях, помогают сформировать положительный имидж как самой площадки проекта, так и ее деятельности. Например, в 2019 г. Валентина Алексеевна Медведенко принесла для копирования фотографии, удостоверения к наградам, дипломы, свидетельства и трудовую книжку своего отца – уроженца д. Вадыб с. Вотча (ныне — Сысольский р-н Республики Коми) капитана медицинской службы

Алексея Вениаминовича Бобкова, что позволило внести изменения и исправить неточности, вкравшиеся в биограмму фронтовика. Олег Александрович Кутькин помог уточнить ряд важных биографических данных своего деда Моисея Григорьевича Патракова, уроженца д. Выльгорт (ныне Удорского района Республики Коми), и пополнить его учётную запись фотографиями и скан-копиями документов. Елена Ароновна Толчинская – дочь участника Великой Отечественной войны гвардии майора Арона Рахмилиевича Толчинского не только поделилась сведениями о нём и семейными фотографиями, но и передала нам свою книгу об отце, изданную очень небольшим тиражом, которую с разрешения автора мы разместили на сайте и сделали доступной для посетителей ресурса.

Получаемый в ходе краудсорсинговой коммуникации вербальный контент (семейные истории) типологически подразделяется на воспоминания и так называемые семейные легенды. Воспоминание – это рассказ непосредственного участника событий или их очевидца, правда, в нашем случае, за давностью прошедших лет, обычно передаваемый в пересказе второго или даже третьего лица. Соответственно, каждый раз на субъективность рассказчика накладывается субъективность восприятия его слушателя. Кроме того, такие источники помимо фактической информации, которая может и не иметь документального подтверждения, способны передать отношение корреспондентов-ретрансляторов к повествуемым событиям, то есть зафиксировать момент не только рациональной, но и эмоциональной сопричастности, важность которой для памяти и идентичности трудно переоценить.

В ходе работы над проектом чаще приходится иметь дело со вторым типом источников – семейными легендами, под которыми мы подразумеваем фиксированный устный или письменный текст, содержащий изложение и интерпретацию знаковых событий из истории

собственной семьи. Такого рода предания транслируются из поколения в поколение, и здесь также возможна интерференция исходного нарратива (уже изначально субъективного) на совокупность субъективностей последующих рассказчиков. При этом следует помнить, что у нынешнего поколения есть существенное преимущество: опираясь на опубликованные в Интернете подлинные документы, они в большей степени, нежели их предшественники, способны подтвердить или опровергнуть факты, ранее принимаемые на веру. Исследователями уже отмечено типологическое сходство подобных текстов с источниками по устной истории¹.

Все получаемые из подобных источников сведения подвергаются строгой проверке. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть содержащиеся в них сведения, идет сравнение с имеющимися в распоряжении исследователей документальными источниками и, в первую очередь, с информацией из баз данных Министерства обороны, а при необходимости – с информацией иных региональных Книг Памяти². Важность экспертной работы специалиста-историка в ходе восстановления фронтовых судеб участников войны трудно переоценить. Показателен пример, связанный с анализом данных, предоставленных московским поисковым отрядом «Обелиск». По их информации, на протяжении шести они ведут поиск родственников найденного ими погибшего в боях Великой Отечественной рядового Григория Лырзина — уроженца Коми АССР.

¹ См.: *Черепанова Р.С.* О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 80–85.

² См.: *Иванов Ф., Филимонов В.* Научная историческая экспертиза как практика конструирования культурного контекста в глобальном пространстве коммуникации (на примере проекта «Книга Памяти Республики Коми» // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 20-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 15-16 ліст. 2018 г. / рэдкал.: В.М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. - Мінск: БДУ, 2018. С. 214–217.

В ходе кропотливого сличения записей в источниках сотрудниками проекта было установлено, что размещенный в ОБД «Мемориал», «Именной список <...>, умерших от ран в период <...> с 10 по 20 августа 1943 г., на который опирались поисковики, содержит нечеткое (двояко толкуемое) написание фамилии бойца. При этом в нашей базе данных значится рядовой Григорий Васильевич Лыткин, уроженец села Озёл Корткеросского района Республики Коми (сейчас с. Озёл входит в состав Сыктывдинского района), призванный Ухтинским райвоенкоматом Коми АССР. Несмотря на то, что идентификация солдата затруднялась наличием в нескольких документах различных вариантов ошибочного написания названий военкомата («Охтинский», «Ухтомский» вместо «Ухтинский»), района («корт. Перовский», «Кор... овский», вместо «Корткеросский») и родного села фронтовика («Азел», вместо Озёл), было доказано, что поисковикам удалось найти захоронение именно нашего Г.В. Лыткина¹.

Правильное прочтение семейной легенды способно инициировать работу по восстановлению судьбы человека. Например, о Лаврентии Ефимовича Марищук в фамильном предании отложились только такие сведения: «был призван в августе 1942 г. из Железнодорожного районного военкомата Коми АССР – он был заключенным и ушел на фронт в штрафбат». Как выяснилось в ходе исследования, Л.Е. Марищук был призван в июле 1941 г. в Крымской АССР, в октябре 1941 г. он был осужден и отбывал наказание в Коми АССР, откуда в августе 1942 г. был

¹ См.: *Филимонов В.А.* Найти рядового Лырсына [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/@publicramyatpokoleniy-naiti-ryadovogo-lyrsina>, свободный (дата обращения: 22.10.2019).

вторично призван в РККА, и уже после этого пропал без вести в июне 1944 г.¹

«Книги Памяти», как и практически все остальные проекты по коммеморации и сакрализации Победы, создавались и продолжают функционировать, прежде всего, как дискурс власти, как инструмент не только иллюстрации, но и конструирования коллективной идентичности. При этом исследователи справедливо указывают на «идентификационные риски коммеморативных практик», когда «образ народа-победителя сначала соперничал, а затем и полностью заменил образы самой войны, сохранившийся личной памяти ветеранов»².

По нашему мнению, семейная история через своё основное свойство – субъективность – позволяет одновременно конструировать и сохранять образ войны, как страшной трагедии человека и человечества. Подобный конструкт в большей степени должен восприниматься не как альтернативный официальному, а как позволяющий уравновесить два диалектически связанных между собой взгляда на один и тот же социокультурный феномен. Привнесение в наш проект семейной истории способно не только разнообразить, но и в значительной степени гуманизировать его контент, наполняя его живым содержанием и делая его по-настоящему социально-значимым.

Таким образом, активное обращение к семейной истории является особенностью проекта «Книга Памяти Республики Коми» на текущем этапе его развития, что обуславливается двумя причинами. С одной стороны, это ограниченность количества традиционных источников и неполнота содержащейся в них информации. С другой стороны, это

¹ См.: *Филимонов В.А.* На почту пришло письмо... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/@publicramyatpokoleniy-na-pochtu-prishlo-pismo>, свободный (дата обращения: 22.10.2019).

² *Головашина О.В.* Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://st-hum.ru/en/node/513>, свободный (дата обращения: 22.10.2019).

необходимость гуманизации проекта, который в новых реалиях должен учитывать не только государственный, но и социальный дискурсы истории Великой Отечественной войны. Последнему способствует и новый формат «Книги Памяти» как интерактивного интернет-ресурса, нацеленного на взаимодействие с обществом. Изначальное определение нашего проекта как социально-значимого потребовало применения междисциплинарного подхода в организации сбора семейных историй при помощи PR-сопровождения, что позволило более эффективно наладить взаимоотношения с целевой аудиторией. Семейная история в силу присущей ей субъективности не может стать основой для заполнения учётных записей персоналий в базе данных, но при этом является важным источником дополнительного контента. Перед применением вся собранная информация должна быть подвергнута, во-первых, научной исторической экспертизе и, во-вторых, процедуре объективации. Последующую коммеморацию полученных данных целесообразно проводить как в более объективированном виде в биограммах фронтовиков, так и с большим сохранением субъективности источников в формате лонгрида – созданной на основе препарированной семейной легенды научной версии событий.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕЯ В РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН ДО КОНЦА XX В.»

М.А. Юсим¹

Парадоксы республиканской идеи²

Изучение прошлого, безусловно, является процессом коммуникации, или проще говоря, общения. Ведь главная польза истории заключается именно в размышлении, которое всегда диалогично, то есть предполагает общение, – и в обращении к опыту и его осмыслению прежними поколениями.

Общение требует взаимопонимания, поэтому сегодня столь актуальна проблема понятий – слов, которые мы, и в частности, ученые историки, используем в своей работе и в своих диалогах с прошлым и друг с другом. Слова в наше время становятся все более многозначными, их смысл более размытым, они теряют идеологическую силу.

Не является исключением и республиканская идея, которая сохраняет свою традиционную связь с понятиями общего блага и демократией (в смысле распределения власти) и вместе с тем исторически приобретает самые разные обличья, иногда, казалось бы, чуждые ей и далекие от нее.

Скажем, эпоха Средневековья в сознании образованного человека связывается с правлением королей, с произволом сеньоров и господством

¹ Юсим Марк Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН.

² Статья подготовлена, в рамках исследовательского проекта РНФ (№19-48-04112) «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

универсальных идей (которые в терминологии сегодняшнего дня могли бы претендовать на звание «тоталитарных»). Но при ближайшем рассмотрении эта эпоха оказывается проникнутой республиканизмом или демократией – в смысле распределения власти в разных формах в противовес ее централизации.

Обычно носителями республиканской идеи в Средние века считаются европейские городские коммуны, обладавшие политической самостоятельностью и располагавшие соответствующими институтами законодательной и исполнительной власти, начиная от народных собраний, советов, парламентов, вече и заканчивая собственными вооруженными силами. Однако коллективное, общинное начало присутствовало и в таких далеких на первый взгляд от республиканизма институтах, как церковь, где выборность епископов, других должностных лиц вплоть до патриархов и пап неизменно сохранялась наряду с тенденциями к централизации и монополизации власти и в борьбе с посягательствами на верховенство светских правителей (борьба за инвеституру, конкордаты, конциляризм).

В избираемости другого высшего авторитета в Западной Европе, императора, также сохранявшейся в противоборстве с принципом наследования, можно видеть наличие элементов республиканизма, во всяком случае трудно отрицать их историческую преемственность по отношению к демократическим античным институтам. То же относится к представительным учреждениям Средних веков – парламентам, генеральным штатам, сеймам, земским соборам – чаще всего они не могли реально ограничивать власть монархов и имели лишь совещательный голос, тем не менее, на практике их функции могли расширяться и в ходе политических перипетий приобретать решающий вес.

Правомерно ли видеть в таких явлениях некий «республиканизм» или нет, зависит от того, что в каждом данном случае мы захотим

называть этим словом. Естественно, разброс значений не безграничен и должен так или иначе опираться на этимологический и исторический подходы, хотя каждая эпоха, в том числе и наша, может понимать «республиканизм» совершенно по-своему. В наше время республика в самом общем значении противопоставляется монархии, как демократия «тоталитаризму», авторитаризму, диктатуре и в целом волеизъявление многих волеизъявлению одного человека. Если считать этот последний принцип выражением республиканизма, то можно и характерную для Средних веков децентрализацию, распределенность и атомизацию власти вообще понимать как одно из его проявлений, хотя в учебниках эти черты средневековых обществ принято называть «феодалной анархией»¹.

На мой взгляд, речь идет здесь, действительно, не столько о противоположности государственных форм, монархии и республике, сколько о внутреннем противоречии, присущем государству как институту и точнее даже феномену в развитии человеческой цивилизации. Оно заключается в том, что этот институт изначально и с рациональной точки зрения должен работать на коллектив, обеспечивая его внутреннюю и внешнюю безопасность, но эта задача, волнующая всех, решается путем делегирования полномочий части общества или вовсе одному человеку. Эта часть получает власть, монополию на насилие и обычно использует ее (в том числе и) в своих интересах. Государственные, или политические институты должны служить общему благу, а на практике в большинстве случаев служат частным, потому что властные решения должен кто-то

¹ Ср. понимание феодализма у В. Парето: «Во всяком человеческом сообществе друг другу противостоят две силы. Одна из них, которую можно назвать центростремительной, способствует концентрации центральной власти, другая, которую можно назвать центробежной, подталкивает к разделению... В вечном движении точка равновесия этих двух сил постоянно смещается то в одну, то в другую сторону, и все время по-разному, не следуя какому-то правилу; эти колебания проявляются в виде самых разнообразных феноменов. Один из них, наблюдавшийся в Средние века в Европе, получил название «феодализм»». *Парето В. Трансформация демократии. Пер. с итал. М., 2011. С. 22.*

принимать, либо один человек, либо группа, либо множество: условно говоря, все общество, например, на референдуме.

В наше время редко кто станет прямо отрицать ценность политической свободы, демократии, всеобщего равенства и т.п. История, которая и является полем реального бытования отвлеченных идей, показывает, насколько непростым было утверждение названных принципов. Представления о государстве, общем благе, республике и способах наилучшего управления вообще формировались постепенно и находились между собой в не совсем привычных с сегодняшней точки зрения отношениях. В европейской традиции эти идеи получили свое первое осмысление благодаря трудам античных греческих и римских мыслителей. Идея государства как института, служащего обществу, восходит к практике греческих полисов (πόλις), слово, происходящее от прилагательного πολύς, «многий». При этом Аристотель отдавал предпочтение единоличному, как считалось в Средние века на основании таких его высказываний: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого»¹. Но на практике, противопоставляя хорошие формы правительства (монархия, аристократия, полиция) дурным (тирания, олигархия, демократия) он, а впоследствии Полибий, считают наилучшим смешанное правление. Цицерон, оказавший важнейшее влияние на политическую мысль Ренессанса и через него Нового времени, собственно и способствовал укоренению термина «республика» как оптимальной формы государства, хотя сам он использует его в значении «римская

¹ *Аристотель*, Политика, 1261а. Пер. С. А. Жебелева.

республика», «общее достояние римского народа», «общее дело»¹. Его выражение *status rei publicae* можно было бы перевести как «состояние государства», где государство выступает как синоним «республики», хотя и не полный. Тем не менее, важно отметить связь понятий «республика» и «государство» в этот период, когда абстрактное понимание государства еще не выработалось² – эта связь заключалась в том, что «правильное» государство, государство, соответствующее своему назначению, это то, которое служит общему благу.

В Средние века понятие *res publica*, привязанное позднеримскими юристами к достоянию империи, считалось атрибутом последней и в качестве образцового, архетипического государства рассматривалась именно Римская республика-империя, к устройству и первородству которой апеллировали римский трибун Кола ди Риенцо³ и флорентийские хронисты⁴.

¹ «Итак, государство (*res publica*) есть достояние народа, а народ — не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». О государстве (*De re publica*). I, XXV, 39. Пер. В. О. Горенштейна.

² «Цицерон под *res publica* не имел в виду конкретную форму государства... для обозначения понятия форм государства Цицерон использует словосочетания: *status rei publicae*... *res publica* не означала у Цицерона конкретную форму государства, вроде современной республики или греческой «демократии». Это и не «государство» вообще. *Res publica* прежде всего — принцип формирования любого «истинного», то есть здорового, сообщества людей, независимо от того, управляется оно демократическими, аристократическими или монархическими учреждениями (притом, что эти формы не встречаются в чистом виде)». *Межеричский Я.Ю.* Восстановленная республика императора Августа. М., 2016. С. 231, 236.

³ См.: *Vigueur J.-C.M.* Cola di Rienzo // *Dizionario biografico degli Italiani*. V. 26. Roma, 1982. P. 662–675; *Dupré-Theseider E.* L'idea imperiale di Roma nella tradizione del Medio Evo, Milano 1942, P. 273–345.

⁴ «Итальянские коммуны, и особенно тосканцы, вместе с римским народом в своем правлении разделяли гражданские права и свободу этого народа, который назначал императоров своей властью... Названный народ возводил императоров на трон и иногда свергал их из-за их преступлений, а вольность римского никак не зависела от вольности империи и не была податной, как у других народов, подчиненных народу, сенату и коммуне Рима» («col popolo romano i comuni d' Italia, e massimamente i Toscani, sotto il loro principato parteciparono la cittadinanza e la libertà di quello popolo, la cui autorità creava gl' imperadori... 'l popolo predetto faceva gl' imperadori, e per la loro reità alcuna volta gli abbattea, e la libertà del popolo romano non era in alcun modo

Понятие государства от латинского status (state, Staat, état, estado, stato), возводимое к приведенному словоупотреблению Цицерона, вырабатывается на заре Нового времени (часто его привязывают к Макиавелли)¹. Но в начале XVI в. понимание слова далеко не однозначно, что касается государственных форм, то Макиавелли сопоставляет с монархией, единовластием (principato, regno) республику (republica), но при этом он сохраняет теорию циклического перехода форм и предпочтительности смешанного правления, и не отождествляет «гражданского образа жизни», «свободного образа жизни» (vivere civile, vivere libero) только с «республикой» – им противопоставляется «тирания», которая может быть присуща любой форме правления². Идеи Ренессанса (а через них античные) о том, что власть должна служить общему благу, что только в республиках можно обеспечить настоящее равенство и свободу, что наилучшей является смешанная форма правления, получили дальнейшее развитие в политической мысли Нового времени в виде учений о разделении властей, об общественном договоре, о социалистическом переустройстве общества. До Французской

sottoposta alla libertà dell' imperio, nò tributaria come l'altre nazioni, le quali erano sottoposte al popolo, e al senato e al comune di Roma...”). Villani M. Cronica di Matteo Villani a miglior lezione ridotta coll' aiuto de' testi a penna. T. II. Firenze, 1823. Cap. LXXVII. P. 269–270.

¹ См. еще в начале XX в. у *Еллинек Г.* Право современного государства. Том первый. Общее учение о государстве. Изд. второе. СПб., 1908. С. 95 (1 изд. 1900). Также *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 400. (Прим. 24 к гл. I).

² Например, *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. 1, гл. 25. «Тот, кто пожелает заняться преобразованиями *городского устройства* так, чтобы они были приемлемы для всех и ни у кого не вызывали протеста, должен сохранить хотя бы следы прежних порядков... это, как я уже говорил, обязательно для того, кто собирается учредить *гражданское общежитие* в виде *республики или монархии*; но кто стремится к *неограниченной власти*, у писателей именуемой *тиранией*, тот должен поменять все...»». Chi vuole riformare *uno stato* anticato in una città libera, ritenga almeno l'ombra de' modi antichi... colui che vuole ordinare *uno vivere politico*, o per via di *republica o di regno*: ma quello che vuole fare una *potestà assoluta*, la quale dagli autori è chiamata *tirannide*, debbe rinnovare ogni cosa, come nel seguente capitolo si dirà. Цит. по: Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intratext.com/IXT/ITA1109/_IDX006.HTM, свободный; источник *Machiavelli N.* Tutte le opere. Firenze, 1971.

революции и Наполеоновских войн эти идеи находили сочувствие и у просвещенных монархов, иногда открыто отстаивавших республиканские ценности (Фридрих II Прусский, Екатерина Вторая).

Что касается России, то ее культурное и историческое развитие во многом определялось амбивалентным отношением к западноевропейской цивилизации. Наличие общих корней, географическое положение и другие факторы обусловили и желание пользоваться плодами европейской культуры, и стремление сохранять политическую, культурную и конфессиональную самобытность и автономию. Эта двойственность и некоторая вторичность по отношению к европейским новациям породили, на мой взгляд, резкие социально-политические рывки в историческом развитии и несоответствие теоретических установок реальной практике управления. Наименее резким это несоответствие было, очевидно, в эпоху реформ Петра Первого. Хотя он не стремился ни к какому «республиканизму» («Английская вольность здесь не у места, как к стене горох...»)¹, проводимая им «модернизация» была направлена на достижение современных ему политических стандартов и в определенном смысле вписывается в представления о деятельности просвещенного монарха, слуги Отечества. Сменившие Петра на престоле монархи и особенно монархини в плане взаимоотношений с Западом продолжили эту линию, но в их практике разрыв между декларируемыми идеалами «вольности» и республиканизма только усиливался. Вольность, и то в строго определенных пределах, становилась уделом части общества и вплоть до революций 1917 г. отмерялась периодически и довольно скупно. Обоснованием такого несоответствия могла служить идея о том, что форма правления должна быть соразмерна «народной материи» (она присутствует и у Макиавелли в виде учения о «развращенном народе», который к свободе не готов). Рассуждение из такого же ряда мы находим

¹ *Майков Л.Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 81.

у В.Н. Татищева («В России демократия невозможна, по обширности страны»)¹.

Общество в лице своей привилегированной верхушки могло сменять власть, устраивая дворцовые перевороты, но насколько это увязывается с «республиканизмом», трудно сказать, это вольность, доступная меньшинству. Реформы, проводимые сверху, тоже могут вписываться в некоторые теории если не «республиканизма», то просвещенного правления, руководствующегося интересами общего блага. В послепетровской России они либо оканчивались ничем («Наказ» Екатерины II), либо сменялись новым ужесточением режима, более или менее основательным. («Дней Александровых прекрасное начало», реформы Александра II и отмена крепостного права, конституционные реформы начала XX в., вызванные, правда, скорее революцией и внешними потерями). В советское время циклы, по-видимому, тоже наблюдались: Хрущевская «оттепель» и Брежневский «застой», Горбачевская «перестройка» и постепенный переход к «управляемой демократии».

Возможно, «по обширности страны», импульсы, идущие снизу, гораздо дольше доходили до правящей верхушки, а импульсы, направляемые сверху, даже с самыми благими намерениями, затухали в бюрократических структурах, больше всего заинтересованных в собственном выживании и самовоспроизведении. Изменят ли что-то «информационные революции», выяснится со временем. Конечно, выборность, ротация должностных лиц, прозрачность в принятии решений, учет общественного мнения, референдумы – проверенные инструменты демократии и «республиканизма», но как показывает

¹ Алтатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – I четв. XVIII в.). М., 1976. С. 405.

история, и в том числе история XX века, эти инструменты – не панацея от злоупотреблений и установления диктаторских режимов.

В качестве резюме повторим некоторые основные положения: представление о республике исторически связано с идеей свободы и общего блага, но республика в античности и в раннее Новое время не рассматривалась как в полном смысле идеальная форма государства. Идеальное государство по своей природе невозможно – при монархе возможны злоупотребления одного, при демократии – злоупотребления многих. Среди недостатков республики по сравнению с принципатом называли медленность в принятии решений, партийную борьбу, несправедливости по отношению к отдельным выбивающимся из общего ряда гражданам.

Но главное, если мы будем отталкиваться от понятия «республиканизм» как от некой метафизической данности, одного из вечных полюсов политики, то мы рискуем и применительно к истории везде усматривать присутствие этого вечного и неизменного республиканизма как какого-то химического вещества, присутствующего в вещах в виде некоторой примеси или даже почти в чистом виде. С моей точки зрения правильнее говорить о бытовании идеи республиканизма в разном обличье и разном понимании в разные исторические эпохи. Слово может присутствовать где угодно, но его значение иногда сильно удаляется от основных приписываемых этому слову смыслов, а сам феномен может выглядеть весьма непривычно.

**Поздние славянофилы и *res publica*:
В поисках новой политики²**

Одно из основных положений политической концепции неославянофильства – утверждение свободы общества от каждодневной утомительной политической жизни, а, следовательно, и всех проблем, связанных с распределением власти и ее обязанностей. Эта свобода человека гарантируется самодержцем, взявшим на себя тяжкое бремя принятия решений. Но, убегая от политики, общество рискует оказаться в ее «жарких объятиях»: в любом случае оно нуждается в гарантиях от произвола властей. Это был своего рода интеллектуальный вызов неославянофильству: предложить механизм ограничений неограниченной власти, задать рамки политического пространства усилиями аполитичного общества. И в отличие от поэтического склада отцов-основателей славянофильства стиль мышления неославянофилов вполне подходил для решения этой задачи. Будучи предельно «технологичной», их мысль была нацелена на детальную разработку будущей организации власти.

Модель С.Ф. Шарапова. «Самодержавие в своей свободной, нравственной и просвещенной форме, найдя надлежащие и здоровые органы для своего осуществления, может явиться самой могущественной, самой живой и свободолюбивой формой государственной власти, которая когда-либо доставалась в удел великому народу», – писал видный

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

² Статья подготовлена, в рамках исследовательского проекта РНФ (№19-48-04112) «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

публицист славянофильского направления С.Ф. Шарапов князю М.М. Андроникову 15 августа 1904 г.¹ Однако, самодержавие может реализовать свой исторический потенциал, лишь приняв «народное», а не бюрократическое обличье. Согласно проекту С.Ф. Шарапова, ключевая составляющая будущей государственной реформы – замена бюрократического аппарата «государственно-земским». Только дела общегосударственного значения должны решаться непосредственно самодержцем и центральными правительственными органами. Причем, активное участие в разработке тех или иных законопроектов должны принимать Земские соборы². Роль всенародного представительства с законосовещательными функциями мог бы выполнять реформированный Государственный совет, в который следовало приглашать выборных представителей от земских областей³. «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьезной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством»⁴.

Рассуждения С.Ф. Шарапова о необходимости предоставить особую роль органам местного самоуправления были общим местом в интеллектуальных построениях неославянофилов. Их позиция по данному вопросу была четко обозначена в 1899 г. в письме товарища министра внутренних дел А.Д. Оболенского С.Ю. Витте. Это был ответ публициста славянофильского направления на «антиземскую» записку министра финансов. По мнению Оболенского, в самодержавии и заключалась русская национальная идея, и только благодаря этому сложившаяся форма правления и была устойчива. «По этому взгляду самодержавие не есть

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

² Там же. Л.8 об.; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. М, 1903. С. 24, 55.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 28; *Шарапов С.Ф.* Указ. соч. С. 37–38.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.

лишь вершина бюрократической пирамиды, он (самодержец. – К.С.) есть глава всего народа, солидарный с этим народом, в котором бюрократия лишь один из элементов...». Соответственно, царь должен иметь возможность личного общения с народом, а не быть окончательно заслоненным чиновничеством. Поэтому, – продолжал А.Д. Оболенский, – необходимо укреплять земство, ибо лишь оно может в нынешний момент служить некоторым противовесом бюрократии¹. «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России», – говорил П.С. Шереметев В.К. Плеве 2 мая 1903 г.²

Модель А.А. Киреева. В ответ на работу Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» А.А. Киреев опубликовал собственную брошюру с очень похожим названием: «Россия в начале двадцатого столетия». Киреев соглашался с диагнозом, поставленным Чичериным современному государственному строю, но отрицал рецепт, выписанный «больному». Если Чичерин видел спасение от беззакония и произвола бюрократии в конституции, то, согласно Кирееву, бюрократ – главный враг исторических устоев и самого самодержавия. Как раз во имя самодержавия необходимо провести реформы, которые способствовали бы обузданию произвола чиновников.

По мнению Киреева, следовало установить различные формы контроля над бюрократией. Для этого, во-первых, нужно было упразднить личный доклад министров императору, с помощью которого высшая бюрократия навязывала государю свою волю, избегая при этом какого-либо обсуждения актуальных вопросов в Государственном совете. А.А. Киреев считал, что во время доклада любого министра должны

¹ ОР РГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 7. Л. 2.

² РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 465. Л. 3.

присутствовать эксперты, способные дать квалифицированную оценку сказанному¹. Во-вторых, Киреев предлагал смягчить контроль цензуры над печатью². В-третьих, по его мнению, невозможно осуществить полномасштабную государственную реформу без хотя бы частичной административной децентрализации и, соответственно, упрочении позиций земства³. Киреев также предлагал активнее привлекать «сведущих людей» к разработке государственно важных решений⁴. Наконец, ключевой пункт его программы – учреждение Земского собора, законосовещательного органа⁵. В своей дневниковой записи от октября 1903 г. он так определил требования к создаваемому В.К. Плеве Совету по делам местного хозяйства⁶, который воспринимался Киреевым уже как некая форма представительства: представители «земли» должны быть выбраны из среды земства и дворянства, а не назначены правительством. Причем, властям следовало гарантировать свободу выражения мнения при обсуждении государственных вопросов в «Земском соборе» и право печати публиковать протоколы заседаний, «но не иначе как целиком и безо всяких изъятий»⁷.

Модель Ф.Д. Самарина. С резкой критикой проекта А.А. Киреева выступил Ф.Д. Самарин. Он был славянофилом не в одном поколении – сын видного публициста Д.Ф. Самарина, племянник классика славянофильской мысли Ю.Ф. Самарина и, наконец, сам известный и авторитетный мыслитель и общественный деятель. По сути дела, Ф.Д. Самарин предлагал свой, альтернативный вариант реформирования

¹ Киреев А.А. Указ. соч. С.30; ОР РГБ. Ф.265. К. 156. Д. 10. Л. 65.

² Киреев А.А. Указ. соч. С.33; ОР РГБ. Ф.265. К. 156. Д.10. Л. 29 об.

³ Киреев А.А. Указ. соч. С.37–40; ОР РГБ. Ф.265. К. 156. Д.10. Л. 34.

⁴ Киреев А.А. Указ. соч. С.34; ОР РГБ. Ф.265. К. 156. Д.10. Л. 31.

⁵ Киреев А.А. Указ. соч. С.35; ОР РГБ. Ф.265. К. 156. Д.10. Л. 35.

⁶ См.: Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 149–150.

⁷ ОР РГБ.Ф. 126. К. 13. Л. 272 об. – 273.

государственного строя в согласии с идеями классиков славянофильства. Контраргументы Самарина фактически можно свести к двум пунктам.

Во-первых, он не верил, что политический кризис можно преодолеть путем институциональных реформ. Политическая практика в Европе, согласно Ф.Д. Самарину, свидетельствовала, что тот или иной механизм обеспечения подконтрольности министров и других представителей высшей бюрократии не работает. Ответственность министров – в действительности лишь мираж, мало чем влияющий на работу бюрократической машины. Более того, современная ситуация в странах Западной Европы говорила о неосуществимости и самого принципа разделения властей, подразумевающего как раз взаимный контроль одной ветви власти над другой¹. Политическая история европейских стран давала примеры парламентского абсолютизма, попирающего свободы граждан и нарушающего сложившиеся правовые нормы². При самодержавии же вообще не может иметь место тотальный контроль над министром со стороны верховной власти, так как «вмешательство самодержца в текущие дела, – я (Ф.Д. Самарин. – К.С.) говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно бы быть явлением чрезвычайным,

¹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр. 1905. Харьков. С.17; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 10.

² Так, Федор Самарин 22 января 1900 г. писал брату Петру: «То, что там (во Франции. – К.С.) происходит теперь, должно, кажется, убедить самых горячих защитников парламентаризма, что свобода почти также не обеспечена при парламентском строе, созданном искусственно, как и при самодержавной монархии. В нынешней Франции парламентаризм приводит буквально к деспотическому образу правления. Учреждения и законы изменяются и ниспровергаются ради удовлетворения минутных вожеланий также легко и просто, как в государствах с неограниченным монархическим образом правления. Не нравится состав суда, разбирающего известное дело (дело Дрейфуса. – К.С.), и самодержавному парламенту ничего не стоит передать рассмотрение этого дела другому составу судей. Это ли не произвол, считающийся признаком деспотического образа правления». (ОР РГБ. Ф.2 65. К. 154. Д. 9. Л. 15 об. – 16; См. также: Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 17).

исключительным, в интересах самой власти». Таким образом, самодержец должен несколько дистанцировался от бюрократии: «Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством, напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия, как подобное отождествление»¹. При таком подходе говорить об ответственности министра перед самодержцем как об ответственности подчиненного перед главой администрации было бы неправомерным.

Во-вторых, Самарин не верил в русское общество. Он был согласен с определением, данным ему И.Л. Горемыкиным: «людская пыль». По мнению Ф.Д. Самарина, общества как «бытового, свободного и органического союза» в России не было. Его отсутствие в значительной мере и предопределяло столь вредное направление, которое приняла деятельность бюрократии. Поэтому возлагать на русское общество определенные надежды было бы ошибочным². Оно не могло в полной мере справиться и со своими настоящими обязанностями: Самарин крайне критически оценивал ход земского дела³. Подобная «людская пыль» не могла, очевидно, объединиться вокруг некоторых идей, общих положительных начал, ибо ее как раз и отличала разногласица. Зато это «общество» могло сплотиться вокруг отрицательного отношения к исторически сложившемуся общественному и государственному строю⁴. Поэтому такое общество не могло быть созидательной, конструктивной силой. Помимо этого, Самарин не видел большой разницы между представителями общества и бюрократии, так как они принадлежали к

¹ Там же. С. 17; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 11.

² Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 20; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л. 13.

³ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.18-19; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 16.

одному кругу и все недостатки чиновничества были недостатками самого общества¹.

Скептически Самарин относился и к идее созыва Земского собора. Современное общество, столь враждебное верховной власти, забыло «земский характер» самодержавия, а, соответственно, в Земском соборе, где тон будут задавать как раз представители общества, должны господствовать совершенно иные настроения, нежели это представлялось А.А. Кирееву. А именно они и определяли бы характер взаимодействия самодержца и Земского собора². Ф.Д. Самарин видел прямую опасность в созыве хотя бы законосовещательного органа, вокруг которого объединились бы далеко не только славянофилы, но и конституционалисты, увидевшие в нем «первый шаг по пути к парламентаризму»³.

Впрочем, Ф.Д. Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. По его мнению, коренная причина современных проблем – серьезное недовольство общества властью: «Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменой режима»⁴.

¹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 17; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 10.

² Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 22; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 16.

³ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.41–42; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 23.

Чтобы нормализовать отношения между обществом и властью, Ф.Д. Самарин считал важным провести следующие реформы. Во-первых, было необходимым, чтобы все действия правительства свободно обсуждались на страницах печати¹. Во-вторых, в целях установления большего контроля над деятельностью высшей бюрократии требовалось, чтобы министры как ежегодно составляли программу своих будущих действий², так и ежегодно отчитывались за проделанную работу³. В-третьих, печать должна контролироваться не администрацией, а особыми административными судами⁴. В-четвертых, административным судам во главе с первым департаментом Сената должна быть подотчетна и вся администрация⁵. В-пятых, необходимо упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей» при выработке того или иного решения. При этом следовало использовать английский опыт «производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах»⁶. В-шестых, дабы ходатайства земств более не игнорировались администрацией, необходимо поручить их рассмотрение какому-нибудь конкретному ведомству, например,

¹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 29; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 28.

² Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 28; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 29.

³ Там же. Л. 28 об.

⁴ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 29; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 29 об.–31.

⁵ Там же. Л. 34 об.–35.

⁶ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 29–30; ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 31–33.

Государственному совету. При этом представители ходатайствующей стороны должны приглашаться к участию в обсуждении их прошения¹. В 1905 г., рассуждая о необходимости преобразования настоящего государственного строя, он так определил свою программу реформ: «Нам говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд мер. Нужно преобразование Государственного совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т.д.»²

Так, Ф.Д. Самарин, казалось бы, противник институциональных преобразований, в своей программе выхода из кризиса значительное внимание уделил именно формированию и укреплению институтов, способных контролировать бюрократию: это было бы целью введения административных судов, упрочения позиций печати, предоставления новых полномочий Государственному совету и усиления позиций такого института как земства. В этом смысле проект Самарина, как и проект Киреева или же С.Ф. Шарапова, являет собой пример программы именно институциональных реформ, альтернативных конституционной. Согласно всем трем проектам, общественное мнение и правовая ответственность должны были сдерживать административный произвол. Примечательно, что многие правоведы видели природу как раз конституционализма в силе организованного общественного мнения³. Кроме того, в юридической науке общим местом было утверждение, что один из ключевых признаков правового государства, к которому и стремились конституционалисты, –

¹ Там же. Л. 36.

² ОР РГБ. Ф. 265 К. 116 Д. 31–33. Л. 3 об.

³ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 79.

наличие независимой от администрации судебной системы¹. Так что по многим позициям проектируемая неославянофилами модель управления и конституционный режим сходились. Единственное, что оставалось для неославянофилов абсолютно неприемлемым, так это учреждение законодательного органа власти в стране.

Однако, и это расхождение можно считать условным. Логика неославянофилов, не признававших самодержавие формой абсолютной монархии, неизбежно приводила их к мысли о необходимости существования того или иного ограничителя власти императора. Отталкиваясь от представлений о господстве определенных этических норм, которое не должно было допустить проявлений деспотизма со стороны верховной власти, они, часто сами того не осознавая, высказывались в пользу юридических ограничений полномочий государя.

Модель Д.Н. Шипова. Пожалуй, наиболее показательна в этом отношении позиция Д.Н. Шипова. Он в качестве примера реализации, по существу, неославянофильских концепций приводил английскую политическую систему. Именно там власть государя ограничивается не конституцией, а лишь сознанием необходимости единения короля и народа перед лицом стоящих перед страной проблем. По мнению Д.Н. Шипова, солидарность народа и монарха в Англии является основой государственного строя. «...И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и

¹ См.: *Котляревский С.А.* Власть и право. СПб., 2001. С. 100, 106, 268; По мнению же известного правоведа Гнейста, наличие административной юстиции, которую Ф.Д. Самарин считал необходимой, - важнейший признак правового государства (Там же. С. 69).

осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии», – писал Д.Н. Шипов¹.

Славянофильский идеал Шипова имел фактическое конституционное выражение. Или, по крайней мере, мнение неославянофила Д.Н. Шипова о «лучшем из современных европейских государств» полностью совпадало с мнением убежденных конституционалистов, восхищавшихся Англией². В действительности, сама логика рассуждений Шипова вела его подчас к выводам, противоположным тому, что утверждали отцы-основатели славянофильства. Например, в письме своему близкому другу М.В. Челнокову от 9 июля 1903 г. Д.Н. Шипов, настаивая на необходимости солидарности земских сил, утверждал, что только такое единение «приведет, несомненно, абсолютизм и бюрократизм к капитуляции, и только таким путем возможно установление государственного порядка, прочного, надежного и обеспечивающего возможность дальнейшего прогресса и осуществления общественной правды». Иными словами, Шипов не только требовал упразднения бюрократической формы правления, искажившей суть самодержавия, но и был недоволен неограниченным характером власти царя. Он считал необходимым поставить предел произволу верховной власти³. Весьма оригинальные мысли о российском абсолютизме были высказаны Шиповым в письме к Ф.Д. Самарину от 18 января 1900 г. По мнению Шипова, коренная ошибка правления Александра III заключалась в том, что были забыты различия между самодержавием и самовластием. «Будучи человеком сильного характера и крепкой воли, он (Александр III. – К.С.) рассчитывал сам всем управлять и во всех членах

¹ См.: Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 271.

² См.: Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.1. С. 92; Котляревский С.А. Указ.соч. С.100, 102–103.

³ ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 17 об.

государственного управления сверху донизу видел только исполнителей своей воли». Далее говорилось о неверной ограничительной политике императора по отношению к обществу¹. Таким образом, утверждалась мысль о необходимости для самодержавной власти сотрудничать с обществом. Если же монарх этого не делает, он перестает быть истинным самодержцем, а последствия этого могут быть самые печальные. Соответственно, подобное сотрудничество – не просто акт доброй воли царя, но его долг перед страной и народом. Если же при этом иметь ввиду предложенные Д.Н. Шиповым формы «общения» монарха и народа, то выходит, что с мнением новообразованного Земского собора император будет обязан считаться. Т.е. поставлен вопрос о фактическом ограничении власти монарха. В этом как раз проявляются особенности логики Д.Н. Шипова: не считая возможным правовым образом ограничивать полномочия императора, он верит в нравственные ограничители, которые у него, по сути дела, мало чем отличаются от правовых: они безусловны, унифицированы для всех и, главное, предполагают единственный правильный выбор в любой ситуации². Игнорирование же нравственных ограничителей, согласно Шипову, чревато крахом политической системы. Восхищенный английским опытом он верит в неписаную конституцию, которая на самом деле действует также, как и писаная.

Анализируя же роль Земских соборов в истории России, Д.Н. Шипов писал: «Сила и авторитет Земских соборов определялась ни законом, а народным сознанием, что призвание самодержавных государей состоит в том, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 208. Д. 29. Л. 38 об.–39.

² В этом отношении очень любопытна фраза Д.Н. Шипова, сказанная им на заседании кружка «Беседа» 22 августа в ходе обсуждения записки Н.Н. Львова: «...Надо только, чтобы общество могло высказать свои нужды, а верховная власть выслушала, в силу нравственного чувства самодержец, конечно, исполнит желание народа» (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 33).

соборной совести народа»¹. В данном высказывании, очевидно, «спряталась» несколько видоизмененная теория народного суверенитета. Источник власти в средневековой Руси, согласно Шипову, – соборная совесть народа, имеющая свое институциональное выражение – Земский собор. Решения же самодержца не должны входить в противоречие с народной совестью, из чего вытекает, что сама политика государя не может идти вразрез с мнением Земского собора, представляющего народные нужды и чаяния. Соответственно, настоящий самодержец – вовсе не абсолютный монарх, более того, самодержец – не источник власти. Источник власти, по мнению Шипова, – народная совесть, явление, которое пускай иначе называется, но схожим образом описывается многими государствоведами. Так, Ф.Ф. Кокошкин в своих опубликованных лекциях по общему государственному праву именно поддержку населения, может быть, даже и не осознанную, называл одним из источников власти (под «поддержкой» Кокошкин имел в виду признание населением действующей власти в той или иной мере соответствующей представлениям о «хорошем» правлении)². Естественно,

¹ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 148.

² Ф.Ф. Кокошкин писал: «В заключение мы приходим к следующим выводам. В основании государственной власти, несомненно, лежит коллективная поддержка населения, вытекающая из признания данной власти, если не всеми членами общегития, то огромным большинством их. Так как общественное признание, которое служит основанием власти, вместе с тем, в тех или иных формах, служит и основой права, то всякая признаваемая населением власть имеет юридический характер: в нем переплетаются два психических элемента: 1. стихийное инстинктивное подчинение, основанное на чувствах и привычках; 2. сознательное, рассудочное повиновение, вытекающее из рациональных мотивов. Политический прогресс в истории человечества сводится к постепенному расширению второго элемента на счет первого» (Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 79). При этом, подчеркивал Кокошкин, любая поддержка власти не может быть безусловной: «Общественное признание, поддерживающее государственную власть, является всегда признанием не только обязанности повиноваться власти, но вместе с тем и главных начал, положенных в основу ее организации» (Там же. С. 144). Иными словами, власть вынуждена соответствовать ожидаемой от нее модели поведения. Поэтому на правителях всегда лежат обязанности – ранее утверждаемые церковью, теперь гражданским правосознанием – которые они никак не могут проигнорировать (Там же. С. 146).

мысли Д.Н. Шипова нельзя наложить на какую-либо правовую концепцию, и все же указанное совпадение чрезвычайно показательно: осуществление шиповского идеала взаимодействия власти и народа на практике значило бы установление, по сути дела, конституционного порядка.

Причем, теоретические построения Д.Н. Шипова не представляли собой исключительное явление для неославянофильской мысли: по существу, очень схожие вещи говорил и А.А. Киреев. В своем дневнике он приводил любопытное рассуждение о возможной роли общественного мнения в политической жизни страны. Согласно Кирееву, общественное мнение настолько влиятельно, насколько значимы идеи, которые оно отстаивало. Если общественное мнение будет защищать нравственные идеалы, а не уводящие в сторону от них некие народные «права», ситуация в корне изменится: «Если общество будет иметь в виду служение этим идеалам, оно будет так сильно, голос его будет столь авторитетен, что никакое правительство не подумает сметь делать что-либо безнравственное»¹. Соответственно, у общественного мнения могла быть очень серьезная роль, но только в том случае, если бы оно было «правильным», т. е. отражало взгляды самого Киреева. Общественному мнению предоставляются большие возможности, но его лишают свободы воли. Только в этом случае могущество общественного мнения Киреева не смущает. Таким образом, с одной стороны, предполагается ввести регулирующий механизм гражданского общества, с другой, этот механизм должен функционировать принципиально иначе, чем в странах Западной Европы. Общественное мнение, инструмент диалога общества с властью, согласно Кирееву, должно обратиться в хор, подпевающий

Описанное Кокошкиным «стихийное подчинение» вкупе со столь же «стихийными» представлениями об обязанностях власти как раз очень напоминает шиповскую народную совесть.

¹ ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 88 об.

солисту. И все же при всех оговорках А.А. Киреев признавал за общественным мнением право контролировать правительство. Соответственно, все предложенные им способы трансляции общественного мнения (в том числе, и Земский собор) должны рассматриваться именно в этом контексте: их цель – обеспечить обществу возможность влиять на политический процесс.

Противоречия А.А. Киреева типичны для любой неославянофильской концепции, когда так или иначе ставился вопрос об ограничениях императорской власти и вместе с тем эти ограничители не описывались как элементы политической системы. Неославянофилы не уточняли, каковы механизмы взаимодействия между верховной властью и тем, что по идее должно ее сдерживать, вероятно, рассчитывая, что истинное самодержавие будет находиться в постоянной гармонии с общественным мнением или же народным мировоззрением. «Царь есть отрицание “абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной», – писал Д.А. Хомяков¹. Иначе говоря, народное мировоззрение есть важный политический фактор, но оно не в силах способствовать изменению формы правления. Или же, если быть более точным, Хомяков даже не может предположить, что самодержавие когда-либо будет противоречить мировоззрению русского народа². Он настолько убежден в гармоничном

¹ Цит. по: *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. Париж, 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/khomyakov/>, свободный (дата обращения 11.10.2019).

² «Пока у народа преобладают интересы духовно-бытовые, он смотрит на власть, как на нечто, так сказать, служебное, имеющее сравнительно узкую сферу – поддержания того порядка и той безопасности, при которых можно жить безмятежно этими высшими интересами», – писал Д.А. Хомяков (Там же. С. 126). Принадлежность же русских к этим «вышшим» народам, не желающим участвовать в борьбе за власть, – аксиома неославянофильства, определяющая одну из характерных черт уникальной русской цивилизации...

соотношении воли самодержца и народного мировоззрения, что даже готов признать последнее своего рода ограничением власти императора. Это внутреннее противоречие неославянофильства – следствие коренной проблемы, стоявшей перед этим направлением мысли: как совместить сохранение самодержавия с развитием начала общественной самодеятельности, предполагающей участие общества в управлении страной. Или же как поставить общество стражем правил политической игры, при этом не вызывая его из политического небытия. Каждая неославянофильская концепция – попытка решения этой задачи; его неочевидность стала причиной удивительного разнообразия подобных построений.

Земский собор в России в 1905 г. и республиканская идея²

В российской политической мысли начала XX в. сложился идеальный (конституционалистский) тип народного представительства. В рамках данной модели оно понималось как «представительство всего народа, а не отдельных его частей». Следовательно, волеизъявление народных избранников должно было осуществляться, исходя из интересов всего общества, а не отдельных сословий, предоставивших депутатам мандат посредством выборов. Другими словами – этот мандат должен был быть свободным, а не императивным³.

Заложенная в основу данной модели идея *гражданской свободы* наполняла русский конституционализм начала XX в. духом республиканизма. У этой идеи было немало сторонников, причем не только из числа либерально настроенных общественных деятелей, но и среди высшей имперской бюрократии. Однако именно сановники, которые со второй половины XIX в. были основной движущей силой реформ в России⁴, отчетливее других осознавали, что практическая реализация конституционалистского проекта была утопией. Уговорить императора на столь радикальную трансформацию государственного строя не представлялось возможным. Поэтому даже на фоне обострения

¹ Новосельский Сергей Сергеевич – преподаватель кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ.

² Статья подготовлена, в рамках исследовательского проекта РНФ (№19-48-04112) «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

³ См.: *Медушевский А.Н.* Народное представительство // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 615–616.

⁴ См.: *Он же.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. / отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 126.

внутриполитического кризиса в 1905 г., когда созыв народного представительства стал гораздо более вероятным, чем прежде, близкие к правительственным кругам общественные деятели были заняты поиском его реалистичной формы. Одной из таких форм стал Земский собор.

Принято считать, что первый Земский собор был созван в 1549 г. по инициативе Ивана IV. Хотя совещания государя со своими светскими приближенными и представителями высшего духовенства периодически проводились еще в XV в.¹ Но и участвовавшие в 1549 г. в «соборе примирения» бояре, окольные и воеводы не догадывались, что они были делегатами Земского собора.

Впервые термин «Земский собор» был употреблен одним из идеологов славянофильства К.С. Аксаковым лишь во второй половине 1840-х гг. Именно в работе подобного представительного учреждения, которое бы периодически созывалось правительством, К.С. Аксаков усматривал воплощение ключевого политического принципа славянофилов – «народу – мнение, царю – решение»². Причем право народа высказывать «мнение» уходило корнями в призвание восточнославянскими племенами варягов. Делегируя властные полномочия Рюрику, наши далекие предки оставляли за собой право оценивать его правление³.

В то же время созыв Земского собора не был для К.С. Аксакова ключевой задачей момента. По его убеждению, главная проблема государства заключалась в том, что оно взаимодействовало с «публикой», а не с «народом», который безмолвствовал, по-прежнему оставаясь

¹ См.: *Кром М.М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 148.

² См.: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013. С. 214.

³ См.: *Дудзинская Е.А.* Славянофилы и революция // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения. Сборник докладов и сообщений. Ч. II. М., 1992. С. 159.

«великим немым»¹. А для того, чтобы Земский собор стал истинно *народным* представительством, а не собранием «публики» – делегатов от различных сословий, которых ничто не связывало, у которых отсутствовали общие интересы – нужно было безотлагательно даровать обществу свободу слова. Только в этом случае Земский собор стал бы воплощением голоса всей русской земли, – был убежден К.С. Аксаков².

Политической актуализации идеи Земского собора способствовали как внешние, так и внутренние факторы. В разгар Крымской войны 1853–1856 гг. А.И. Кошелев утверждал, что только созыв Земского собора «может превратить государственную войну в народную»³. Наступившая вскоре эпоха Великих реформ вселяла надежду на способность самодержавия к глубокой внутривластной трансформации даже самым непримиримым его критикам. В начале 1860-х гг. проявить инициативу в созыве Земского собора призывали императора А.И. Герцен и М.А. Бакунин⁴.

Для славянофилов же идея Земского собора продолжала носить не прикладной (политический), а теоретический (исторический) характер. Главным для них был не сам Земский собор, а возможность его созыва, что создало бы в России особое пространство «оформления общественного мнения»⁵. Именно поэтому вопросы государственного устройства и управления представлялись большинству славянофилов

¹ См.: *Тесля А.А.* Философия права славянофилов // Аксаковский сборник. Выпуск VI. Уфа, 2013. С. 116–117.

² «Свобода слова необходима. Земский собор нужен и полезен», – заключал один из идеологов славянофильства в дополнении к своей записке «О внутреннем состоянии России», которую он представил Александру II в 1855 г. (*Аксаков К.С.* Дополнение к «Записке» // *Теория государства у славянофилов: (сборник статей) / сост. и предисл. С.Ф. Шарапова.* М., 2016. С. 49).

³ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 340.

⁴ См.: *Розенталь И.С.* Революция // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев, отв. секр. А.В. Репников.* М., 2005. С. 448.

⁵ *Тесля А.А.* Последний из отцов. Биография И.С. Аксакова. СПб., 2014. С. 257.

«техническими», второстепенными. Важнее было сделать так, чтобы политические решения принимались не исходя из бюрократического формализма, а основывались на принципе *справедливости*, олицетворением которого был Земский собор. Подобной логики последователи И.С. Аксакова придерживались в своих рассуждениях вплоть до начала XX в. Так, выступая в 1900 г. за созыв Земского собора, Д.Н. Шипов видел в нем в первую очередь не правовое, а моральное ограничение власти монарха¹.

Все изменил революционный кризис, с которым Россия столкнулась накануне 1905 г. 9 октября 1904 г. министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский в ходе представления всеподданнейшего доклада уже прямо говорил Николаю II о том, что Земский собор удачно сочетался бы с самодержавием². А по мере нарастания кризиса некоторые сановники предлагали взять на вооружение идеи предшественников. Так, А.Н. Куломзин 2 февраля 1905 г. писал Э.Ю. Нольде о том, что правительству «нужно вырвать движение из рук улицы», направив колеблющиеся общественные силы на сотрудничество с властью³. Для этого он предлагал при разработке представительного учреждения обратиться к проекту Земского собора, составленному министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым в 1882 г., но отклоненному Александром III⁴.

Но если отдельные представители высшей бюрократии видели в созыве Земского собора шаг к изменению государственного строя, то

¹ См.: Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009. С. 80–81.

² См.: *Он же*. В ожидании Реформы: власть и общество накануне января 1905 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. научн. тр. / отв. ред. И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. Вып. 2. Нижний Новгород, 2015. С. 356.

³ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 193. Л. 17–17 об.

⁴ Там же. Л. 18. О проекте Н.П. Игнатьева подробнее см.: *Игнатьев Н.П.* Земский Собор / публ., вступ. ст. И.В. Лукоянов; коммент. И.В. Лукоянов, С.Н. Патутина. СПб.–Кишинев, 2000. С. 47–60.

многие сторонники его учреждения смотрели на реализацию данного проекта принципиально иначе. Они не столько ждали от Земского собора каких-то политических шагов, которые подтолкнули бы власть к проведению реформ, сколько считали его созыв идеологической акцией, способной сплотить расколовшееся на почве споров о представительстве общество. «Брожение – наше домашнее дело, с ним справиться ничего нет легче. Откройте клапан, и пар выйдет. <...> Капля чернил для этого потребуется и лист бумаги, не более», – уверял читателей «Нового времени» М.О. Меньшиков в январе 1905 г.¹ Пользуясь терминологией, близкой сочинениям Г. Гегеля, публицист утверждал, что созыв Земского собора пробудит «народный гений» – «живой дух», которому нужно лишь дать возможность проявить себя в противовес «мертвому духу» – бюрократизму, «сомнамбулирующему бумажному духу, останавливающему, как азот, всякое дыхание»². Но не стоило забывать и о политической благонадежности потенциальных носителей этого «живого духа». В частности, Л.А. Тихомиров допускал созыв Собора лишь в том случае, «если только правители наши поймут, что Земский собор ничуть не есть сумма современных земств»³.

Несмотря на то, что идея необходимости созыва народного представительства в форме Земского собора постепенно набирала популярность даже среди некоторых членов царской семьи⁴, у самого Николая II она сочувствия не вызывала. Единства мнений не было и среди сановников. Признавая, что без созыва представительства власти было не обойтись, С.Ю. Витте в ходе заседания Совета министров 3 февраля 1905 г. категорически отвергал мысль о Земском соборе, как о непостоянном

¹ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 69–70.

² Там же. С. 71.

³ [Тихомиров Л.А.] Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 52.

⁴ См.: Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 111.

органе, созыв которого мог быть допустим лишь для обсуждения отдельных «принципиальных вопросов»¹.

Казалось бы, объявленный 18 февраля 1905 г. с высоты престола скорый созыв народных представителей должен был если не снять с повестки дня вопрос о Земском соборе, то сильно поколебать позиции его сторонников. На деле случилось обратное: проект Земского собора обрел в умеренно-консервативных кругах вторую жизнь. 8 мая 1905 г. последовательно отстаивавший необходимость его созыва генерал А.А. Киреев записал в дневнике, что только Земский собор «может нас выручить из беды, может дать нам точку опоры для борьбы с конституцией и революцией»². А 19 мая 1905 г. А.С. Суворин, ранее допускавший созыв Земского собора лишь в крайнем случае³, во всеуслышание заявлял, что он «нужен немедленно» и «необходим и для государя, и для России, как смертному необходим воздух»⁴.

Как и в случае с проектами реформы Государственного совета, Земский собор воспринимался некоторыми представителями общественности, которые о нем рассуждали, не как действенный властный институт, а как его имитация. В этом случае создание Земского собора преследовало одну-единственную цель – успокоить либерально настроенное общественное мнение, пустив ему пыль в глаза. Подобная логика прослеживалась в некоторых записках, направленных в Петербург во исполнение Указа 18 февраля 1905 г. Так, если созыв народных представителей был неизбежен, то он, по выражению орловского дворянина В.И. Трубникова, должен был состояться исключительно в

¹ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде (подг. Р.Ш. Ганелин) // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 298.

² [Киреев А.А.] А.А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 52.

³ «Я останусь на своем месте в этом движении и дальше Земского собора не пойду», – писал А.С. Суворин В.В. Розанову 27 января 1905 г. ([Суворин А.С.] Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 157).

⁴ *Он же*. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 308.

форме Земского собора, который бы заседал нерегулярно, причем «не в Петербурге и не в Москве, а в какой-либо Костроме, Вологде или другом каком в стороне лежащем городе»¹, не оказывая, таким образом, существенного влияния на политику центральной власти.

25 мая 1905 г. император в своем письме А.Г. Булыгину посетовал на то, что «назойливые писания о Земском Соборе и учредительном собрании, никем не опровергаемые, совершенно искажают смысл возвещенных мною в манифесте и рескрипте от 18 февраля предначертаний»². Сигнал был чутко воспринят министром внутренних дел. В своих «Соображениях о порядке осуществления высочайших его императорского величества преуказаний, возвещенных в рескрипте от 18 февраля 1905 года» он подверг обстоятельной критике идею созыва народного представительства в форме Земского собора. По утверждению А.Г. Булыгина, Собор не только не соответствовал стремительно меняющимся политическим и общественным реалиям России начала XX в. (подобная трансформация в XVI–XVII вв., когда власть прибегала к содействию Земских соборов, по утверждению министра, была не столь динамична), но и обладал рядом других существенных недостатков. Среди них, в первую очередь, – отсутствие у данного органа, собирающегося периодически, политической преемственности и недостаток управленческого опыта у призываемых в подобном формате представителей. Дефицит навыков законотворчества к тому же очевидно усугублялся бы нехваткой у депутатов времени даже на то, чтобы ознакомиться с политическими взглядами друг друга³. При подобной конфигурации собрания выборных задача создания политически единого,

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

² Письма Императора Николая II Министру внутренних дел А.Г. Булыгину. 1905 г. // Российский архив. Вып. 1. М., 1991. С. 188.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

монолитного народного представительства виделась А.Г. Булыгину неразрешимой.

Таким образом, отношение правительственной власти к Земскому собору было недвусмысленно обозначено. В ходе Петергофских совещаний 19–26 июля 1905 г. сановникам удалось выдержать напор сторонников идеи ограничиться созывом Земского собора, не прибегая к созданию постояннодействующего органа народного представительства¹. Сословный принцип, который полностью соответствовал во-многом идеалистическим представлениям славянофилов о Земском соборе, в условиях радикализации общественных настроений многих уже не устраивал. Результаты подбора народных представителей, исходя из их социального статуса, могли оказаться непредсказуемыми².

После опубликования Манифеста 6 августа 1905 г. разговоры о Земском соборе начали постепенно умолкать. Проект «булыгинской думы» не слишком противоречил чаяниям его сторонников. Другое дело – Манифест 17 октября. Создание законодательной Государственной думы их интересам вовсе не отвечало. Многие правые предлагали, не дожидаясь начала работы Государственной думы, созвать Земский собор для того, чтобы внести успокоение в стремительно набиравшее обороты общественное движение³. Сторонники Земского собора надеялись, что, собравшись, его делегаты сами поднимут вопрос об отмене Манифеста 17 октября.

¹ Подробнее см.: Петергофские совещания о проекте Государственной Думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 28, 79, 83, 88, 143.

² А.Н. Куломзин, как и многие современники, не усматривал принципиальных различий между Земским собором и Генеральными штатами в 1789 г. «Зачем неизменно нам повторять те же ошибки? А там именно сословность выборов и сыграла главную путаницу», – задавался он вопросом в письме к Э.Ю. Нольде от 25 июля 1905 г. (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 193. Л. 4 об.).

³ Так, например, требование созвать Земский собор в Москве звучало во всеподданнейшем адресе «Союза русских людей», поданном Николаю II 1 декабря 1905 г. (См.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. / Т. 1. 1905–1910 гг. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянова. М., 1998. С. 82).

Такая перспектива многих отпугивала. 16 ноября 1905 г. Ф.Д. Самарин писал С.Ф. Шарапову, что возбуждение Земским собором вопроса об отмене Манифеста (на что возлагал надежды С.Ф. Шарапов) нанесет значительный урон престижу самодержавия. Во-первых, в глазах общественного мнения подобная инициатива будет исходить не от Собора, а от императора, по приглашению которого он был бы созван. Отказ же высшей власти от того, что было ей самой даровано народу лишь месяц назад, общество несомненно восприняло бы в штыки. Во-вторых, созыв Земского собора в конце 1905 г., с точки зрения Ф.Д. Самарина, являлся политически необоснованным. Само обсуждение Собором вопроса о государственном строе поставит его как минимум на одну доску с императором (а то и выше его), придаст Собору характер органа истинного народовластия – Учредительного собрания, нанеся тем самым «новый удар царской власти»¹. Превращать Земский собор в европейский парламент, идеологическим антиподом которого он задумывался более полувека назад, в планы неославянофилов отнюдь не входило.

Революционный кризис, с которым Россия столкнулась в 1905 г., сперва вдохнул новую жизнь в идею созыва Земского собора, а потом окончательно ее похоронил. Нежизнеспособность этой идеи объясняется комплексом причин. В первую очередь, Россия в 1905 г. уже не нуждалась в особом пространстве для выражения общественного мнения, каким славянофилы видели в середине XIX в. Земский собор. Голос российской общественности и без того звучал громогласно и довольно радикально, и предоставлять ему новую трибуну в лице Земского собора в правительственных кругах считали нецелесообразным.

С другой стороны, после дарования России «конституции», которой считали Манифест 17 октября в Петербурге, созыв Земского собора для

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 116. Д. 1. Л. 2 об.–4.

консолидации общественного мнения вокруг царя-реформатора мог бы оказаться полезным. Исторически ответственность за принятие важнейших и трудных решений разделялась государем со своими подданными. Проблема заключалась в том, что санкционировать «конституцию» Земский собор не мог идеологически, а открыто выступить против решения монарха значило бы для Собора поступиться своей главной функцией – поддержанием легитимности власти.

Наконец, попытки некоторых общественных деятелей использовать Земский собор в качестве сдерживающего фактора против созыва подлинного народного представительства в немалой степени дискредитировали его идею. Собрание, целью которого была реализация принципа *свободы мнений*, по определению не могло этой свободе препятствовать. Проекты созыва Земского собора в 1905 г. противоречили духу республиканизма и стремительно становились историей.

Макс Вебер: от монархического принципа к республиканизму²

Великий немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) в основу своего отношения к действительности положил ценностный подход. Ведущими ценностями по Макс Веберу были нация, власть, культура.

Вопрос о форме государства занимал ученого в связи ценностью нации и ее будущего в мире. В конце XIX в. и в годы Первой мировой войны он полагал для Германии оптимальной монархическую государственную форму, поскольку она выводит «вершину правления из конкурентной политической борьбы, предоставляет известную устойчивость курса и независимость правительства от партий». Из культурно-политических соображений, Вебер считал целесообразным сохранение отдельных немецких династий.

В годы Первой мировой войны ученый задумался о сохранении монархии, но делал это вновь исходя из приоритета нации. Он писал: «Ни одного выстрела я бы не сделал, и ни одного пфеннига не уплатил бы в качестве военного займа, если бы эта война не была национальной, если бы речь шла о форме государства, например, о войне за то, чтобы мы сохранили эту беспомощную династию и это аполитичное чиновничество. Форма государства для меня безразлична, если страной управляют политики, а не дилетанствующие шуты, как Вильгельм II и ему».

¹ Ростиславлева Наталья Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ.

² Статья подготовлена, в рамках исследовательского проекта РНФ (№19-48-04112) «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

подобные». В силу данных причин Вебер видел необходимость в утверждении принципа парламентаризации.

В 1916 г. ученый выступил в Нюрнберге по приглашению «Немецкой национальной комиссии по вопросам достойного мира», где он заявил, что люди воюют не ради «идей 1914 г., а ради «идей 1917 г.». Война должна ускорить демократизацию и предоставить всем равное избирательное право. Вебер рвался в политику, но он не был востребован и всю свою энергию направил на размышление об «идеях 1917 г.».

С начала лета 1917 г. Вебер начал издавать значительные статьи по вопросам государственного устройства. В работе «Избирательное право и демократия в Германии» он отстаивал демократическую идею равного избирательного права, но уточнял, что в любом государстве демократия приводит к бюрократическому правлению, поэтому там, где имеются наследственные органы государственной власти парламентская власть необходима. Преимущества парламентаризации Вебер видел в существовании парламентского расследования, контроле за поступками чиновников, ведении дискуссии в парламенте и поиске компромисса.

В 1918 г. Вебер в статье «Парламент и правительство в новой Германии» вновь поднял вопрос о соотношении понятий демократизации и парламентаризации. Он видел проявление демократизации в том, что в Германии невозможно существование двухпартийной системы и в ней «долгое время будет одновременно существовать четыре-пять крупных партий». Также он увязывал вопрос о парламентаризации с федерализацией и доказывал, что отмена прусского трехклассного избирательного закона является общегерманским делом. Ученый признавал, что национально мыслящий политик будет стремиться к универсальным тенденциям развития, но будет иметь в виду политические преобразования для своего народа, т.е. эти политические

преобразования по Веберу необходимы для решения «мировых политических задач». Идея господства как одна из базовых ценностей ученого отчетливо просматривается в его рассуждении о парламентаризации и демократизации, парламентаризации и федерализации.

Все эти размышления Вебера совпали с настоятельной потребностью в окончании войны. К концу лета 1918 г. наступил практически полный паралич политических сил. Но только 28 октября 1918 г. указом кайзера были внесены решительные изменения в конституцию, т.е. демократизация и парламентаризация состоялись, но их значения утонули в начавшейся революции и поражении Германии в Первой мировой войне.

Вебер до последнего «цеплялся» за монархию. Так, он поддержал отречение Вильгельма II, опасаясь, что если отречения не случится, то вместо мирных переговоров будет капитуляция.

Когда началась ноябрьская революция 1918 г. Вебер отвергал тезис о том, что она ответственна за все национальные бедствия, не принимал идею «об ударе ножом в спину». Но одновременно решительно отвергал революцию и связанные с ней надежды, не принял социализм и движение группы «Спартак».

Поскольку статьи Вебера о новом государственном строе были замечены, он вошел в число тех, кто разрабатывал новое государственное устройство. Дилеммой для ученого был вопрос, что теперь: монархия или республика? И вновь он заявлял, что первая предпочтительнее, однако «последние события» (т.е. революция. – *Н.Р.*) не позволяют сделать такой выбор. Следовательно, нам предписывается признание республики». Преимущества республики ученый видел и в том, она способна воспитать у граждан новый, готовый к ответственности политический дух, так как

при монархии дух безопасности обычно увязывался гражданами с династией. Республика была призвана с этим покончить.

В осмыслении республики Вебер не связан с какой-либо государственной теорией, он руководствовался исключительно требованиями момента и исторической традиции, полагая, что республика и федерализм вполне совместимы. В принципе, имея в виду идею господства, он высказывался за унитарное государство, но полагал, что для этого еще в Германии не сложились условия.

В республике Вебера привлекало прежде всего то, что свержение монархии ликвидирует гегемонию Пруссии, так как правившая до этого династия Гогенцоллернов была прусской. Вебер высказывался за избрание высшей власти – рейхспрезидента – народом, что ограничивало бы, по его мнению, влияние партий, чиновников и обеспечивало бы авторитет рейхспрезидента по отношению к парламенту.

В это время доктор Гуго Пройс, приступил к разработке новой конституции – конституции Веймарской республики. Вебер был приглашен им для консультаций. Влияние Вебера проявилось в том, что был сохранен федеративный характер государства, введено право анкетирования, распространявшееся и на меньшинства, а также установлено избрание рейхспрезидента народом.

В переходе Вебера от монархического принципа к республиканизму нет ничего парадоксального, он просто попытался «довести зерно действительности до сознания свободным от иллюзий».

**Проект всемирной Республики Советов: идея, воплощение в СССР,
современные оценки²**

Интеграционная идея транснационального (наднационального) республиканского устройства была широко представлена после Первой мировой войны в Европе как способ предотвращения будущих конфликтов (проекты Соединенных Штатов Европы) и получила осуществление на исходе XX в. в форме Европейского Союза. Данная идея отвергалась большевиками как инструмент консервации империалистических тенденций, но возможность ее реализации допускалась в будущем в контексте ожидания мировой коммунистической революции. Концепция подобной интеграции на новых коммунистических основаниях ставила проблему соотношения принципов конфедерации, федерализма и унитаризма при обсуждении формулы Советской Республики³.

Провозгласив утопический идеал Государства-Коммуны как альтернативу традиционному типу государственности, большевистская революция видела его воплощение в «Трудовой республике», а последняя свелась к «Республике Советов». Осуществив Октябрьский государственный переворот и распустив Учредительное собрание во имя

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор факультета социальных наук Департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Статья подготовлена, в рамках исследовательского проекта РНФ (№19-48-04112) «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

³ См.: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.–СПб., 2017.

коммунизма и особой «пролетарской» демократии, большевики столкнулись с отсутствием сколько-нибудь разработанной программы построения нового общества и государства, правовой легитимации собственных претензий на власть. Общими принципами, которые могли быть положены в основу конструирования нового общества стали чрезвычайно неопределенные положения К. Маркса о Коммуне как «предвестнике нового общества» и «новой политической форме»¹, политико-правовым выражением которых признавались Манифест Коммунистической партии 1848 г., программа Первого Интернационала, не вступившая в действие якобинская конституция 1793 г., и, особенно, потерпевшая крушение модель Парижской коммуны 1871 г.². С этим связано противоречивое отношение создателей СССР к федеративному государственному устройству: следуя классовой логике марксистского учения, они в целом негативно относились к федерализму, но оказались вынуждены принять его как тактическую уступку националистическим и сепаратистским устремлениям в регионах распавшейся империи, а также в перспективе продвижения «мировой революции» в колониальных странах.

Миф Государства-Коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию³. Все проекты Конституции отталкивались от этого мифа или, во всяком случае,

¹ Маркс К. Гражданская война во Франции// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. 1960. Т. 17. С. 317–370.

² См.: Парижская коммуна: акты и документы; эпизоды кровавой недели. Пг., 1920; Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года. М., 1959-1960. Т. 1–2; Первый интернационал и Парижская коммуна: документы и материалы. М., 1972.

³ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 г.) // Известия ВЦИК Советов. 1918. 19 июля. № 151. СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; См. также: Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.). Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1936.

подразумевали его ¹. Неопределенность конструкции Республики выражалась в отсутствии единого названия будущего государства: оно определялось с позиций коммунистического конфедерализма как «Коммуно-государство», «Всемирная трудовая республика», «Мировая федеративно-демократическая республика», и «Федеративная социалистическая республика», с позиций классового унитаризма как «Российская социалистическая республика» или «Российская социалистическая советская республика», или с позиций национально-территориального автономизма как «Российская социалистическая федеративная советская республика» и т.д., что отражало нестабильность представлений о месте федеративного принципа в государственном устройстве создаваемой РСФСР.

Однако при обосновании Республики были представлены три принципиально различных концепции – территориально-производственная, корпоративистская и национально-территориальная.

Первая, территориально-производственная, концепция Республики представлена идеей Государства-Коммуны как выражения воли профсоюзных объединений. «Трудовая республика, – в понимании эсеров-максималистов, – есть политически федеративное государство с широкой автономией отдельных областей и народов, ее составляющих»². Согласно проекту приват-доцента Н. Ренгартена, федеративное государство – это союз пяти профессиональных федераций – земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц

¹ Основные проекты опубликованы в кн.: *Гурвич Г.С.* История советской конституции. М., 1923.

² Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов // ГА РФ. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

(прислуга)¹. Данный подход не исключал использования опыта других государств (США, Австралийский союз, Австрия и Венгрия) при конструировании органов центральной власти², но предполагал синдикалистский порядок их формирования. Вместо традиционного типа республиканского государства, построенного на принципе народного суверенитета, конструируется «сложное государство» – союз профессиональных организаций. Общая союзная власть, носящая надпрофессиональный характер, состоит из центральных и местных органов. Центральными организациями являются Верховный союзный конгресс, Союзный Совет, Союзный Трибунал и Союзный Суд (последние два органа, в зависимости от организации суда, могут быть объединены)³.

Вторая, – корпоративистская (или «коммунальная») трактовка Республики, представленная М. Рейснером, видела основу суверенитета в объединении союзов различного типа – коммун⁴. Рейснер выдвинул свою собственную концепцию федерализма, которая определена как коммунитарная. Отвергнув традиционные формы федерализма, по национальному и территориальному принципам, он выдвинул идею организации Республики на основании союзов «составленных на местах федеративных общин» с региональными и центральными съездами советов – от съезда коммунальных Советов в провинции к областям и съезду советов РСФСР. Завершением становилось создание «великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации вселенной». Опираясь на теоретиков корпоративизма Л. Дюги и Г. Еллинека, Рейснер

¹ См.: Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартеном // Там же. Л. 10–16; См. также: Статьи проекта конституции (Составлены приват-доцентом Ренгартеном) Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 19. Л. 241–247.

² См.: Записка «Функции центрального правительства в Федеративных государствах» // Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 68-74об.

³ Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартеном // Там же. Л. 13–15.

⁴ Доклад члена Комиссии М.А. Рейснера об основных началах Конституции РСФСР // Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 97а–113.

считал, что основным принципом конструирования институтов должно быть «не представительство лиц, а представительство интересов» – социально-классовых (рабочие, крестьяне, батраки), профессиональных (фобзавкомы, профсоюзы, союзы служащих), экономических (кооперативы, земельные комитеты) и политических (партии коммунистической и лево-эсеровской направленности). В рамках данной конструкции институтов власти, – считал он, – возможна нейтрализация и примирение отдельных эгоистических интересов, открывающая «путь к необходимой гармонии, на почве подчинения интересам целого, воплощенном в Совете»¹. В случае победы мировой революции и образования Федеративного Союза соединенных социалистических федеративных республик, Российская республика входит в него на тех же основаниях «в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов». В целом построение политической системы должно вестись не сверху, а снизу – путем концентрации полномочий в региональных структурах власти и институтах с последующим их делегированием в центр².

Третья – национально-территориальная концепция построения Республики формально была выдвинута И. Сталиным (выражавшим в Комиссии позицию В. Ленина) в противоположность коммунитарной концепции Рейснера, которую он определял как анархо-синдикалистскую. В представленных Сталиным тезисах «О типе Федерации Российской советской республики» она определялась как переходный политический режим в форме «диктатуры пролетариата и деревенской бедноты», а государственное устройство – как федерация автономий³. Включение

¹ Доклад члена Комиссии М.А. Рейснера «Об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики» // Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 20-35; Д. 66.

² Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

³ О типе федерации Российской Советской власти. Тезисы Сталина // Там же. Д. 2. Л. 81.

конфедеративного принципа (права на выход из союза) было связано с мессианскими тенденциями большевизма, декларировавшего всем народам право вступления в федерацию «на началах полного равенства и свободы по решению соответственных Рабочих и Крестьянских Советов или им подобных классовых установлений трудящегося населения», а «при образовании Федеративной Социалистической Республики народов Европы или всего мира, Российская Республика входит в состав мирового или европейского союза» на тех же классовых основаниях¹. В проекте Сталина – «Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики»², оказавшего определяющее влияние на исход споров, национально-областной принцип построения Республики почти полностью вытеснен классовым – формирование всей вертикали институтов советской власти подчинено задачам создания «мощной всероссийской политической власти».

Представленный Ю. Стекловым общий «План Советской Конституции» аккумулировал различные подходы – четко соответствовал концепции Коммуны как «Республики Советов», но подразумевал ее централистско-иерархическую интерпретацию. Вводная часть включала декларацию прав трудящихся – «социализм как цель; самостоятельность трудовых масс как средство; интернационализм; права и обязанности трудящихся перед социалистическим отечеством и перед Интернационалом». Структурную основу Республики составляет принцип «федерации наций» и подразделение власти на федеративную и центральную. В рамках этой системы была выстроена иерархия советов (волостные, городские, уездные, губернские, областные, федеративные),

¹ О федеральных учреждениях Российской Республики// Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 77.

² См. две редакции проекта Сталина: «Общие положения Конституции Р.Сов.Фед. Республики» и «Общие положения Конституции Рос. Соц. Фед. Сов. респ.» // Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 80–82.

компетенции их органов во главе с Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК и СНК, причем предполагалось конституционно разрешить вопросы соотношения федеративных и региональных советских структур, их формирования, бюджетного права и распределения ответственности¹.

Представленные три конкурирующих концепции Республики Советов отражают различные коммунистические теории мирового федеративного государства, оказав влияние на его трактовку в РСФСР, а позднее в СССР. В результате их взаимодействия была сконструирована противоречивая и не имеющая аналогов в истории модель государственного устройства: формально-юридически являясь конфедерацией (допускавшей право сепарации как дань интернациональным коммунистическим принципам самоуправления), она объявляла себя федерацией (формально организованной по национально-территориальному принципу), но выстроенной как корпоративистское государство в виде иерархической пирамиды советов различного уровня, а на деле являясь унитарным государством имперского типа. Последовательная редукция принципа народного суверенитета к «власти трудящихся», советскому государству и от него к диктатуре партии – исключала адекватную реализацию федеративного принципа. В то же время взаимоотношение основных компонентов этой схемы, как и их содержательное наполнение, могли меняться, обуславливая колебания между двумя крайними состояниями – тяготением к унитаризму (на большей части советской истории) или, напротив, дестабилизации (завершающая попытка сохранения СССР М. Горбачевым в парадоксальной форме «конфедеративного союзного государства»).

¹ «План Советской Конституции» Ю. Стеклова // Там же. Д. 1. Л. 7 об.; Д. 12. Л. 147; См. также: План Советской Конституции (Стеклова) // Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Л. 19, 226–227.

Конфликт принципов советского унитаризма, федерализма и конфедерализма – так и не получил разрешения в XX в. Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства в обратном порядке: пересмотр роли КПСС как гаранта Конституции поставил вопрос о движении к реальному конституционализму (федерализму), но отсутствие адекватных механизмов разрешения конфликтов между республиками по линии бикамерализма и конституционного правосудия делали естественным прямое обращение к аутентичному смыслу конституционных (договорных) гарантий федерализма. Отказ от унитаристского советского начала вел к децентрализации власти по линии номинального федерализма, а последняя завершилась распадом страны на основе конфедеративного принципа самоопределения национальных государств и раскола единой политической элиты. Описав полный круг, советский эксперимент в 1991 г. вернул страну к начальной точке – ситуации распада Российской империи в 1917 г.

Научное издание

БУДУЩЕЕ НАШЕГО ПРОШЛОГО–5:
ИСТОРИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЕКТ

Материалы
международной научной конференции

14 ноября 2019 г.

Оригинал-макет подготовлен

на кафедре истории и теории

исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ

Компьютерная верстка К.А. Медведева, П.И. Петровой